

Р.Н.Гараева

**СОЛНЕЧНОЕ —**

**ОЛЛИЛА —**

**РАЯЙОКИ**



**История и современность**







Р.Н.Гараева



**СОЛНЕЧНОЕ –  
ОЛЛИЛА –  
РАЯЙОКИ**

**История и современность**



2007



ИЗДАНИЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО СОВЕТА  
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ  
поселок СОЛНЕЧНОЕ

УДК 903  
ББК 63,3 (Санкт-Петербург)  
Г20

Г20 **Гараева Р.Н. «Солнечное – Оллила – Раяйоки».**  
**История и современность. /СПб., 2007. — 128 с.**

ISBN 5-86161-061-4

Книга краеведа Р.Н.Гараевой посвящена истории поселка Солнечное Курортного района Санкт-Петербурга и охватывает его историю с того времени, когда поселок – тогда Оллила – находился на финской территории. Быт и нравы начала XX века, архитектура поселка (и примыкавшего к нему поселения Раяйоки), театральная и литературная история – в поселке и рядом с ним бывали и творили известные художники, поэты, литераторы – все это есть в уникальном издании. Одно из главных достоинств повествования – жизнь и судьба сегодняшних жителей Солнечного, с которыми автор встречалась, записывая их рассказы.

В книге представлен богатый фотоматериал их архивов автора, историков и краеведов, многие редкие снимки публикуются впервые.

128 с. с илл.  
(фотографии, репродукции, карты)

**УДК 903**  
**ББК 63,3 (Санкт-Петербург)**

© Автор — *Гараева Р.Н.*, 2007  
© Оригинал-макет, оформление обложки  
и обработка иллюстраций — *Калашников Б.О.*, 2007  
© СПб., 2007

ISBN 5-86161-061-4

## Уважаемые читатели!



Вы держите в руках книгу не просто необычную, а уникальную. Уникальность ее в том, что это самое первое издание, посвященное истории и людям нашего поселка.

Оллила и прилегавшее к некогда финскому поселку Раяйоки, современное Солнечное – менялись названия местности на географической карте, менялись границы территории, менялись и люди – здесь жили

карело-финны, переселенцы, сегодня живут и трудятся новые поколения обитателей этих мест. Исстари Оллила существовал как поселок курортного типа, не изменяет он своим традициям и сегодня. В настоящее время работают детский санаторий «Солнечное», пансионат «Взморье», пансионат «Дюны», знаменитый и самый большой в Курортном районе пляж «Ласковый», кафе и рестораны на побережье – все это продолжает радовать местных жителей и отдыхающих.

Над книгой несколько лет работала, собирая исторические материалы, наш замечательный краевед, руководитель Краеведческого центра при библиотеке имени Зоценко в Сестрорецке Раиса



Николаевна Гараева. Она работала и в Солнечном – в библиотеке пансионата «Взморье» и в поселковой библиотеке, много общалась с жителями поселка. От имени депутатского корпуса благодарим ее и жителей Солнечного, которые предоставили для работы свои домашние архивы, делились воспоминаниями. Велик их вклад в создание истории нашего замечательного Солнечного.

**Виктор БОРИСОВ,**  
Глава Администрации  
Курортного района  
Санкт-Петербурга

**Николай СТАРИКОВ,**  
Председатель –  
Глава Муниципального Совета  
муниципального образования  
поселок Солнечное

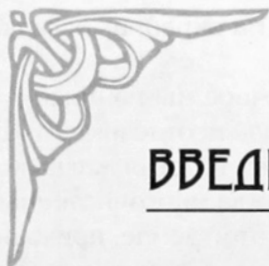
## Посвящается краоведам Курортного района



Раиса Николаевна Гараева – филолог, краевед. Более 25 лет жила в поселке Солнечное и работала заведующей библиотекой дома отдыха «Взморье», собирала материалы по истории Курортного района. Соавтор четырехтомника «История Сестрорецка и его окрестностей», краеведческого альманаха «Курортный район. Страницы истории». Возглавляет Краеведческий центр Курортного района и клуб «Сестроречанин» при Центральной библиотеке им. М.М.Зощенко ЦБС Курортного района.

В книгу вошли современные фотографии П.Винокурова, Р.Гараевой, В.Соловьева, Е.Нифашева, С.Полпудникова и др.; открытки, репродукции и старые фотографии из коллекции С.Ренни, архивов автора, Е.Седова, А.Ковалевского, И.Фоменко, филиала №1 ЦБС Курортного района, дома отдыха «Взморье» и МС МО поселок Солнечное.

Особую благодарность за поиск и сохранность краеведческих материалов автор приносит старожилам поселка, любезно предоставившим автору свои семейные архивы, Н.К.Елисейевой – инициатору музейной экспозиции в библиотеке поселка Солнечное и всему коллективу библиотеки г. Зеленогорска.



## ВВЕДЕНИЕ

---

*Дорогой читатель!*

**В** 39-ти километрах от города Санкт-Петербурга расположен поселок Солнечное. Широко раскинулся он от так называемых Сестрорецких дюн на востоке до границ с поселком Репино по Пограничной улице по обе стороны от железной дороги Санкт-Петербург – Хельсинки. Уникальный микроклимат – сосновые леса с вересковыми коврами, перемежающиеся со смешанным лесом, небольшие озера, разнообразие трав, ягодных кустарников, луговых цветов, «верховые болота», лежащие на огромном гранитном основании, песчаная почва и близость безбрежной глади Финского залива многие годы привлекают в поселок жителей и гостей Санкт-Петербурга. Площадь Муниципального образования поселка Солнечное составляет 2500 га.

На территории поселка расположен многопрофильный детский санаторий «Солнечное», дом отдыха «Взморье», несколько детских садов, закрытый в настоящее время лагерь «Березка» для глухих и слабослышащих детей, государственное унитарное предприятие «Пригородное», включающее 1500 дач, четыре продовольственных магазина, два ресторана, три кафе, отель-ресторан «Атлантис», отель «Старая мельница», два больших старых садоводства, более сотни домов и коттеджей, находящихся в личной собственности. В поселке сохранились старые финские постройки и дома, построенные в послевоенное время, принадлежащие ведомственным учреждениям. В летнее время население поселка возрастает в десятки раз.

На месте старых сгнивших финских построек и временных летних помещений, выстроенных в советское время, на улице Пионерской, Комсомольской, Среднем переулке поднимаются







ввысь добротные малоэтажные коттеджи. На окраинах поселка активно застраиваются садоводства.

Знакомство с поселком Оллила – Солнечное мы начинаем с экскурсии в прошлое. История деревни Оллила неотделима от истории Карельского перешейка. За минувшие столетия жизнь коренного населения настолько изменялась из-за многочисленных войн и межеваний, что людям, жившим на этой земле, приходилось менять не только религию, но и язык. Несмотря на все превратности судьбы, каждый народ, приходивший на эту землю, сохранял свою культуру, традиции и оставил нам, ныне живущим на этой территории, прекрасные памятники природы, первозданные леса, немногочисленную деревянную архитектуру. А то, что исчезло с земли, осталось в памяти людей, поселившихся на этой земле после Второй мировой войны. Низкий поклон этим первоходцам и скромным труженикам, облагородившим и сохранившим этот край – удивительный уголок северной природы, жемчужину среди озер и морей.

Много здесь памятных мест, связанных с людьми, которые жили, трудились и отдыхали на этой земле. Их жизнь заслуживает того, чтобы мы рассказали об этом.





## ГЛАВА 1. НЕМНОГО ИСТОРИИ

---

**Н**а земле есть немало мест, где в течение прошедшего тысячелетия постоянно проходили военные набеги, сражения, передел границ.

Карельский перешеек, лежащий между суровой Ладогой и Финским заливом, является тому ярким примером. В далекие времена главными транспортными путями были реки, озера, Финский залив. Через Карельский перешеек проходил знаменитый путь «из варяг в греки» – от викингов через Великий Новгород и далее в Константинополь. Торговцы селились поближе к этим путям. Издревле на западе Карельского перешейка жили племена суоми (Сумь), Хямэ (Емь), соседями которых были шведы, на востоке карелы соседствовали с новгородцами. В VIII веке южнее Невы и Ладожского озера стали поселяться восточные славяне – псковские кривичи и ильменьские словене. Швеция и Великий Новгород постоянно боролись за свое господство на Карельском перешейке. История войн на этой территории отражена в народном эпосе «Калевала». За последние семь веков государственные границы на этой земле менялись в среднем один раз в столетие.

Более 1000 лет назад племена восточных славян пришли и заселили берега Финского залива, озер Ильменского, Ладожского, Онежского и рек Волхова, Невы, Луги.

В XII веке Приневские земли вошли в состав Новгородской республики и стали называться «Водской пятиной». От нападения шведов и германцев новгородцы по границам своих земель строят крепости – Корела (Приозерск), Орешек (Петрокрепость), а также Ям, Ладогу, Копорье и Изборск.

В начале нашего летоисчисления на всей территории Финляндии проживало менее 10000 человек, в XII веке - не более 50000 человек. Две церкви – римско-католическая и православная - боро-





*Сражение при Гренгаме. С гравюры А.Зубова, 1714 г.*

лись за свое влияние. Для Новгорода - это была еще борьба за торговые пути. С этим были связаны походы на племя хямя в 1125, 1143, 1186, 1191, 1227 годах. В последующие годы над Новгородом нависла угроза татарского нашествия<sup>1</sup>. Этим воспользовалась Швеция. Она начала активно занимать Карельский перешеек, строить крепости. После очередной войны русских со шведами по Ореховецкому миру уже в 1323 году Карелия впервые была разделена на шведскую и новгородскую. Это был первый официальный договор между Швецией и Новгородом Великим. Договор заключили великий князь Юрий Данилович и шведский король Мангус Эриксон<sup>2</sup>.

Граница на Карельском перешейке начиналась от устья рек Сестры и Сайянийоки, не доходя до Ладоги поворачивала на север, пересекала реку Вуоксу и из района современного Савонлинна шла на северо-запад к Ботническому заливу. Крепость Орешек, дельта Невы и ее берега, а также южная и восточная части Карельского перешейка территориально вошли в состав Водской





пятины Новгорода Великого (новгородские земли делились на пять частей – «пятин»).

В XV веке Москва присоединила к себе обширные земли Новгородской республики, в том числе и «Водскую пятину». Тогда-то и появилось первое письменное упоминание об этих землях. Иван III присылал писцов и в 1498-1501 годах – «Водскую пятину» описывали дважды. В частности, в Переписных книгах упоминается Лисий нос (Лисичье на Корином мысу). Было 6 уездов. Северное побережье Финского залива входило в 2 уезда: Ореховский и Копорский.

В 1611 году в период междоусобиц на российском престоле шведы захватили русскую крепость Корелу и продвинулись далеко на юг. В результате в 1617 году Россия вынуждена была заключить так называемый Столбовский мирный договор, по которому она теряла весь Карельский перешеек и юго-западные земли до Луги. Эти земли стали шведской провинцией Ингерманландией или Ингрией.

Около 50 тыс. человек русского населения бежали в глубь России. Для заселения этих земель шведский король Густав II Адольф стал переселять крестьян из Финляндии. Еще в середине XIX века финны помнили, из каких мест Финляндии прибыли на эти земли их предки. Путь к Балтийскому морю для России был отрезан<sup>3</sup>.

И весь XVII век здесь правила Швеция - военное государство с огромной армией и штатом своих наместников. Их присутствие тяжелым бременем ложилось на коренное население. Швеция вела непрерывные войны. В награду за победы король наделял своих офицеров ленами (землевладение, хозяин которого имел право собирать все налоги и использовать их на свои нужды). В итоге, к середине XVII века, 60% всей территории Финляндии были розданы дворянам.

Петр I всеми силами стремился получить выход в Балтийское море и укрепить положение России среди европейских стран.

После Северной войны, начатой Петром I 19 августа 1700 года, (финны называли эту войну «Большой злобой») по Ништадскому мирному договору (1721 год) Прибалтика и Ингерманландия были присоединены к России, но почти всю Финляндию Петр I вернул Швеции. Юго-восточная граница Финляндии стала проходить почти по линии советско-финляндской границы 1940 года. Выборг,





Кексгольм и Сортавала остались на русской стороне. Для финнов война была долгой и мучительной. Чиновники бежали в Швецию. Простой народ скрывался в лесах.

Однако Швеция не могла смириться со своим поражением и начала новые военные действия в 1741 году, которые закончились победой русских. По мирному договору 1743 года, заключенному в г. Або (Турку), новая граница установилась по реке Кюмийоки. В Финляндии эту войну называют «Малой злобой».

Жители бывшей шведской Карелии практически стали крепостными. Их земли дарились вельможам, приближенным к царскому трону.

Новая война 1788 – 1790 гг., начатая Густавом Третьим, закончилась присоединением Финляндии к России. В 1808 году Александр I при поддержке Дании перешел финляндскую границу. После сдачи крепостей Свеаборга и Хяминлинна Александр I объявил о присоединении Финляндии к России. Согласно миру, подписанному 17 сентября 1809 года в Хамина, Швеция уступала всю Финляндию и часть Лапландии России. Граница прошла по рекам Торнио и Муонио. В марте 1809 года на сейме города Борго была подписана «Великая хартия», согласно которой царь гарантировал Финляндии сохранение ее религии, конституции и прежнего титула – Великое княжество Финляндское, которое она получила в 1581 году в период правления шведского короля Юхана III в честь победы шведского военачальника Понтуса де ла Гарди и присоединения Кексгольмского округа к Швеции. У княжества сохранялась собственная денежная единица и Национальная гвардия – Гвардейский Финский стрелковый батальон. Финский язык сохранялся на бытовом уровне, аристократы Финляндии предпочитали шведский язык и делопроизводство велось на шведском языке. Но после 1863 года роль финского языка стала усиливаться, издаются книги, газеты, растет общественное движение за сохранение национального языка и культуры. Открываются народные школы с преподаванием на финском языке.

Местное самоуправление в княжестве осталось в прежнем виде. В городах до 1875 года самоуправление находилось в руках торговцев и ремесленников, имевших право на предпринимательство. В сельских местностях до 1865 года решения принимались





на приходских собраниях. Право голоса имели совершеннолетние мужчины. Главой собрания был пастор.

В 1882 году финское правительство выкупило землю у русских помещиков, вернуло ее крестьянам с правом выкупа в течение 39 лет. Однако это был непосильный долг для многих крестьян. В поисках заработка они уходили на отхожие промыслы. К концу XIX века 49% сельского населения проживало на своей земле, 34% арендовало землю. Этих арендаторов в Финляндии называли торпарями. 17% вообще не имели земли и уходили на всевозможные заработки. Зачастую некому было обрабатывать поля. Сельское хозяйство приходило в упадок. В приграничных районах Карельского перешейка сельское хозяйство велось старыми методами и было зоной рискованного земледелия по климатическим условиям. Близость к Санкт-Петербургу способствовала торговле мясом, молоком, маслом, скотом, ягодами<sup>4</sup>.

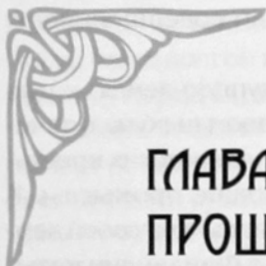
Строительство железной дороги, которая связала финский город Риихимяки с Санкт-Петербургом, круто изменило эти земли. С 1868 по 1870 годы на работах было занято около 12 тысяч финнов. Проект разработали и осуществили финские инженеры и архитекторы. Финское правительство финансировало все строительство<sup>5</sup>.

В 1889 году в Куоккале построили железнодорожную платформу. В расписании поездов Финляндской железной дороги за 1901-1902 гг. упоминается платформа Оллила. В книге Балашова Е.А. говорится о 1906 годе, когда появилась станция Оллила. названная в честь финского подданного, богатого корабельного промышленника Олафа Ульберга, жившего в Санкт-Петербурге. Все строительство и содержание платформы производилось на его деньги. Недалеко (в районе современной улицы Мира и Среднего переулка) на большом участке земли О.Ульберг построил собственную дачу. Этот факт был одним из мотивов такого щедрого меценатства.

Наконец, в 1917 году почти у самой границы появилась еще одна станция - Раяйоки. Великолепное здание вокзала, построенное по проекту архитектора Бруно Грэнхольма в стиле северного модерна, было разрушено в годы второй мировой войны.

Большое княжество Финляндское входило в состав России с 1809 по 1917 год.





## ГЛАВА 2. ПРОШЛОЕ ДЕРЕВНИ КУОККАЛА. К ВОПРОСУ О ГРАНИЦАХ

---

**Д**еревня Куоккала начиналась от границы с Российской империей по реке Раяйоки (совр. Сест-ра) от кромки Финского залива полосой, примерно, 4-4,5 км и тянулась с десяток километров на запад до поселения Келломяки. На юге границей был Финский залив, на востоке и на севере ее ближайшими соседями за рекой Раяйоки была деревня Ретукюля (не сохранилась) и большая деревня Валкеасаари (Белоостров). В средней части деревни близ реки Раяйоки ее соседом была деревня Тулокас, Хаапала, а также деревня Луутахянтя. Сейчас здесь расположены коттеджи и поселок Ленинское.

Дорога из Выборга в Россию местами проходила по берегу моря, близ кромки воды, а с другой ее стороны возвышался береговой выступ древнего Литторинового моря<sup>1</sup>.

С давних времен дома в деревне располагались по сторонам этой дороги. После открытия Финляндской железной дороги и строительства станций, которых в деревне было три: Куоккала, Оллила, Раяйоки, протянулись многочисленные дорожки и проулки. Началась застройка на обширных, непригодных для сельского хозяйства, землях. Площадь деревни Куоккала между шоссе и железной дорогой составляла около 42 кв. км. Из-за большой протяженности в районе каждой железнодорожной станции формировался свой школьный округ.

Так, западная часть Куоккалы имела название Ванасси или Афанасово (по имени хозяина кабачка), далее на восток, Кески Куоккала (Центральная Куоккала) или Курносово, а восточная часть – Перя Куоккала (Крайняя Куоккала) или пограничная сторона - Раяйоки. Имя Курнос (Курнойнен) мелькает как название





местности в 1789 году в связи с одним судебным разбирательством. В старину здесь проходил тракт, называемый русскими Курносовским. Местные же жители считали, что виновниками этого названия были русские пограничники или казаки, которые в XVIII и XIX веках были во всех деревнях волости Кивеннапа. Курнойнен было очень созвучно русскому «курносый нос». Формы носов курносовских жителей никогда не имели таких особенностей. После строительства станции, которая получила название Оллила, новое название стало вытеснять старое Курнойнен.

Между упомянутыми частями деревни не существовало точных границ.

Местность и поселение у реки начали называть Раййоки, когда образовался школьный округ Раййоки. В 1864 году граница деревни на востоке проходила по Ржавой канаве, прорытой для спуска весенней паводковой воды из озера Разлив..

Неясно было, где проходит граница Перя Куоккалы (позднее Раййоки) и Оллилы: или по дороге Хямяляйнена (совр. улица На-



Вокзал станции Куоккала. С открытки начала XX в.  
Из коллекции С.В.Ренни





горная) или по Кивитие (Каменная дорога) – современной улице Вокзальной. Спорной была граница между Оллилой и Западной Куоккалой (Ванасси) – от Сетевой гавани – места стоянки рыбаков летом, к переезду Каасалайнена и к дороге Кивихарью (совр. ул. Пограничная).

Несомненно одно, Куоккала – древнейшее поселение на берегу Финского залива и древнейшее место рыболовства, которое веками кормило и продолжает кормить жителей побережья и окрестностей.

Старинные финские семьи – Хуумонен, Линтунен, Скюц, Хямялайнен, Кявяя – известны в этих местах с XVIII века.

До 1939 года в деревне Оллила и Раяйоки было около 120 жилых домов и дач, 2 школы, несколько магазинов, молельный дом, 2 православные церкви, десятки русских дач и общественных зданий.

На современной Петровской улице, на перекрестке с дорогой, ведущей к санаторию «Солнечное», стояла небольшая православная церковь Смоленской иконы Божьей матери, построенная в 1911 году. В народе ее называли «Колумбия». Каменную церковь разобрали в 1925 году.

В Раяйоки в конце XIX века часовню св. апостола Богослова, находившуюся недалеко от развилки современного Приморского шоссе на Белоостров (39-й км) перестроили в 1896 г. в церковь, которую освятили позже. Так как русские дачники покинули эту территорию после 1917 года, служба не велась, и церковь разобрали. В наше время белоостровским краеведом М.А.Логунцовым обнаружен фундамент церкви.





### ГЛАВА 3. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДАЧНАЯ ТРАДИЦИЯ

---

*«Белеют плоские купальни,  
Смуглеет женское плечо.  
Какой огромный умывальник!  
Как солнце парит горячо!»*

**Вл. Ходасевич<sup>1</sup>**

**Д**ача - часть нашего быта и нашей культуры. До начала XX века дачная жизнь считалась роскошью, которую могли позволить только знатные и богатые люди. Но с началом урбанизации и индустриализации нездоровый петербургский климат требовал, чтобы по крайней мере лето горожанин проводил за пределами столицы Санкт-Петербурга.

Бурное дачное строительство развернулось вокруг железных дорог. Приоритетными считались населенные пункты, расположенные в часе езды по железной дороге. По Финляндской дороге дачные места начинались от Ланской. За Белоостровом, где проходила русско-финляндская граница (внутри Российской Империи), шли богатые дачные места: Оллила (Солнечное), Куоккала (Репино), Терийоки (Зеленогорск), Тюрисевя (Ушково). Уже с середины XIX века в России развивается средний слой городского общества, у которого не было родовых поместий, но он обладал достаточным количеством денег, чтобы «нанять дачу». Так, в начале XX века средняя стоимость дачи на все лето составляла от 50 до 200 рублей, цена дорогих дач могла достигать до 800-1000 рублей, а самые дешевые комнаты стоили 15 рублей на сезон. Чтобы представить масштаб цен, можно привести для сравнения несколько цифр: средний заработок чиновника и служащего составлял, примерно, 100 рублей в месяц, врачи, адвокаты, препода-





даватели могли заработать до 500 рублей. Рабочий получал за месячный труд 30-40 рублей.

Летний выезд на дачу приобретал массовый характер. Уже в марте в газетах появлялись объявления, приглашения на дачную жизнь в близких и дальних загородных местностях. Для петербуржца считалось обязательным выехать с семьей из душного и пыльного казенного Петербурга. Это была настоящая «дачемания», которую современники называли ежегодным «великим дачным переселением»<sup>2</sup>. Дорога Выборг – Сестрорецк или современное Приморское шоссе на участке Оллилы на рубеже столетий во многих местах была затоплена и трудно проходима, но для дачников уже в первое десятилетие XX века строились деревянные тротуары<sup>3</sup>.

В путеводителе по дачной местности сообщается:

«Куоккала, или, вернее, Афанасово, представляет собою одну из лучших местностей дачной жизни, расположенных по Финляндской железной дороге, между Петербургом и Выборгом.

Замечательно чистый воздух, свободный от пыли и миазмов и насыщенный благоуханием соснового леса; песчаная почва, немедленно всасывающая влагу так, что сейчас же после дождя можно отправляться на прогулку, не рискуя промочить ноги; чистая ключевая вода, мало отличающаяся на вкус от речной воды; отсутствие скученности в дачных поселках; прекрасное купание в море; совершенное отсутствие ресторанов и портерных, а, следовательно, и пьяных; хороший сосновый лес; удобное недорогое сообщение...привлекает на прогулку многих дачников.

Лучшею более красивою и здоровою дачной местностью в Куоккала, по справедливости, считается та, которая расположена влево от полустанка, по направлению к Сестрорецку, преимущественно по берегу моря, но зато и дачи здесь несколько дороже, чем в остальной местности, которая тянется по направлению к Терийоки. Крестьянские домики в 2,3,4 комнаты можно иметь от 75 рублей до 250 рублей; хорошие теплые дачи в 7-10 комнат, с мебелью, посудой и дровами отдаются по цене от 500 до 600 рублей...

Развлечения в Куоккале самые скромные, но зато способствующие восстановлению здоровья: прогулки пешком и на лошадях по окрестностям, катание на лодках и рыбная ловля.





В Куоккале имеется несколько лавок: мелочных, мясных, зеленных и булочная. Мясо, зелень, булки и молоко доставляются на дом. Из Петербурга в Куоккалу и обратно ходят по шесть поездов ежедневно»<sup>4</sup>.

Через семь лет автор «Спутника по Финляндии» пишет: «В полуверсте от Белоострова поезд едет по железнодорожному мосту через реку Сестру, оставляя позади себя русско-финляндскую границу. Местность становится более сухою и лесистою. Полустанок Оллила (36 км.). Эта местность вполне подходит для тех дачников, которым необходимо бывать ежедневно в Петербурге, неудобно селиться в более отдаленных дачных районах. В виду дороговизны петербургских квартир, многие дачники остаются здесь на зиму. Цены на дачи здесь, сравнительно, высокие (от 400 до 900 рублей). Дальше по береговой линии сдаются на лето крестьянские дома в 2-4 комнаты ценою 80-160 рублей за лето. Лучшие дачи с прекрасным видом на залив расположены вдоль берега. От полустанка железнодорожный путь тянется вдоль Финского залива, берег которого на протяжении многих верст застроен дачами и отстоит от железнодорожного полотна всего в полутора-двух километрах. Две большие деревни Курносово и Афанасово тянутся на несколько километров, занимая прилегающие к пути возвышенности»<sup>5</sup>.

Еще через несколько лет авторы книги «Из жизни Петербурга 1890–1910-х годов. Записки очевидцев» пишут: «За Белоостровом шли дачные места по берегу Финского залива... Здесь стояли виллы с огромными участками... Постройки были настолько богаты, что дачи Репина «Пенаты», писателя Леонида Андреева выглядели скромно. Владельцы дач на береговых участках имели моторные и парусные яхты. Переезд границы не замечался. Проверки паспортов и таможенного досмотра не было.

Вся Финляндская железная дорога обслуживалась финнами в голубых кепи и форменных тужурках. В Белоострове еще были русские жандармы. Деньги ходили общероссийские и финские марки из расчета 37 копеек. По обеим сторонам железной дороги был сплошной лес, который теперь очень поредел.

Одной из старейших русских дач в Оллиле была дача Николая Бренёва. Он жил здесь с 1909 по 1939 год. О нем мы расскажем позже.





Владельцы первых дач были преимущественно зажиточными людьми»<sup>6</sup>.

Они строили себе великолепные здания с чудными парками вокруг. Очень многие из них принадлежали к петербургской немецкой и международной интеллигенции, не имевшей в отношении к Финляндии и финнов тех предрассудков, которые господствовали среди российских патриотических славянофильских и правящих кругов. Поэтому их отношения с местными жителями были хорошими и дружественными. Они жили здесь только летом и поддерживали тяготение к прогрессу многих жителей деревни. Между прочим, они оказали большую денежную помощь для строительства народных школ поселков.

Первым, кто проводил здесь лето и стал инициатором освоения этих земель под дачи, был статский советник Рафаэль фон-Гартман. В 1898 году он построил роскошную дачу -виллу «Алиса» в центре Терийоки. Вскоре приобрели здесь земли друзья семьи и друзья этих друзей и построили дачи в чудной местности на берегу Финского залива, среди благоухающих хвойных лесов и дюн. Многие петербуржцы возводили дачи на непригодных для земледелия песках и сдавали их в наем. Вслед за зажиточными людьми, у которых были собственные дачи, стали появляться люди других сословий и даже служащие, которые арендовали жилье у местных жителей. Сами хозяева жили в банях или наскоро построенных «летниках».

Приезжали сюда на отдых из Санкт-Петербурга и финны. По данным 1910 года в Петербурге проживало более 17 тысяч финнов. Они преимущественно занимались ручным трудом (сапожники, портные, часовщики, трубочисты, металлисты и ювелиры). Финский ювелир известной фирмы «Фаберже», Генрик Иммануил Вигстрём купил в Оллиле участок на современной улице Лесной.

Другой мастер фирмы «Фаберже», Стефан Вякевя, часто проводил лето в Оллиле на даче своего зятя, Адама Херттуайнена, мастера по серебру. Херттуайнен был младшим поставщиком фирмы «Фаберже». Изготавливавшееся им столовое серебро продавалось через посредничество «Фаберже». После революции Херттуайнен поселился на постоянное жительство в Оллиле (в районе Красных ворот).





Дух дачной жизни на побережье прекрасно описал известный академик, ученый-филолог Дмитрий Сергеевич Лихачев. В начале прошлого века его родители снимали дачу в Куоккале. А так как Оллилу трудно было разделить от Куоккалы территориально даже в то время, то и дачная жизнь там протекала по тому же сценарию, только немного проще. Все зависело от более тонкого кошелька дачников. Второй особенностью Оллилы было достаточно компактное и плотное проживание финнов в поселке и наличие Молельного дома, что вносило некую скромность в дачную жизнь. Но картины дачной жизни на берегу были похожи на ту, что описал Дмитрий Сергеевич Лихачев. «На северном берегу Финского залива располагались дачные места, где жила по преимуществу интеллигенция, склонная к творческому бунтарству... Жизнь дачной местности летом была совершенно непохожа на современную. Дачники постоянно общались, ходили друг к другу в гости, обсуждали все новости - как газетные, так и местные. Каждый заботился о своей репутации, о том, что о нем говорят. Наряжались не только для того, чтобы похвастаться своей портнихой, но и чтобы создать «свой образ». Мария Альбертовна Пуни одевалась экстравагантно, другие - подчеркнуто скромно или «строго» - в аристократическом вкусе.

Все это создавало культуру. Культура дачного общества была повторением русской культуры в целом, но в меньшем масштабе. Она носила разговорный характер. Мнение каждого вырабатывалось в беседах с друзьями, иногда в спорах, которые не вели к вражде, но создавали интеллектуальную индивидуальность каждого.

Куоккальские дачи имели заборы всегда деревянные и всегда различные, пестро окрашенные. У заборов останавливались разносчики и финские возки. Корзинки с товарами носили на голове, подкладывая мягкий круг. Цыгане били в котел и кричали: «Пудить, паять...» - и еще что-то третье.

## Пляж

Самые счастливые воспоминания детства связаны у меня с пляжем в Куоккале. Как вчерашние, я помню дни, с утра проведенные на пляже у своей будки. Эта будка была непременной при-





*Оллила. Общий вид моря с башни водолечебницы.  
С открытки начала XX в.*

надлежностью сдаваемых дач. Дача сдавалась целиком. По комнатам нанимать или сдавать дачу никому еще не приходило в голову. И вот весной, как только дачники переезжали на нанятую ими дачу, хозяин водворял будку на воз и вез ее на пляж, где вместе с моим отцом они выбирали место для «нашей» будки. Часто будок было так много, что их выстраивали в два ряда...

В будке хранились шезлонги, купальные костюмы, игрушки.

В 12 часов на пляже мы пили молоко, принесенное утром в бутылке и закопанное в прохладный сырой песок позади будки.

Счастьем было наблюдать артиллерийские учения на фортах. Ближе всего к Куоккале был форт «Тотлебен». Мимо него на канате буксир тянул белый щит, хорошо нам видный, по нему артиллеристы стреляли. Если погода безветренная, особенно утром - в предвестии жары, то, прислушавшись, на берегу можно было слышать как бы басовые гудки: у-у-у, у-у-у, у-у! Это в Куоккала слышен на пляже звон большого колокола Исаакиевского собора. Звонят во все колокола, но слышен только большой, самый большой в городе. И в определенный час, пока еще пляж не наполнится людьми, мы бегали к морю послушать Исаакий.



По воскресеньям на пляже где-нибудь играл оркестр: это означало, что было благотворительное представление. Представления были и в куоккальском театре. Небольшой оркестрик из четырех отставных немецких солдат ходил по улицам Куоккалы, останавливался перед какой-нибудь дачей и начинал играть - начинал с «Ойры», любимой финнами песенки. Если им махали рукой, они прекращали игру, но часто мы просили их записать - в какой день прийти, играть танцы на дне рождения или на именинах, когда собирались дети со всей округи.

В дни рождения и именин детей обычно иллюминировали сад китайскими фонариками, обязательно жгли фейерверк...

### Царство детей

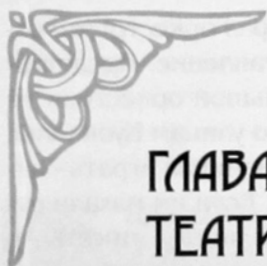
Куоккала была царством детей. Интересы детей, их развлечения господствовали. Взрослые с удовольствием принимали участие в детских играх. Дух озорства проявлялся в местном театре, где выступал иногда и Маяковский, читали Репин, Чуковский, Кульбин, ставились подростками фарсы. Мальчишки пели озорные песни про пупсика, «большую крокодилу», матчиш. И дети, и взрослые (иногда вместе, разновозрастными компаниями, а иногда небольшими группами) ходили на длинные прогулки. Раз в лето непременно ходили на музыку в Сестрорецкий курорт (выходили очень рано утром). Чаще ходили на «мельницу»: на Сестре-реке была мельничная запруда (там жил как-то на даче А.Ремизов). «Мельница» - (так мы называли всю местность) казалась мне красивейшим местом в мире. Молодежь ездила туда компанией на велосипедах.

Вот в этой обстановке расцветала озорная живопись, озорное сочинительство (пьес и стихов), по преимуществу для детей. Без этого детского и юношеского озорства нельзя понять многое в Чуковском, в Репине, в Пуни и в Аненнкове.

*Лето длилось бесконечно долго...»<sup>7</sup>*







## ГЛАВА 4. ТЕАТРАЛЬНАЯ ОЛЛИЛА

---

**В** начале XX века в дачные сезоны в зеленые хвойные леса и на взморье устремились многочисленные театральные труппы. По вечерам, спасаясь от однообразия и дачной скуки, в небольшие летние театры и студии, которые росли как грибы, собиралась дачная публика.

В полутора часах езды на паровичке от столицы Российской империи, по ту сторону Белоострова, бытовали другие нравы, существовала другая цензура, и эти обстоятельства привлекали многих режиссеров и актеров.

В апреле 1907 года на перешейке появился уже известный и скандально-модный театральный режиссер Всеволод Эмильевич Мейерхольд<sup>1</sup>.

Театральный сезон был закрыт. У Мейерхольда в запасе было 4 месяца. Поселившись на небольшой даче в Куоккала, он пишет статью «Театр. К истории и технике». В пользу Куоккалы говорило многое: было легче приняться за статью, заказанную В. Брюсовым для альманаха «Весы», привлекала атмосфера дачной жизни. Здесь собирались представители нового искусства-художники, поэты, драматурги - и Андреев, и Пяст, и Городецкий, могли подъехать Кузьмин, Ремизов, Блок. «Не хотите ли приехать к нам, погулять по берегу Финского залива. Море уже очистилось ото льда. Приезжайте. Будем очень-очень рады» – писал Мейерхольд Блоку 30 апреля<sup>2</sup>.

Была у Мейерхольда и тайная мысль, познакомившись с Чуковским, оказаться обладателем переводов последних пьес западных авторов для театра на Офицерской улице в Санкт-Петербурге, а главное же, конечно, усердно готовиться к новому сезону. Если нельзя репетировать, то писать сценические партитуры, разрабатывать постановочные планы, а то и ставить тут же, в





дачном театре, или, того лучше, организовать студию с новыми задачами на манер той, что не получалась в прошлом году на Поварской в Москве.

А студия и в самом деле возникла. «Здесь (в Оллиле) ...организуется (и уже почти все дело на мази)» – писал он 2 мая В.О.Веригиной, – «кружок музыкантов, который в течение всего лета с конца мая будет вместе со мной устраивать: 1) вечера музыкальной студии (пластические пробы) 2) общедоступные музыкальные вечера»<sup>3</sup>.

Намерение выглядело скромным, однако программа была обширной: «Я хочу поставить в Куоккале ряд коротких спектаклей из вещей, не разрешаемых по ту сторону Белоострова: «Саломею» О.Уальда, «Пляску смерти» Ведекинда, «Короля на площади» Блока»<sup>4</sup>...

Здесь Мейерхольд писал книгу о новом театре. Он понимал, что новый театр вырастает из новой литературы. Особенно привлекала Мейерхольда работа над оперой Рихарда Штрауса по пьесе Оскара Уайльда «Саломея», вернее отрывка из нее - танец Саломеи. Пьеса «Саломея» была запрещена русской цензурой, поэтому думать в то время о ее постановке в Петербурге было бесполезно. Мейерхольд хотел использовать благоприятную возможность - в Финляндии цензура была не такой свирепой. То, что было запрещено в России, вполне могло пройти в Финляндии. Для воплощения мечты в реальность нужна была талантливая исполнительница. Он предлагал эту роль актрисе В.Веригиной, но она была далеко от Петербурга на гастролях. Кроме того, для постановки пьесы у Мейерхольда не было ни своей труппы, ни достаточно пригодного помещения. И Мейерхольд обратился с просьбой к В. Гардину, который в это лето снял для своего театра помещение казино в Терийоках, предоставить ему театр и актеров для постановки «Саломеи». Владимир Гардин, руководитель так называемого «Свободного театра», согласился, но попросил Мейерхольда поставить также пьесу Л.Андреева «К звездам». Мейерхольд поставил в театре «Саломею» и пьесу Гауптмана «Ткачи». Для исполнения роли Саломеи Мейерхольд пригласил актрису В.Чирикову (Иолшину), но вскоре вынужден был отказаться от репетиций. Он начал работать с другой актрисой - оперной певицей М.Аксариной, которая не смогла воплотить в танце идею режис-





сера. В газете «Речь» было много сообщений о запрете спектаклей, после этого труппа решила заменить репертуар.

Мейерхольд порывает с Гардиным и в письме к Веригиной он пишет: «...Гардин оказался человеком ненадежным. Теперь я всецело отдаю все свои силы музыкальной студии. В Оллила мы ставим наши вечера по воскресеньям. Дела идут недурно, но утомляюсь я чрезмерно.»<sup>5</sup>

В этой студии Мейерхольд начал экспериментировать в области нового репертуара.

Как писали афиши того года, на станции Оллила, на берегу моря в здании театра Н.П.Федотова (театр стоял на границе Оллилы и Куоккалы), 20 июня прошел второй вечер музыкальной студии. В программе вечера участвовали скрипач, пианист, виолончелист, солистка В.А.Мягкова (сопрано), солист М.Д.Шишкин (баритон). Помимо других номеров впервые исполнялся «Листок из альбома» Рихарда Штрауса. Цена билета была от 35 копеек до 2 рублей.

24 июня Музыкальная студия исполнила в театре отрывок из оперы Рихарда Штрауса «Саломея» и танец Саломеи (инсценировка В.Э.Мейерхольда).

На вечере инсценировок 29 июня были представлены два романса Грига и Эренбурга, инсценированные Мейерхольдом, а также танец Саломеи. Из всей пьесы Мейерхольду удалось поставить только танец. Да и то, с этой «трудной, но в высшей степени интересной пластической задачей исполнительница не справилась. Саломею танцевала одна оперная певица. Танцевала неважно. Зато музыка звучала превосходно.»<sup>6</sup>

13 июля музыкальная студия ездила на гастроли в театр Гардина в Терийоках. «В этот день там был назначен вечер нового искусства. В первом литературном отделении участвовали А.Блок, С.Городецкий, С. Сергеев-Ценский, К.Чуковский и артисты. Во втором отделении выступала Оллильская студия. Были показаны инсценировки романсов Чайковского «Отчего» и «На nive желтые» и танец Саломеи. Постановочной частью всего вечера руководил Мейерхольд.

На следующем вечере музыкальной студии, который состоялся 15 июля, Мейерхольд инсценировал отрывки из оперы Вагнера «Тристан и Изольда» – смерть Изольды и грезы Тристана.





В программу вечера 22 июля, кроме камерной музыки, музыки Э.Грига, Шумана, вошли инсценировки В.Мейерхольда. Цены на билеты возросли от 75 коп. до 3 руб. 50 коп. В афише также сообщалось, что в воскресенье 29 июля готовится вечер северной музыки с отделением, посвященным финской музыке<sup>7</sup>.

Каждое лето дачники Оллилы могли знакомиться с новым театральным коллективом. Так, газета «Дачник» №23 от 24-25 июня 1909 года сообщала, что «в местном театре с понедельника 29 июня с.г. начинаются спектакли драматической труппы под управлением А.Н.Кремлева. На первый раз будет представлена комедия А.Н.Островского «Без вины виноватые». В главной роли Отрадиной-Кручининой выступит М.Л.Лаппо-Данилевская.»<sup>8</sup>

«Зимой 1910 года Нордман (Н.Б.), вторая жена И.Е.Репина, арендовала в поселке Оллила деревянный летний театр. Репин сообщил Чуковскому: «Нат(алия) Борис(овна) зафиксировала за собою театр Федотова для уступки его кооператорам. Прекрасная идея - к разумному объединению на мирных началах - чрезвычайно увлекла Репина в начале XX века. В январе 1910 года Репин написал «устав кооперации». В пункте первом он объяснял: «Главная цель кооперации - просвещение и полезные развлечения».

Театр в Оллиле, аналогичный куоккальскому, только с пристроенным еще балконом-навесом и «раковиной» для оркестра, был расположен в прекрасном месте, почти на самом берегу моря, менее чем за километр от «Пенатов» (здание театра не сохранилось). Нет даже остатков фундамента, но известно, что он находился среди сосен на берегу, примерно, против того места, где сейчас остановка автобуса «Солнечное – Ленинградская». Народный дом «Прометей», как называли театр, был вскоре куплен Репиным на имя Натальи Борисовны. Туда была перенесена библиотека (в основном из книг, подаренных авторами – гостями «Пенат», там читались лекции с «волшебным фонарем и туманными картинками» (так называли тогда простейший проекционный аппарат и получаемые при его помощи изображения). В театре читали лекции Чуковский, Морозов и те ученые, с которыми был дружен Репин. Там же в 1911 году, в качестве эксперимента, был устроен первый в этих местах детский сад. Нордман и несколько ее помощниц, знакомых, живших в Куоккале, решили приходить





пять раз в неделю, чтобы заниматься детьми. Наталья Борисовна не была удовлетворена этим опытом. В одном из писем она жаловалась на то, что детям не сумели и не успели привить ни одного полезного навыка».<sup>9</sup>

Летом в театре «Прометей» шли театральные представления. Об одном из спектаклей сохранилось много свидетельств. Труппа Мейерхольда, обосновавшаяся летом 1912 года в Терийоках, играла в театре «Прометей» 1-го июля, когда в Финляндии обычно праздновалось начало жатвы, или, как это называли, «День сбора ржи».

«Закончили день поздно вечером, – писала Н.Пордман – Давали Кальдерона «Поклонение кресту» и «Арлекинаду». По воспоминаниям В.Веригиной, все актеры в то лето работы с Мейерхольдом были очень увлечены своими ролями и всем спектаклем в целом. Одна из частей «Арлекинады» исполнялась под музыку Дебюсси, представление было построено на основе пантомимы.»<sup>10</sup>

Илья Ефимович Репин писал: «Пенаты», наш дом в Куоккала, почти десять лет исполнял миссию народного университета (разумеется, в крошечном виде). Каждое воскресенье в нашей гостиной читались публичные лекции по самым разнообразным знаниям: от астрономических законов Вселенной до шитья сапогов... Публика была самая разнообразная: сидельцы, приказчики, дворники, кухарки, горничные, фермеры и пр., начиная с 10 лет... до 60-летних... Летом лекции читались в саду, где кончались пением народных фабричных песен..., частушек... и танцами...»

Иногда лекции переносились в летний театр - пустое деревянное здание на берегу моря в поселке Оллила»<sup>11</sup>.

Еще в 1904 году в поселке Оллила возникло свое молодежное общество «Писара» («Капелька»). В него входили ученики народных школ Оллилы и Раяйоки. Зимой члены общества собирались у кого-либо из членов «Писара», а летом в летнем театре Федотова (позднее «Прометей»). Долгие годы театр принадлежал русскому живописцу И.Е.Репину. В конце своей жизни И.Е.Репин подарил это здание обществу. В этом театре ставили спектакли на финском языке. В начале 20-х годов общество «Писара» получило во владение одну из дач у Красных ворот. Большой популярностью у жителей поселка пользовались спектакли «Семья священника», «Для чести» и другие.





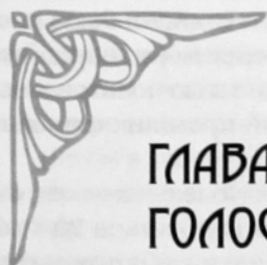
Другим центрами развлечений в Оллиле и Раяйоки была площадка перед железнодорожным мостом, берег моря, народные школы. В каждом поселке большой популярностью пользовались певческие праздники. Последний певческий праздник финской песни в Оллиле состоялся в 1939 году.

После Второй мировой войны в бывшем Молельном доме открыли кинотеатр, библиотеку. Там ежедневно до конца 70-х годов крутили кино, в сборных концертах выступали артисты театра и кино, по субботам проводились танцевальные вечера. Потом клуб закрыли, осталась одна библиотека, которая помимо жителей поселка обслуживала в летнее время еще и жителей поселка Комарово (прежде Келломяки).

В середине 50-х годов в поселке Солнечное (переименовали в 1948 году) открылся клуб дома отдыха «Взморье». Здесь каждый день показывали кино, выступали артисты, проходили танцевальные вечера. В дни праздников ленинградские театры давали спектакли как для взрослых, так и для детей. Многие годы на сцене выступал дипломант смотра участников художественной самодеятельности коллектив работников дома отдыха «Взморье». Клуб был открыт для всех жителей и гостей поселка. В начале 90-х годов клуб закрылся.

В настоящее время в здании поселковой библиотеки находится Муниципальный Совет Муниципального образования поселка Солнечное, действует Муниципальный культурный центр. Здесь проходят тематические праздники и встречи, выступают артисты, организуются всевозможные выставки. В библиотеке работает небольшой краеведческий музей, созданный усилиями местных краеведов и Н.К.Елисейевой, многие годы проработавшей заведующей библиотекой поселка Солнечное. Книжный фонд, составляющий более 20000 тысяч экземпляров, способен удовлетворить многочисленные запросы читателей.





## ГЛАВА 5. ГОЛОСА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

---

А.А.Блок

**В**след за состоятельными дачниками в поселок в начале XX века пришла русская интеллигенция. Ветер свободы, летавший по окрестным лесам и дюнам тогдашней Финляндии, окрылял бледнолицых жителей, засидевшихся в темных домах-коробках столичного города, торопил их к взморью, к неторопливому общению на дешевых, скромных дачах. Под впечатлением от красот природы рождались интересные проекты, литературные шедевры, дошедшие до нынешнего поколения.

С Карельским перешейком связана одна из страниц жизни поэта-символиста начала XX века Александра Александровича Блока. Летом 1907 года А.А.Блок вместе с друзьями часто бывал на самом модном и дорогом в ту пору Сестрорецком курорте, катался на лодке вдоль берега Финского залива, много километров проходил пешком, сочиняя по пути стихи. Эта привычка сочинять на ходу была давней, и часто то, что он видел по дороге, вечером записывалось уже в стихотворных рифмах в тетрадь. Несколько стихотворений непосредственно связано с Финским заливом, с Сестрорецкими дюнами, тянувшимися до самой Куоккалы. И там, на самой середине пути от Сестрорецка до поселка Оллилы, находилось старинное становище рыбаков, где и проживала золотоголовая героиня его стихотворения «В дюнах». По воспоминаниям современников, героиню звали Хельгой.

### В ДЮНАХ

Моя душа проста. Соленый ветер  
Морей и смольный дух сосны  
Ее питал. И в ней – все те же знаки,  
Что на моем обветренном лице.  
И я прекрасен - нищей красотой





Зыбучих дюн и северных морей.

Так думал я, блуждая по границе  
Финляндии, вникая в темный говор  
Небритых и зеленоглазых финнов.  
Стояла тишина. И у платформы  
Готовый поезд разводил пары.  
И русская таможенная стража  
Лениво отдыхала на песчаном  
Обрыве, где кончалось полотно.  
Там открывалась новая страна –  
И русский бесприютный храм глядел  
В чужую, незнакомую страну.

Так думал я. И вот она пришла  
И встала на откосе. Были рыжи  
Ее глаза от солнца и песка.  
И волосы, смолистые как сосны,  
В отливах синих падали на плечи.  
Пришла. Скрестила свой звериный взгляд  
С моим звериным взглядом. Засмеялась  
Высоким смехом. Бросила в меня  
Пучок травы и золотую горсть  
Песку. Потом - вскочила  
И, прыгая, помчалась под откос...

...Она же оставляла легкий след  
В зыбучих дюнах, и пропала в соснах,  
Когда их заплела ночная синь...<sup>1</sup>

В этом стихотворении отчетливо возникает картина прошлого – обрывистый край железнодорожного полотна – сейчас здесь расположен правый от Приморского шоссе угол Сестрорецкого кладбища, православный храм, называемой в народе Дюнская церковь, по названию железнодорожной станции, таможенники, не очень обремененные службой, так как поезда ходили не часто по этому участку дороги, и величественные сосны, которые, к счастью, не все погибли во время войны и теперь вместе с молодой порослью радуют многочисленных любителей природы. А на золотом побережье в летние дни в наше время частенько можно встретить золотоволосых, загорелых девушек, благо что парикмахерское дело не стоит на месте, но сердце так и ёкнет - ну просто блоковская незнакомка.

Теперь покинем раскаленное песчаное побережье и познакомимся с удивительно точным зимним пейзажем побережья Финс-







кого залива в стихотворении А.А.Блока «Милый брат! Завечерело», которое он написал в 1906 году:

...Меж двумя стенами бора  
Редкий падает снежок.  
Перед нами - семафора  
Зеленеет огонек.  
Небо - в зареве лиловом,  
Свет лиловый на снегах,  
Словно мы в пространстве новом,  
Словно - в новых временах.  
Одиноко вскрикнет птица,  
Отряхнув крылами ель,  
И засыплет нам ресницы  
Белоснежная метель...  
Издали локомотива  
Поступь тяжкая слышна...  
Скоро Финского залива  
Нам откроется страна.  
Ты поймешь, как в этом море  
Облегчается душа,  
И какие гаснут зори  
За грядою камыша.<sup>2</sup>

Вода всегда влекла А.Блока. Маршруты его прогулок пролегли не только по северному побережью, но после 1917 года стали проходить по южному побережью Финского залива, вплоть до Стрельны. Самое раннее стихотворение, посвященное родной стихии, написано Блоком в 1904 году под названием «Взморье». Не это ли стихотворение способствовало переименованию дома отдыха «Солнечное» в дом отдыха «Взморье»?

Сонный вздох онемелой волны  
Дышит с моря, где серый маяк  
Указал морякам быстрины,  
Растрепал у поднебесья флаг.  
Там зажегся последний фонарь,  
Озаряя таинственный мол.  
Там корабль, возвышался, как царь,  
И вчера в океан отошел.  
Там поют среди серых камней,  
В отголосках причудливых пен –  
Переплески далеких морей,  
Голоса корабельных сирен.<sup>3</sup>





Александр Александрович никогда не имел собственности в наших местах, но после каждого его посещения побережья рождались очередные стихи - маленькие шедевры, точно описывающие картины далекой жизни на приграничной территории прошедшего XX века.

### **К.И. Чуковский**

Около десяти лет прожил на границе Оллилы и Куоккалы известный литературный критик, исследователь творчества русского писателя Николая Некрасова, любимый писатель детворы Корней Иванович Чуковский. Настоящее имя его было Николай Васильевич Корнейчуков. Родился он в 1882 году в Санкт-Петербурге. Детство и юность его прошли в Одессе.

В 1907 году Чуковский с семьей поселился у железнодорожной станции Куоккала в деревне Луутахянтя (недалеко от современного Ленинского) в доме с башенкой, после того как был подвергнут преследованиям властей за издание сатирического журнала «Сигнал».

Позднее Корней Иванович писал: «В 1908-1909 году...за малую плату снял обширную дачу (в Куоккала) у очень известного симпатичного бородатого дачевладельца Павла Семеновича Анненкова. Впоследствии я узнал, что Павел Семенович был в юности народовольцем, извещал тюрьму и Сибирь, был другом Веры Фигнер и Николая Морозова, а ныне служит в каком-то частном, неказенном учреждении»<sup>4</sup>.

Тогда же Чуковский подружился с его сыном Юрием, талантливым художником. Но самым удивительным было знакомство и позднее дружба с великим русским художником Ильей Ефимовичем Репиным, соседом по даче, которую Чуковский снял в 1911 году на границе Оллилы и Куоккалы, а позднее приобрел в собственность при помощи И.Е.Репина. В своих воспоминаниях Чуковский писал: «...он (Репин) купил на мое имя в 1913 году ту дачу, в которой я жил тогда (наискосок от Пенатов), перестроил ее всю от основания до крыши, причем сам приходил наблюдать, как работают плотники, и сам руководил их работой. Уже по тому изумлению, с которым он встречал меня в позднейшие годы, всякий раз, когда я приходил возвращать ему долг (а я выплачивал свой





долг по частям), можно было видеть, что, покупая мне дачу, он не ждал возвращения затраченных денег».

Виктор Шкловский в книге «Жили-были» пишет: «Дача выходит в море нешироким и не покрашенным забором. Дальше от моря участок расширяется. Дача стоит на берегу маленькой речки. Она двухэтажная, с некоторым отзвуком английского коттеджа. У Корнея Ивановича кабинет на втором этаже.»

А вот живая картинка тех лет, написанная дочерью Корнея Ивановича – Лидией в книге «Памяти детства»:

«Скромные наши владения лишь условно могли быть названы садом; скорее это был елово-сосновый перелесок, каких так много в Куоккале. С двух сторон наше поместье было отделено от соседей забором, с третьей стороны - водою ручья, с четвертой, от берега моря, его не отделяло ничто. Наши сосны свободно выбегали на желтый прибрежный песок, за которым - гряда корявых и округлых камней, то скрывааемых пеной, то сухих, надежно прогретых солнцем. Летом, в жару, земля наша была скользкой от хвои; иглы елей да сосен, пни да шишки да змеящиеся ползучие корни, о которые мы в кровь разбивали босые ноги. Лесок как лесок; а сад, собственно, только возле крыльца: одна клумба, да две посыпанные песком дорожки, да грядка настурций вдоль веранды. Лесок как лесок,... оборонять его приходилось от двойных набегов: медленных, коварных - ручья и бурных -морских. В обороне принимали участие и мы.

Ручей имел обычай исподтишка, постепенно отмывать из-под сосен нашу беззащитную землю. Корней Иванович, обнаружив убыток, начинал с неистовством залечивать нанесенную рану, таская с берега моря песок, мешок за мешком, на спине, не хуже заправского грузчика, а мы на бегу поспевали за ним, кто с лейкой, кто с ведром, кто с кастрюлей. Команда - и весь песок: «Раз, два, три, глаза закрой, с-сыпь!»-мигом ссыпается в воду.

Чтобы обороняться от ручья, достаточно было песчаной запруды; от моря не спасали и камни.

Каждую осень, в ожидании предстоящих бурь, выловив багром из моря штук десять принесенных из Кронштадта плетеных корзин, (такой ширины и такой вышины, что Коля, Боба и я (дети К.И.Чуковского – прим. авт.), все трое, забирались в одну), он





расставлял их на берегу вдоль сосен, рядком, надеясь защитить участок от неминуемого набега волн; и каждую корзину доверху собственноручно наполнял камнями, что было отнюдь не легко: десятки раз надо было проделать путь с берега к корзине и обратно.

Так и вижу его: идет по песку, в закатанных штанах, босиком, руки над опущенной головой и в каждой руке по увесистому камню. Смотрит себе под ноги... мы за ним, тоже с камнями, все, даже маленький Боба. Тоже - глазами в землю.

Он становится возле корзины...

- Бросай! – командует он, и с каким веселым грохотом грянутся камни в корзину! Ради этого грохота мы и трудились - несли... Игра это была или труд?»<sup>5</sup>

Интересны многие подробности повседневной жизни Корнея Ивановича:

«В Куоккальские времена всю черную мужскую работу по дому он делал сам. Сам воду носил, колол дрова, топил печи. Сам был за кухонного мужика и за дворника; разметал метлой лужи, или ломом скалывал с крыльца лед, или деревянной квадратной лопатой прокладывал дорогу от крыльца до калитки: узкую яму среди сугробов»<sup>6</sup>.

Истоки этого «всеумения» Чуковского лежали в его очень трудном детстве и еще более унижительной юности:

«Собственное его детство и отрочество прошло в одесской мещанской бескнижной среде. Каждую книгу ему приходилось самому добывать и самому, без чужой помощи, добиваться ее понимания.

Выгнанный из пятого класса гимназии по дяляновскому указу о «кухаркиных детях» (за незаконнорожденность, а главное, за то, что его мать, наша бабушка, Екатерина Осиповна, вынуждена была зарабатывать себе на жизнь стиркой), он все, что знал, узнал из книг, и притом сам, без учителей и наставников, постоянным напряжением ума и воли, он сам переступил порог, быть может, один из труднейших на свете: шагнул из мещанства в интеллигенцию. Всю жизнь владело им смирение и гордость самоучки: преувеличенное смирение перед людьми более образованными, чем он, и смиренная гордость за собственные, добытые вопреки





помехам, познания.

В юности по дрянному самоучителю он выучился английскому сам и испытывал счастливое изумление, переводя Уолта Уитмена или свободно читая «Ярмарку тщеславия» Теккерея.

В 21 год он отправился в Лондон корреспондентом одесской газеты; просиживал с утра до вечера в библиотеке Британского музея – учился, наверстывал упущенное<sup>7</sup>.

Гостями дома Чуковского были: театральные режиссер и искусствовед И.Евреинов, художник Юрий Анненков, Леонид Андреев, Александр Куприн, Сергей Сергеев-Ценский, Алексей Толстой, Сергей Городецкий, Аркадий Аверченко, Саша Черный, Борис Садовский, Леонид Собинов и другие.

Корней Иванович дружил с Е.И.Репиным и имел возможность близко, в повседневном быту, наблюдать великого художника и, что ценно, очень точно и ярко запечатлел его образ в своих воспоминаниях.

К моменту их знакомства Чуковскому было всего 25 лет, его знали в литературном мире. В 1905 году он был издателем сатирического журнала «Сигнал» и успел пережить довольно крупные неприятности в связи с обрушившимися на журнал правительственными репрессиями. Теперь Чуковский был занят литературоведческой деятельностью, писал большую статью «От Чехова до наших дней», занимался переводами из Уолта Уитмена, изучал творчество этого своеобразнейшего поэта Америки. У молодого писателя были обширные литературные знакомства, его интересовала современная литература, и он часто выступал в газетах и журналах с критическими статьями. Чуковский был человеком восприимчивого ума и живого характера. Его несомненная талантливость не могла не привлечь Репина...

«Одним из любимейших наших занятий в то время, – вспоминал Чуковский, – было совместное чтение вслух, и часто случалось, что Репин часами работал под чтение «Дон Кихота», или «Медного всадника», или «Калевалы», или «Русских былин». Тогда же Репиным был написан акварельный портрет жены Чуковского, а годом позже художник взялся и за исполнение портрета самого писателя. Много раз рисовал Репин и тех, кто приезжал к Чуковскому. Это была самая разнообразная публика, в основном из ли-





тературного мира.

...И не раз вокруг чайного стола затевали бурные, часто наивные споры о Пушкине, о Достоевском, о журнальных новинках, а также о знаменитых писателях той довоенной поры: Куприне, Леониде Андрееве, Валерии Брюсове, Блоке. Часто читали стихи или отрывки из только что вышедших книг<sup>8</sup>.

Соседями Чуковского по даче были писатель В.Г.Короленко, Н.Ф.Анненский- брат поэта-лирика Иннокентия Анненского.

По воскресеньям у Чуковских собиралось много народу - как дачников, так и гостей из столицы. Спорили о символизме, о революции, о Блоке и Чехове. Обсуждали и читали не только новинки литературы, но и классическую и иностранную литературу. Участниками литературных «воскресений» были писатели А.Толстой и А.Аверченко, поэты О.Э.Мандельштам, В.Хлебников, Д.Бурлюк, А.Крученых, художники Ре-ми (Н.Ремизов), С.Судейкин, Б.Григорьев.

В 1913 году появляются первые записки в рукописной тетрадке, которую с легкой руки И.Е.Репина назвали «Чукоккалой» (от «Чук» + Куоккала). По словам самого К.И.Чуковского, «Чукоккала» во многие времена была «отдушиной», плотком свободомыслия.

В октябре 1914 года Чуковский познакомил Репина с футуристами.

«Они пришли к нему в Пенаты, учтивые, тихие, совсем не такие, какими были в буйных своих декларациях».<sup>9</sup>

Т.Л.Щепкина-Куперник была свидетельницей этой встречи и таким экспромтом откликнулась на нее:

Вот Репин наш сереброкудрый  
 – Как будто с ним он век знаком –  
 Толкует с добротой мудрой  
 – И с кем? С Давидом Бурлюком.  
 Искусства заповеди чисты!  
 Он был пророк их до земли...  
 И что же? Наши футуристы,  
 К нему покорно притекли!<sup>10</sup>

Многие записи альбома «Чукоккалы» впервые опубликованы в последнем издании в 1999 году. Среди них еще одно стихотворение Т.Л.Щепкиной-Куперник :





Туманен воздух; мрак несносен,  
Ужасен грохот городской...  
Как часто в сень зеленых сосен  
Я рвусь с невольною тоской!..  
В тяжелой городской неволе  
Мечтать я буду иногда  
О соснах, о далеком поле,  
О том, как плещется вода...  
О чудной Репинской палитре,  
О свете солнечного дня...  
О кротком(!) критике-арбитре,  
Что не пробрал еще меня...  
Чтоб, наконец, Корней Чуковский  
Мне посвятил свой фельетон!..  
Увы, чукоккальский придверник  
Мне не откроет этот рай...  
Прощай, Куоккала, прощай!

*15 октября 1914 года<sup>11</sup>*

На страницах альманахов появлялись все новые и новые рисунки, шаржи, поэтические экспромты, изречения.

Весной 1914 года И.Е.Репин подарил К.И.Чуковскому рисунок под названием «Бурлаки в Пенатах». На нем он изобразил Чуковского с группой людей, убирающих упавшую сосну в Пенатах.

Корней Иванович бережно хранил коллекцию «Чукоккалы» до последних лет жизни. В дореволюционные годы она насчитывала несколько десятков страниц. В своих воспоминаниях Корней Иванович писал: «В настоящее время в Чукоккале 634 страницы, на которых есть рисунки и записи И.Репина, М.Горького, В.Маяковского, Ф.Шаляпина, А.Блока, А.Кони, Л.Андреева, А.Толстого, В.Брюсова, А.Куприна, И.Бунина, А.Глазунова, А.Лядова, М.Пришвина, М.Исаковского, С.Маршака, Л.Леонова, С.Федина, Вс.Иванова, В.Казаева, М.Зошенко, С.Михалкова, Пантелеева, Е.Шварца и др.»<sup>12</sup>

На самом деле альманахи насчитывали до 700 страниц. В те времена, по соображениям цензуры, Чуковский опустил некоторых авторов, в том числе и О.Мандельштама. Эти строки со стихами О.Мандельштама впервые были напечатаны в 1999 году:

Нет не луна, а светлый циферблат  
Сияет мне - и чем я виноват,  
Что слабых звезд я осязаю млечность?  
И Батюшкова мне противна месь:





Который час? – его спросили здесь,  
А он ответил любопытным – вечность!

*14 г., 15 июля*

А рядом написана пародия Бенедикта Лившица на это стихотворение.

### ВОПЛЬ КОРНЕЯ ЧУКОВСКОГО

Не карлик я, но чем я виноват,  
Что буйная квадрига чуковят  
Стремится вверх, чувств не шадя отцовских?  
И Конухеса мне противна спесь:  
Кто вы такой? – его спросили здесь,  
А он ответил: я лейб-врач Чуковских.

*28 марта 1926 г.\**

Здесь, в Оллиле, на берегу Финского залива рождались первые детские стихи, когда Корней Иванович затевал игры со своими детьми.

Лидия Чуковская в своей книге пишет: «До первой детской книги Корнея Чуковского оставалось в ту пору года три, до второй – около десяти, им не была написана еще ни единая строка для детей, но сам он, во всем своем физическом и душевном обличье был словно нарочно изготовлен природой по чьему-то специальному заказу «для детей». Нам повезло. Мы этот экземпляр получили в собственность. И, словно угадывая его назначение, играли не только с ним, но и им и в него: лазили по нему, когда он лежал на песке, как по дереву поваленному, прыгали с его плеч на диван, как с крыльца на траву, проходили или проползали между расставленных ног, когда он объявлял их воротами... Веселые стихотворные строчки, обращенные к детям, сочинялись им уже и в те времена, однако, всего лишь для домашнего употребления, играючи, походя.»<sup>14</sup>

Как-то в поезде, направляясь в Петроград по издательским делам, чтобы развлечь больного сына, Корней Иванович вслух принялся сочинять сказку, а утром мальчик вспомнил услышанное от первого до последнего слова. Осенью 1916 года сказка была закончена и вышла в приложении к журналу «Нива» летом 1917 года под названием «Крокодил». К ужасу его автора, она тут

\* Прим. авт.: квадрига чуковят – четверо детей Корнея Ивановича – Коля, Лидя, Боба, Мура, которых лечил врач Конухес<sup>15</sup>.







же и навсегда затмила славу и популярность Чуковского - критика. В это время Чуковский как критик вел борьбу с пошлостью и сюсюканием, процветавшими тогда в детской литературе.

Годы жизни в Оллиле-Куоккале были плодотворными для Чуковского как для критика. Десяток его статей составили сборник «От Чехова до наших дней». Вышли в свет его книги «Критические рассказы», «Лица и маски», «Книга о современных писателях».

Летом 1917 года из-за обострения политической обстановки в стране и на побережье Чуковский покинул с семьей дачу и потом тосковал по ней. «Куоккала - моя родина, мое детство...» - писал он.

Далее в воспоминаниях он пишет: «Через несколько лет, когда я уже покинул Куоккалу, и мой дом разграбили белоэмигранты, Борис Садовский в письме ко мне (от 19 июля 1923 года) вспоминал наши тогдашние сборища:

«...Вчера, проходя Оллилу, с грустью посмотрел на потемневший дом Ваш, на заросшие дороги и двор, вспоминая, сколько там было приливов и отливов всех типов молодой литературы! Особенно футуристов, дописавшихся уже только до твердых знаков и полугласных мычаний. Ну, и Алексей Толстой, и Борис Садовский... И многое множество брошюр видел я в растерзанном виде, по полу, со следами от всех грязных подошв, валенок, среди ободранных роскошных диванов, где мы так интересно и уютно проводили время за слушанием интересных докладов и горячих речей талантливой литературы, разгоравшейся красным огнем свободы. Да, целый помост образовался на полу в библиотеке из дорогих, редких изданий и рукописей...»<sup>16</sup>

В начале 1925 года К.И.Чуковский ездил в Финляндию и посетил И.Е.Репина. Во время встречи он уговаривал Репина издать свои воспоминания «Далекое близкое» в Советской России. Репин ответил отказом. И только после смерти автора книга была издана в нашей стране под редакцией Чуковского.

В дневнике К.И.Чуковского читаем запись от 21 января 1925 г.:

«Был я и у себя на даче - проваливался в снег - вот комната, где был мой кабинет, осталось две-три полки, остался стол да дранный диван, вот детская, вот знаменитый карцер - так и кажется, что сейчас вбежит маленький Коленька с маленькой





Лидкой...»<sup>17</sup>

И далее: «Воскресенье. Был я вчера у себя на даче снова с Машей Сухановой. Она стала поднимать с полу какие-то бумажки и вскоре разыскала ценнейший документ, письмо Урсина о том, что моя дача принадлежит мне. Как страшно поднимать с полу свою молодость, свое давнее прошлое, которое умерло, погребено и забыто... Страшно встретиться лицом к лицу с самим собою после такого большого антракта. Делаешь себе как бы смотр: ну что? ну как? К чему была вся эта кутерьма, все эти боли, обиды, работа и радости – которые теперь лежат на полу в виде рваных и грязных бумажек?»

Я не люблю вещей, мне несколько не жаль ни украденного комода, ни шкафа, ни лампы, ни зеркала, но я очень люблю себя, хранящегося в этих вещах. Пойдя к себе в баню (я и забыл, что у меня была баня!.. Баня провалилась, сгнила), я вдруг увидел легкое жестяное ведро, в котором я таскал с берега камни, воздвигал свою знаменитую «кучу»... а Колин террарий – зеленый! А каток (прачешный), на котором я катал маленького Бобу! А диван, огромный, подаренный мне женою в день рождения, зеленый. С дивана сорван верх (как живая кожа с человека), подушки изрезаны ножами, торчит груда соломы – и я вспоминаю, сколько на нем спано, думано, стонано, сижено. Диван был огромный, на нем помещалось человек 15 – не меньше...»<sup>18</sup>

Больше Корней Иванович никогда не был в своем доме. После Великой Отечественной войны уцелевшая дача была передана дачному тресту, претерпела ряд изменений внутри, пока не сгорела в одну из ночей в 1986 году. Сразу же после пожара сотрудники музея «Пенаты» обратились к местным властям с просьбою восстановить дом и открыть там филиал музея «Пенаты». В музее в запасниках хранится большой материал о культурной жизни побережья конца XIX–XX веков, и русских и финнов, живших на этой земле. Но в те годы шлейф неблагонадежности еще тянулся за К.И.Чуковским, не побоявшимся дать хорошую оценку творчеству А.Солженицина. Не помогла и большая статья Е.В.Кириллиной, научного сотрудника музея «Пенаты», опубликованная в «Литературной газете».





Сейчас на месте дома большая поляна, на берегу поднялись ввысь сосны, рядом построен ресторан «Оллила», получивший в 2006 году название «Лесное».

## В.В.Маяковский

Владимир Владимирович Маяковский, известный по своим скандалам поэт-футурист начала XX века, был частым гостем в доме у Корнея Ивановича Чуковского летом 1915 года. На выигранные в потерею деньги – 65 рублей – Маяковскому удалось снять комнату в доме извозчика, что стоял на углу Приморского шоссе и нынешней Пограничной улицы. Денег на еду Маяковскому не хватало, поэтому, как писал он сам: «Установил семь обедающих знакомств: в понедельник иду обедать к Чуковскому, во вторник – к Анненковым, в среду иду на травки к Репину». Во время этих обедов Маяковский читал стихи, в том числе и новые, так часто, что их запомнила семилетняя дочь Корнея Ивановича – Лида. Ее воспоминания интересны своей детской впечатлительностью и детским видением мира.

«Он один памятен мне в главной, а не в побочной своей ипостаси: поэт. Быть может, это потому, что Корней Иванович более всего подготовил нас именно к восприятию стихов. Быть может, потому, что побочного, вторичного, в Маяковском почти ничего и не было.

Помнится мне, он всегда приходил к нам со стороны моря, а на берегу шагал, вслух сочиняя стихи, по той же гряде камней, по какой имел обыкновение прыгать Коля (сын К.И. Чуковского - прим. авт.)

В 1915 году Маяковский нарисовал меня: было мне тогда восемь лет, он чувствовал, вероятно, с какой жадностью я его слушаю. Да, я любила его вызывающе презрительное и всегда громоподобное чтение... Когда Маяковский читал, взгляд его тяжелых глаз был всегда если не угрожающий, то угрюмый.»<sup>19</sup>

В то лето в этой дачной местности поселились многие поэты-футуристы. А у кого не было денег - приезжали в погожие дни по воскресеньям. Корней Иванович пишет в своих мемуарах: «Отношение мое к футуристам было в ту пору сложное: я ненавидел их проповедь, но любил их самих, их таланты... Он был из тех, кому не покровительствуют. Куоккала - на берегу Финского залива-





песчаная, суровая, обильная соснами местность. Порою их совсем прикрывает волна, порою, когда море отхлынет, они лежат на песке неровной и длинной грядой. По этим камням и зашагал Маяковский, бормоча какие-то слова. Иногда он останавливался, закуривал папиросу, иногда пускался вскачь, с камня на камень, словно подхваченный бурей, но чаще всего шагал как лунатик, неторопливой походкой, широко расставляя огромные ноги в «американских ботинках» и ни на миг не переставая вести сам с собою сосредоточенный и тихий разговор. Так он сочинял свою новую поэму «Тринадцатый апостол», и это продолжалось часов пять ежедневно. Пляж был малолюдный. Впрочем, люди и не мешали Маяковскому: он взглядывал на них лишь тогда, когда потухала его папироса и нужно было найти у кого перекурить... Записывал он большей частью на папиросных коробках; тетрадок и блокнотов у него, кажется, в то время еще не было.»<sup>20</sup>

Известна была страсть Маяковского к играм. Часто они служили средством его существования. Эльза Триоле, сестра гражданской жены Маяковского Лили Брик, рассказывала, что Маяковский, вместо того, чтобы входить с людьми в деловые отношения, предпочитал играть с ними, прежде всего в карты, потом на бильярде, потом во что угодно. Преимущественно на деньги.

Ко времени приезда в Куоккалу Маяковский, несмотря на молодость (ему только в июле исполнилось двадцать два года), был уже сложившимся человеком и художником. Ушли в прошлое его знаменитая желтая кофта и блестящий черный цилиндр, в которых он еще в 1913-1914 годах выступал в Петрограде, Москве, Одессе, Киеве. Всякое внешнее проявление бунта против общества уже не устраивало поэта. С начала 1915 года Маяковский по приглашению А.Аверченко стал сотрудничать в журнале «Новый сатирикон». Там вскоре появились его знаменитые «гимны» - «Гимн судьбе», «Гимн ученому», «Гимн обеду», «Гимн критику» и другие стихотворения, высмеивающие тупость и равнодушие многих обывателей. В своих тогдашних произведениях поэт одновременно и судья и жертва этого плохо устроенного мира. Он одинок, но провидит другие времена и, несмотря ни на что, любит людей:





«и не было ни одного,  
который  
не кричал бы:  
«Распни,  
распни его!»  
Но мне –  
люди,  
и те, что обидели, –  
вы мне всего дороже и ближе».

Это строки из поэмы «Тринадцатый апостол», впоследствии названной «Облако в штанах». Поэма была полностью сочинена и завершена летом 1915 года в Куоккале.

По воспоминаниям одиннадцатилетнего Коли Чуковского, каждое утро после завтрака Маяковский уходил вправо на массивное сооружение из грубо отесанных камней, так называемую Бартнеровскую стену (по имени дачевладельца Бартнера), и, размахивая руками, шагая назад и вперед, кричал свои строки. Кричать он мог во весь голос, потому что ветер и волны все заглушали. Эта стена до сих пор сохранилась, защищая берег от волн залива<sup>21</sup>.

В те времена В.В.Маяковский читал свои стихи повсюду, где собиралась толпа. Часто из-за его высказываний: долой вашу религию, вашу любовь, ваше искусство – люди относились к нему настороженно и враждебно.

Леонид Андреев, популярнейший писатель начала XX века, постоянно живший на Карельском перешейке на Черной речке, ответил такой эпиграммой на лекцию К.И.Чуковского о Маяковском в театре Куоккалы:

Надену я желтую блузу  
И бант завяжу до ушей,  
И желтого вяпает в лузу  
Известный Чуковский Корней.  
Пойду я по крышам и стогнам,  
Раскрасивши рожу свою,  
От всюду позорно изогнан,  
Я гимн чепухе пропою...<sup>22</sup>

К.И.Чуковский в отличие от Л.Андреева увидел в стихах Маяковского, прочитанных на этом вечере, пронзительный крик о неблагополучии мира. И.Е.Репин, прослушав поэму «Тринадцатый





Апостол», на прощание сказал Маяковскому: «Уж вы на меня не сердитесь, но, честное слово, какой же вы, к чертям, футурист – самый матерый материалист. От натуры ни на шаг. И... чертовски уловлен характер»<sup>23</sup>.

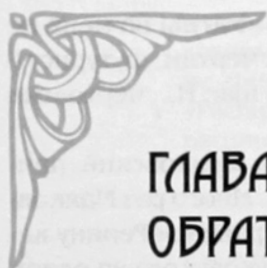
Посещая воскресные вечера у Чуковского, Маяковский, приютившись в углу, постоянно что-то рисовал. Много раз Маяковский зарисовывал И.Е.Репина. Особенно понравился Репину карикатурный портрет, изображающий его и Чуковского на одном из вечеров. Этот дружеский шарж был сделан с большой выразительностью. Часто вечером после работы Маяковский вместе с Репиным и семьей Чуковского уходили по направлению к Оллиле, в ближайшую рощу. Так прошло лето 1915 года.

В «Пенатах» Маяковский бывал и позже. Чуковскому запомнилось, как зимой 1916 года поэт читал у Репина отрывок из своей новой незаконченной поэмы «Война и мир».

Чуковский, присутствовавший при этом, пишет: «...Я был очень изумлен, когда через год после начала войны, в спокойнейшем дачном затишье, он написал пророческие строки о том, что победа революции близка. Мы, остальные, не предчувствовали ее приближение и не понимали его грозных пророчеств»<sup>24</sup>.

Именно на границе Куоккалы и Оллилы продолжался роман Маяковского и Лили Брик – замужней женщины, в которую Владимир Маяковский влюбился с первого взгляда в Москве. Поэма «Тринадцатый апостол», как и все последующие произведения Маяковского, были посвящены этой удивительной женщине.





## ГЛАВА 6. ОБРАТНО В ДЕРЕВНЮ. ВТОРАЯ ЖИЗНЬ КУРОРТА

---

**С** конца XIX века царское правительство начинает урезать права финнов. В 1901 году распускается финская национальная гвардия.

В 1910 году Финский парламент лишается части прав. Среди финнов растет недовольство, стремление к независимости. Оппозиция оказывает покровительство большевикам. 6 декабря 1917 года Финляндия объявила себя независимым государством и 31 декабря 1917 года по декрету Советов нового большевистского государства получила независимость.

С 27 января по май 1918 года по всей Финляндии прокатилась Гражданская война. Начавшуюся гражданскую войну и красную экспансию прекратил отставной генерал русской армии барон Г. Маннергейм. Он возглавил финское войско<sup>1</sup>.

После закрытия границы толпа русских дачников моментально исчезла. Дачи стояли пустыми и без присмотра, красота их начала блекнуть. Ветер дул в окна, зимой снег продавливал крыши. Фонтаны исчезли, парки одичали, дорожки заросли травой. Оставшиеся в Финляндии хозяева русских дач или исчезли в вихре революции, или жили в бедности, как эмигранты<sup>2</sup>.

Через «раяйокское окно» на границе потоком шли беженцы. Зимой 1921 года после подавления Кронштадского мятежа по льду Финского залива в приграничные поселки бежали сотни оставших матросов. Некоторым удалось спастись, и они остались здесь жить. Положение русских было достаточно сложным – они находились под надзором.

В каждой деревне оставались прежние «господа» из старой России. Как правило, эти люди испытывали нужду еще большую,





чем местное население. Многие в поисках средств существования продавали остатки имущества, украшения, мебель и даже дачи, перебивались уроками музыки, преподаванием языков. Печален был удел этих людей, лишившихся отечества. Некоторые переезжали в другие места, но были и такие, кто по-немногу находили здесь свое место и становились финскими гражданами.

В 1922 году на территории Терийокской волости проживало 2450 иностранцев, что составляло почти пятую часть всего населения.

Начинается деруссификация Финляндии. Русским запрещалось предоставлять ответственные посты в администрации и на промышленных предприятиях. Им запрещалось также заниматься спортом. Но русская футбольная команда все же существовала под видом «Добровольной пожарной дружины». Педагогика, искусство, коммерция – это те области, где русские могли работать<sup>3</sup>.

В 1934 году писатель Эрнст Адольф Лампэн, часто живший летом в Терийоках, писал о побережье: «Прежде всего прямо перед нами открытое море, море без островов... На самом горизонте виднеется угрожающий и во всех отношениях своеобразный остров Кронштадт с его церковными куполами, башнями и укреплениями. Кронштадт заботится и о том, чтобы у нас не было недостатка в музыке. Там что ни день грохочут пушки, напоминая, что мировая война закончилась, и начинается новая, еще более кровавая.

Мы живем постоянно под настроением марша Пори: «Вот ветер веет, вот уж буря, и ядра уж визжат»<sup>4</sup>.

Период с 1918 по 1939 годы был относительно спокойным для Финляндии. Новая политика государства помогла крестьянам встать на ноги. В бывших дачных местностях стали расти мелкие сельскохозяйственные производства. Развивалась торговля, кустарные промыслы. Большая работа проводилась по спортивному и патриотическому воспитанию молодежи<sup>5</sup>.

### **Раяйоки - Перя-Куоккала - Дюны<sup>6</sup>**

После получения независимости приграничная территория Финляндии, шириной 500 м, была выделена под запретную зону. Деревня вдоль правого берега реки Сестры, возникшая для ра-







бочих таможни, к середине 30-х годов обветшала. От нее тропа шла вдоль реки вплоть до деревни Тулокас, но по ней ходили только пограничники. Раяйокский железнодорожный мост изменил свой внешний вид: появилось две половины, выкрашенные в белый цвет (финская сторона) и красный цвет (российская сторона). От моста до станции Раяйоки было около полукилометра.

В Раяйоки был один из самых красивых вокзалов Финляндской железной дороги. Архитектор Грэнхольм нашел для здания совершенно оригинальное решение. Туннели под дорогой и большие помещения внутри (два ресторанных зала), где во время первой мировой войны размещался госпиталь для русской армии, были закончены в конце 1917 года и не использовались. В здании станции действовала таможня, паспортное отделение государственной полиции со своим штатом и почта.

Около станции поселились многие железнодорожники, около 100 жителей деревни.

В 1926 году была построена Раяйокская народная школа. Она не сохранилась.

Еще в начале XX века на дюнах вырос настоящий «дачный город» для сдачи в аренду. Было несколько великолепных вилл русских владельцев - дача Шувалова, Грилова, Лебедева.

У последнего у реки Раяйоки на берегу моря был разбит парк, в пруду плавали лебеди сказочной красоты. До 1920-х годов на парковых террасах цвели розы. Незадолго до начала Зимней войны большинство дач было продано, разобрано и увезено в Финляндию.

Недалеко от современного пансионата «Дюны», построенного в 1966 году, находилась очень красивая четырехэтажная дача Вейдемана, сгоревшая в годы второй мировой войны. В советское время эта территория получила название «Дюны».

## **Вторая жизнь курорта**

После отделения Финляндии от России перед финнами встал вопрос о возрождении сельского хозяйства и курортного дела на побережье. Многочисленные русские дачники ушли из этих мест, оставленные русские дачи постепенно приходили в негодность, разбирались для строительства домов в новых местах. Больше





всего дач разбирали в приграничных районах у Ржавой канавы, в Дюнах.

Наступила мирная жизнь. Можно было уже подумать о рациональном использовании курортных местностей для привлечения как своих, так и зарубежных дачников.

Восстановление курорта на Карельском перешейке началось в 1924 году. Деревни Куоккала и Оллила, где были лучшие сельскохозяйственные угодья, были против этого. К этому времени успешно возрождалось земледелие и садоводство. Развивалась кооперация. В Оллиле, недалеко от дома Молитвы, появился кооперативный магазин, работала лесопилка, построенная еще в период дачного бума у железнодорожной станции, урожай садов отвозили на пивоваренный завод в Терийоки, где делали соки для всей волости. Но скоро наступило перепроизводство.

В Териокской волости, куда входила Оллила, бурно развивались общественные отношения. В поселках создавались различные общества. В сентябре 1917 года в Оллиле пропагандируются идеи щюцкора (отряд местной самообороны). В щюцкор деревни вошло сразу 25 мужчин под видом «Пожарной команды Оллилы». Но скоро из-за разногласий среди членов команды и слежки красногвардейцев команда была ликвидирована. Вновь щюцкор со своим штабом и начальником возник в Оллиле в апреле 1918 года. В 1920 году три отделения щюцкора: Куоккалы, Оллилы и Раяйоки объединились в единый щюцкор Куоккалы. В начальный период главной задачей общества была охрана границы, а также оказание помощи солдатам при пограничных сражениях. Когда обстановка на границе стабилизировалась, на первое место вышла военная подготовка членов общества.

Летом 1918 года в Оллиле Эмилем Рейникайненем была создана первая рота «Белок», тесно связанная со скаутским движением. Эмилю в то время было только 18 лет, но он понимал «воинственный» дух мальчишек и сознавал, что для ребят необходима массовая деятельность, чтобы не подвергаться соблазну дурных поступков. На горе Рейникайнена (недалеко от «Пенат») он собрал маленьких мальчишек, предварительно проведя на своем дворе «военные манёвры», изготовил для них собственноручно деревянные ружья.





Когда взрослые мужчины заканчивали свои военные занятия, начинались тренировки «белок». Известия об этих занятиях разнеслись по деревне с быстротою молнии. Вскоре собралось около 50 ребятшек. Брали в это общество с 10 лет. Эмиль Рейникайнен стал начальником этой роты, выработал программу. Тренировки перенесли на построенный русскими стадион Изноуски (район пансионата «Буревестник») и парк Сонкиева (между современными улицами Пионерской и Средней). Военные игры проходили в дюнах или в парках прибрежных дач. Главным в этой деятельности было воспитание молодежи. Курение и употребление спиртных напитков было категорически запрещено. Замеченных в дурных поступках беспощадно наказывали. В ребятах воспитывали любовь к Родине и желание защищать Отечество. Из этих ребят впоследствии вышел костяк щюцкора Куоккалы и более десятка офицеров. Роты «Белок» возникли скоро в других местах.

Но в 1928 году эта рота была ликвидирована, так как руководство посчитало, что возраст детей не подходит для военной подготовки.

Щюцкор действовал сначала в арендуемых общиной помещениях и школах. Это обстоятельство затрудняло его деятельность. Наконец, за умеренную цену у аптекаря Пааво Хиллмана удалось получить прежний аптечный дом. Но дом был тесный. На собранные общиной деньги в глубине перешейка купили дачу, разобрали ее и с большим трудом перевезли в деревню Оллила. Деревенские мужчины на субботнике пристроили к аптечному домику большую переднюю, зал для торжеств, сцену, внутри сделали ресторан, зал заседаний штаба, квартиру сторожа и склады. На участке построили собственную сауну. Дом был готов в 1928 году. Новое стрельбище устроили на арендуемом участке Эрки Кявяя (в районе современной улицы Советской). Кроме военной подготовки, большое внимание уделялось занятиям спортом. В поселке был свой духовой оркестр из 15 человек. В предвоенные годы в щюцкоре состояло 101 человек.

В женском объединении «Марты» девушек учили рукоделию. Женское патриотическое объединение «Лотта Свядд» готовило телефонисток, медсестер на случай войны, росло скаутское дви-





жение. В Оллиле родилось детское патриотическое объединение «Маленькие лотты» – для девочек.

На побережье большое значение придавалось улучшению мест отдыха. Оборудовались и улучшались пляжи. От Оллилы до Терийок установили 500 будок-раздевалок построили множество спортивных площадок, 50 для настольного тенниса, кегельбаны, бильярдные залы.

Рекламный проспект, изданный в 1937 году, рекомендовал купить постоянную летнюю дачу, как это сделали многие знаменитости для отдыха в старости.

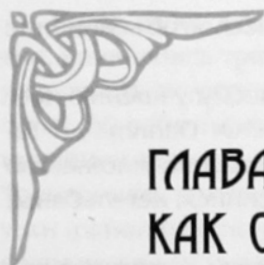
Многочисленные пансионаты были весьма недороги, от 25 марок, и все, без исключения, гарантировали полное содержание: питание, бытовые услуги, развлечения и экскурсии, телефон.

В 1928 году на основании Закона «Об охране лесов» прибрежная зона Терийоки была определена как часть охраняемой территории Карельского перешейка. Рубка леса на песках дюн и на берегу моря была разрешена лишь по лицензии комиссии по лесоводству.

В качестве примера можно упомянуть представленный Пеке Каки из Оллилы документ на право вырубки 10 деревьев на постройку.

В 1929 году в Финляндии вступил в силу «Закон о частных лесах» и «Закон о лесоустройстве». Начались работы по посеву и посадке леса в частных лесах. С 1932 года стали проводить мелиорацию земель. В районе Раяйоки планировалось выкопать 12 километров канав. Из-за начавшейся войны работы эти не были доведены до конца.





## ГЛАВА 7. КАК ОНИ ЖИЛИ. ВОСПОМИНАНИЯ ВЫЖИВШИХ<sup>1</sup>

**Н**ашу экскурсию мы начнем с перекрестка Приморского шоссе и улицы Вокзальной. Как у «Витязя на распутье» в знаменитой картине Васнецова, перед нами на четыре стороны протянулись четыре дороги. И каждая из них ведет в определенный отрезок времени. Если мы посмотрим в сторону города Сестрорецка, то увидим хорошо асфальтированную дорогу. Это часть старинной Курносовской дороги, которая шла берегом залива – здесь был песок, вода быстро уходила, да и древний Литториновый выступ из плотно спрессованного песка и гальки прижимал дорогу к заливу. И селились первые жители поближе к воде, но и повыше от кромки воды на случай бурь и наводнений. Поселок Оллила, в центре которого мы стоим, тянулся по обе стороны дороги.

Многочисленные войны с 12 века постоянно опустошали эту землю. Уцелевшее население пряталось в лесах, уходило в другие районы. Так, русское население продвигалось на восток и юг. Карелы шли в глухие места на север. На смену им приходили финские и шведские переселенцы.

На песках Кявявя и переулках Хямяляйненов (совр. территория в районе ул. Нагорной и Советской) был поселок, где заканчивалась граница школьного округа Раяйоки и начиналась Оллила. Другие считали, что граница проходила западнее по Кивитие (совр. ул. Вокзальная). На Кивитие можно было попасть с шоссе от дач Аппельгрена. Они стояли слева от дороги в большом густом парке (совр. территория дома отдыха «Взморье», кор. № 8, 11, 12). На горе справа разместилась кузница и множество других домов. От Кивитие на юг от шоссе шла дорога, чуть дальше влево





отходила проселочная дорога до дач, построенных на дюнах (современная 1-я Боровая ул.), а правее другая дорога выходила на берег. В середине улицы находился магазин Иаатинена (совр. корпус. № 10 дома отдыха «Взморье»).

Рядом на пригорке упирался в небо купол русской православной церкви иконы Смоленской божьей матери, которую в народе называли «Колумбия», построенной в 1911 году. В 20-х годах XX века здесь еще велись богослужения. Каменную церковь разобрали в 1925 году.

Вернемся на шоссе и пойдём по направлению к железнодорожной станции Оллила – Солнечное по современной улице Вокзальной. Слева в начале XX века стояла большая группа домов, в центре которых располагался молитвенный дом свободной церкви Вefания, напротив на горе жил сапожник Баронена, который принадлежал к Свидетелям Иеговы. Там же на горе находился дом Пожарной команды и дом «Пограничник».

Рядом с «Пограничником» жил проповедник Аату Хейсканен. В Оллиле при Хейсканене была интенсивная духовная жизнь. Он сам искал истину в религии. Сначала он принадлежал к секте так называемых «крикунов». Приверженцы этого течения были в Келломяки и в Куоккала. Позднее Хейсканен стал рьяным евангелистом. В 1924 году он расстался с церковью и уехал в Хельсинки.

Если вернуться к шоссе, то через ведущую к берегу дорогу в свое время были построены так называемые «Красные ворота», выкрашенные в красный цвет. Справа от них находился главный из магазинов Э.Килльстрёма. В этот магазин в прежние дачные времена больше всего ходили за покупками, да и сам купец был яркой фигурой, как и его жена и четыре дочери, местные красавицы. За воротами на многочисленных дачах кроме петербуржцев жило много финских семей, которые работали в Петербурге, а лето проводили здесь в Оллиле. Многие из них были владельцами дач и участков, и после революции остались здесь на постоянное жительство.

К Красным воротам после революции переселились ювелиры Херттуайнен и Альберг, часовщик Хильтунен и оружейник Стенбом.

Здесь же находился дом молодежного общества. Прежде это была русская дача, ставшая основным местом занятий подраста-





ющего поколения. В доме время от времени устраивали любительские спектакли. У Красных ворот в те годы жизнь была ключом. Девушки и юноши вечерами часто собирались на берегу залива. Сидели у костра, пели, рассказывали истории, коптили рыбу, пекли картофель над кострами, сложенными из ольховых сучьев и камыша, растущих и поныне на берегу залива.

Рядом с дачами находилось старинное становище рыбаков. Тогда еще не было границы территориальных вод. На берегу залива на песке лежали большие морские лодки, около них на шести рыбаки сушили и разбирали снасти.

На песчаном берегу (пляж детского санатория «Солнышко») проводили спортивные состязания, на Иванов день разводили костры, а дальше к границе устроили стрельбище щюцкора.

Если идти от бывших Красных ворот по Приморскому шоссе в сторону Зеленогорска, то справа на горе в конце XX века можно было увидеть народную школу. Эту вторую школу Терийокской волости построили в 1895 году на деньги, собранные жителями деревни и состоятельными дачниками. Школа стояла на красивом пригорке, поросшем соснами, и много лет была культурным центром поселка для мирских и для духовных мероприятий. Здание сгорело в конце 90-х годов XX века.

Первые учителя, муж и жена Каулио, создали в Оллиле общество молодежи, а Нило Каулио руководил хором. Это был центр финского патриотизма в период дачной русификации перешейка в начале XX века. Хор, созданный Нило Каулио, часто выступал на песенных праздниках, знакомил слушателей с народными финскими песнями.

Под школьной горой, на противоположной стороне дороги, стоял дом Молитвы, построенный в 1910 году. Здесь проводились регулярные богослужения. В 30-х годах дом Молитвы приобрел колокол и катафалк, на котором возили покойников на кладбище по дороге, длиной в 7 километров, до деревни Тулокас. Кладбище, расположенное в километре от деревни, было общим для всех деревень Хаапала и Куоккала. Оно располагалось в вересковых зарослях. По другую сторону дороги рос сосняк, за ним тянулось болото Понтуса (Дела Гарди), тянувшееся до железнодорожной станции Куоккала. Деревня Тулокас стояла на излучине реки





Раяйоки. Тихими летними вечерами со стороны кладбища в деревне слышалось пение духовных псалмов.

Дорога к деревне Тулокас тянулась до изгиба реки Раяйоки, где река резко поворачивала на юго-восток и текла на русскую сторону под мостом. На мосту стояла пограничная будка и шлагбаум. Особого контроля не велось. Границу можно было перейти свободно. Мост взорвали в 1918 году.

Далее по дороге (современное Приморское шоссе) у дома Молитвы на месте бывшего русского магазина в 1912 году возникло Кооперативное торговое предприятие Карельского перешейка. От магазина до государственной границы по шоссе было 4 километра, а до центра Терийоки – 14 км. По воспоминаниям дочери Хейки Хотиа – Нины<sup>2</sup>, «магазин представлял собой двухэтажное деревянное строение. На нижнем этаже находился магазин с внутренними складами, а на верхнем – жил заведующий магазином. Со стороны двора строение продолжалось с левого торца длинной пристройкой. Там размещался внешний склад, дровяник и погреб. С другой стороны торгового помещения сохранился обветшалый двухэтажный дом. В то время, когда здесь был русский магазин, там действовала пекарня и жили рабочие магазина. В правом углу двора в 30-х годах была построена баня. В магазине мука, крупа, сахар и кофе хранились в матерчатых мешках на полу, откуда продукты развешивались в бумажные пакеты. Карамель была в больших стеклянных и жестяных банках, как и кондитерские изделия. Масло, жиры, колбаса и сыр хранились открыто на льду в погребе. Сельскохозяйственные и строительные товары, а также машины и всякие устройства хранились на внешнем складе. В 1922–35 гг. завмагом магазина работал Хейкки Хотиа (истинная фамилия русская – Ходеев). Предки его были коробейниками. В новых политических условиях русским было трудно пробиться по службе. Вот и меняли русские эмигранты свои фамилии на финский лад.

У лестницы, ведущей на второй этаж, через окошко было видно все торговое помещение. Детям интересно было наблюдать за посетителями. Самым веселым во всяком случае, самым голосистым был господин Бренёв – русский юрист, агроном и физиолог, который с закрытием границы остался в Оллиле и на своем учас-







тке земли занимался животноводством и пчеловодством. Когда Бренёв приходил за покупками, его громкий бас сопровождался таким смехом, что его, наверное, слышали на горе, где располагалась народная школа. Бренёв интересовался финской кооперацией, эта тема бурно обсуждалась в магазине с местными жителями. После он издал целую книгу по этому вопросу.

Своеобразным ритуалом была упаковка купленных товаров. Покупка красиво заворачивалась продавцом в бумагу, перевязывалась веревочкой, тонкой или толстой, в зависимости от величины и веса пакета. К концу ее привязывалась деревянная палочка, чтобы сверток было легко нести. Как еще изящная эмигрантка могла бы нести свои покупки домой? К тому времени слуг в семьях уже не было, как не было пластиковых сумок.»

Через дорогу расположился один из магазинов Кявявя, так называемая «Синяя лавка» (сейчас это здание почты). Оттуда к станции шли проулки Коукку (современные улицы Танкистов, Средний переулок). У финнов часто проулки и дороги назывались по имени владельца дома. Наследники Юхо Коукку жили напротив магазина. Между проулками раскинулся большой парк, созданный землемером Сонкиевым, (в наше время территория между Средней и Пионерской улицами). Дома располагались в западной части парка. Здесь были самые плодородные земли деревни.

Паула Каритие вспоминала, что парк Сонкиева был роскошным и почти с непроходимыми зарослями. Он навевал мечты о Принцессе Роз. У края его весной цвели все луговые цветы, сирень, рябина и дикие яблони. Рядом с горкой в низине росли большие черемухи... Парк вытянулся к северу от дачи, от которой шла прекрасная дорога на станцию. В наше время дачу уже снесли, но ели, березы и тополя парка выросли и стали гигантскими деревьями, между которыми были очаровательные тенистые тропинки... Около бывшей дачи находился пруд с птицами и рыбами, посреди которого был остров. При господах там катались на лодках. Тогда парк был любимым местом игр детей, особенно для мальчиков. Между елками шла ровная дорожка. Там проходили общие соревнования по бегу на короткие дистанции. Лед пруда был любимым местом игр, на скользкой поверхности которого катались на санях или на собственных штанах. Так как у общины





не было стадиона, мужчины использовали дорожки парка для соревнований... Уже перед зимней войной романтика парка стала исчезать: прекрасные деревья, росшие вдоль дороги, упали, вода в пруду стала мутной, утки давно исчезли.

Гора, расположенная недалеко от большой дороги (у перекрестка совр. Приморского шоссе и улицы Танкистов), была в пользовании всей общины. Здесь были ямы для хранения картофеля и общий песчаный карьер с особым, подходящим для кладки песком, который возили даже в Петербург.

С горы через поля открывался хороший вид на залив, блестящие купола церквей Кронштадта. Щюцкор Оллилы установил на горе в начале 30-х годов флагшток...

В праздничные дни местные жители собирались около флага, чтобы попеть песни. Зимой Хонкаланмяки была для сельской детворы и молодежи излюбленным местом катания с горки. С другой стороны, где горка была круче, школьники катались на лыжах.

В противоположенной стороне проулка на пересечении с большой дорогой на крыльце магазина Кявяя летом собирались парни Оллилы и рассказывали о новостях.

Если вернуться на шоссе и пойти по левой стороне, то, не доходя до поворота дорожки, ведущей к дому отдыха «Взморье», можно увидеть остатки фундамента и вход в подвал, заваленный мусором. Это то, что осталось от дома престарелых учителей Каулио, первых учителей Народной школы. Дом подарили любимцам всей деревни их бывшие ученики. Рядом стоял магазин Матти Хухтанен (совр. территория кафе «Лайма»).

В этих местах море подходит совсем близко к дороге, поэтому дачи стояли вплотную друг к другу. Многие из них были в собственности у русских, но после 1917 года они одна за другой переходили в руки финнов.

Так, бывшая дача доктора С.А.Боткина, с видом и на шоссе и на море (территория детского сада Технологического института), была куплена железнодорожным служащим Ю.Коукку.

Справа от дороги была зона земледелия, но и там были дачи, сдававшиеся в аренду. В районе современной улицы Лесной (бывший проезд Хуумонена) жил судебный заседатель и доверенное лицо многих сельчан – Анти Скюц. Рядом стоял дом Вайнио, кото-





рый устроил известный пансионат для русских дачников в начале XX века.

При подъеме на гору, рядом с Вайнио, у известного ювелира Г.И. Вигстрёма был большой участок земли с несколькими домами, где летом жила семья магистра Антти Сарви, родственника Вигстрёма (территория современного лагеря «Березка»). Г.И. Вигстрём, известный мастер фирмы «Фаберже», до революции жил здесь летом, а после революции остался на постоянное жительство. Позднее Г.И. Вигстрём основал ювелирное предприятие в Хельсинки, которое перешло к его сыну Эугену. Сын купил дачу в Оллиле между шоссе и берегом моря (район Красных ворот) и жил здесь летом вместе с семьей. Фирма «Фаберже», основанная выходцами из Франции в 1842 году, к началу XX века достигла своего наивысшего расцвета при жизни сына основателя фирмы - Карла Густава Фаберже. Более половины ювелиров фирмы были финнами. Мастера фирмы были высочайшими профессионалами. Изделия, выходящие из их рук, были безупречного качества. Генрих Вигстрём был одним из трех главных мастеров фирмы с 1872 по 1917 год. У Фаберже работали и другие финские мастера - Йохан Аарне, Карл Армфельдт, Август Хольминг, Стефан Вякевя и др. Генрих Вигстрём специализировался на производстве пасхальных яиц по заказам императорской семьи. Он продолжил дело замечательного русского ювелира Михаила Перхина. Всего за этот период было изготовлено 60 яиц. Все со своими секретами. В одном случае это были часы, внутри другого яйца была карта Российского государства, под скорлупой третьего раскрывалось золотое дерево с цветами из мелких бриллиантов и рубинов, а на ветке сидел золотой павлин. После революции финские ювелиры вернулись в Финляндию. Генрих Вигстрём увез с собою альбом в кожаном переплете с тысячей рисунков и эскизов изделий Фаберже. Раритет этот сохранился<sup>3</sup>.

Умер Г.И. Вигстрём в Хельсинки в 1923 году.

На правом углу проезда Хуумонена (улица Лесная) и большой дороги в свое время стояла дача и большие конюшни доктора Шефтеля (теперь фермерское хозяйство). Затем начиналась так называемая Церковная гора, где в начале 20-х годов XX века хотели построить кирху для жителей Куоккалы. На развилке, от ко-





торой к железной дороге шел скотопрогон, проезд поворачивал направо (совр. улица Мира). Слева и справа стояли три дома Хуумоненов, севернее этой развилки были поля Ульберга – память о прежней усадьбе Олафа Ульберга, по имени которого была названа станция Оллила.

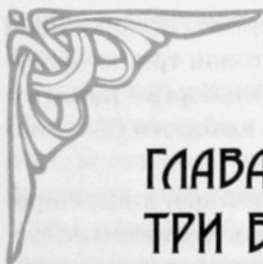
Дорога, ведущая от Марттиланмяки (современная улица Мира) и Коукку, (ныне улица Танкистов), соединялась с Хуумосентие (современная улица Пионерская). По другую сторону от железнодорожного полотна эта дорога шла до самой границы волости. В 1902 году жителем Оллилы стал секретарь Государственного Совета Мультановский. Он поселился около станции Оллила. Он и два его сына еще в 1930 году упоминаются в списке жителей.

Григорий Бренёв, юрист, агроном и физиолог, один из первых построил между станциями Оллила и Куоккала большую деревянную двухэтажную дачу. После 1917 года Г. Бренёв остался жить в поселке, хотя большевики многократно пытались вернуть его в Россию. Он был владельцем типографии «Наш век», а также известного издательства. Его стараниями были изданы на русском языке труды Ханнеса Гермардта и «История кооперации Финляндии». В Петербургском университете Бренёв работал лаборантом. Здесь, в Финляндии, продолжилась его работа с животными и пчелами. В поселке Бренёв дружил с местными жителями и в 1939 году вместе с ними отправился в эвакуацию. Его сын – живописец Николай Бренёв живет в Йокела.

От шоссе идут проезды – усы. Там, напротив одного из предприятий Килльстрёма, справа от шоссе стояли дачи русского доктора Кеттерера (современная улица Ленинградская). Его сын Виталий стал известным музыкантом и оперным певцом.

А рядом вырос большой яблоневоый сад, самый большой в волости. В настоящее время часть этого сада относится к территории детского дома на Пограничной улице. На этой горе у яблоневого сада жил создатель «Беличьей роты» Эмиль Рейникайнен. Соседействовал с ним Матти Вайттинен, инициатор общества земледельцев, общества молодежи, щюцкор и многих других начинаний общины. Эти два человека считались жителями поселка Оллила.





## ГЛАВА 8. ТРИ ВОЙНЫ XX ВЕКА

---

**В** течение двадцатого столетия Оллила, Куоккала, Раяйоки, как и весь Карельский перешеек, пережили три войны, и все они оставили в той или иной мере свой трагический след.

Первая мировая война не затронула финские земли, но так или иначе оказала влияние на эту страну. В конце 1914 года Россия передислоцировала 22-й армейский корпус в Восточную Пруссию. Финляндия превратилась в район смены полковых пополнений. Фронт не приблизился к ней, но население получило много работы по строительству оборонных сооружений и шитью военного снаряжения. В это же самое время около 2000 финских егерей под видом скаутов скрытно проходили обучение в Германии до мая 1916 года. Впоследствии их отправили воевать против России. Оставшиеся в живых вернулись на родину лишь в 1918 году. Временное правительство Финляндии, пришедшее к власти после Февральской революции в России в 1917 году, 29 марта этого же года издало манифест, в котором были ликвидированы все основные акты, противоречившие финляндским законам.

С весны 1917 года в Финляндии создаются спортивные секции и пожарные команды, которые скрытно давали своим членам военную подготовку. Одновременно рабочие для достижения своих требований создавали «Красные гвардии». В январе 1918 года в Финляндии противостояли три вооруженные организации: щюккор – 38000 человек, Красная гвардия – 30000 человек и русское войско – 40000 человек, оставшихся в Финляндии из-за неразберихи революционных событий<sup>1</sup>.

27 января 1918 года начавшаяся в Финляндии забастовка переросла в восстание. Вскоре оно охватило весь юг страны. Над Выборгом и Хельсинки взвились красные знамена. В ответ на крас-





ную экспансию, создание Совета Народных Уполномоченных и провозглашение Финляндии Социалистической Рабочей Республикой правительство Свинхувуда поручило отставному генералу русской армии Георгиевскому кавалеру, барону Маннергейму возглавить народное ополчение, состоящее главным образом из крестьян. Костяком финской армии стал батальон финских егерей, вернувшийся из Германии. Финнам помогала немецкая дивизия фон дер Гольца и шведская добровольческая «Черная бригада» Ялмарсона. К маю 1918 года отряды Красной гвардии были разбиты, а их остатки бежали в Советскую Россию.

В ходе Гражданской войны в 1918 году в Финляндии погибло 4000 красных финнов, 1000 – белых; расстреляно 8000 человек, в концлагерях от голода умерли 12000 красных, итого погибло 25000 тысяч человек.

В 1920 году был заключен Тартуский (Юрьевский) мирный договор, по которому граница с Советской Россией проходила по прежней границе Великого княжества Финляндского. Пограничный режим был очень строгий. Создавались приграничные деревни, работала пограничная стража<sup>2</sup>.

Пограничные отряды, по-шведски, шюцкор, напоминали русское казачество. В конце 30-х годов в его рядах было, примерно, 100000 добровольцев. Это была военизированная организация, члены которой находились на гражданской службе, но регулярно принимали участие в тренировках по стрельбе, ориентированию, физической подготовке и т.д. Каждый из них имел форму со своими знаками отличия, а также личное оружие, которое хранилось дома. Боевая готовность шюцкора была высокой. Им противостояли бывшие члены Красной гвардии. Противостояние исчезло во время Зимней войны.

Женщины создали свои организации «Лотта Свьярд», где работали медсестрами, телефонистками, курьерами, наблюдателями, но в боевых действиях не принимали участия. В 30-е годы численность организации была до 150000 человек, в 1944 году – 220000 человек. Организация получила свое наименование по названию стихотворения И.П.Рунеберга «Лотта Свьярд», в котором эта первая «лотта» в ходе войны 1808–1809 гг. двигалась вместе с войсками и оказывала медицинскую помощь. Летом общества





*Раяокский пост на финляндской границе*

устроивали показательные соревнования и выступления. В конце 40-х годов щюцкор, Академическое Карельское общество и другие организации со старой идеологией Великой Финляндии были запрещены<sup>3</sup>.

К 30-м годам в большинстве поселков появились свои народные школы, дававшие семилетнее образование. В поселке Оллила народная школа открылась в 1895 году, чуть позже – в поселке Раяйоки. Школы давали семилетнее образование. Созданные молодежные общества помогали развитию библиотечного дела. Первое библиотечное общество в Финляндии возникло в 1922 году. Библиотеки комплектовались на деньги жителей общин.

В 30-е годы на политику Финляндии большое влияние оказывала Англия и Франция. В 1924 году вдоль Вуоксинской системы и южнее Выборга было построено несколько десятков каменно-бетонных огневых точек, так называемая «Линия Энкеля». В 1932 году профашистские организации пытались организовать в стране государственный переворот. Путч провалился. В 1932 году между СССР и Финляндией был заключен пакт о ненападении, который в 1934 году был продлен на 10 лет. Однако этот документ



был денонсирован советским правительством 28 ноября 1939 года.

Пакт Риббентропа – Молотова опять превратил Финляндию в «игральную карту Европы»<sup>4</sup>.

Военные события Зимней войны 1939–40 годов оставили почти без разрушения поселок Оллила и Раяйоки. Финская армия отступала, почти не ввязываясь в бои.

В глубь Финляндии спешно эвакуировалось мирное население. Из поселка Оллила было эвакуировано 200 человек. Через неделю на участке Тайпале (совр. Соловьево) и Сумма финны организовали решительное сопротивление и в течение двух месяцев удерживали оборону почти по линии Энкеля. Сильные морозы были помощниками финнов, которые были лучше экипированы и вооружены, хорошо знали местность и особенности финских дорог и болот. На узких дорогах один подбитый танк мог остановить целую колонну. Основным оружием финнов в эти дни был «Коктейль Молотова» – вязкая горючая жидкость в бутылках, с помощью которой уничтожались русские танки. Вторым эффективным оружием были автоматы и летучие финские лыжники. Отряды лыжников почти полностью уничтожили застрявшие на узких лесных дорогах русские войска. Масштабы наступления русских были столь велики, что в течение одного дня боев финны уничтожили 72 танка. Швеция была нейтральна, англичане могли прийти на помощь только в апреле. Но резервы финской армии были на исходе. Ценной огромных усилий в феврале 1940 года Красная армия подошла к Выборгу и вошла в него. Финляндия пошла на мирные переговоры, по которым она теряла  $\frac{1}{10}$  часть своих территорий, прилегающих к Ленинграду и Карелии.

Финны потеряли 23000 убитыми и всех похоронили на приходских кладбищах. Вглубь эвакуировалось 420000 человек или 11% населения. По специально принятому закону всем, кто получал средства пропитания от занятий сельским хозяйством, предоставлялся участок земли, а прочим компенсировались их материальные потери. Население Финляндии должно было принимать участие в благоустройстве эвакуированных.

Весной и летом 1940 года Финляндия была в тисках между Советским Союзом и Германией. Она развивала торговые отно-







шения с Германией, которая к тому времени предложила ей военное сотрудничество на случай войны с Россией. В середине июня 1941 года финское правительство разрешило Германии перебросить войска из Норвегии в северную Финляндию. В ответ на бомбежку немецкими летчиками русских городов 22 июня 1941 года, советские самолеты бомбили 25 июня финские города. После этого Финляндия объявила войну России<sup>5</sup>.

## **Как это было**

### **(военные действия в Великую Отечественную войну)**

26 июня 1941 года Финляндия объявила Советскому Союзу войну. 31 августа 1941 года финские войска достигли старой границы и к осени продвинулись на 15 километров, остановившись перед мощными укреплениями КАУРА (Карельский укрепленный район). К 6 сентября 1941 года линия фронта на Карельском перешейке стабилизировалась и до лета 1944 года активных боев на этом фронте не велось.

За это время финны подготовили первую линию обороны, которая начиналась от Финского залива, севернее Сестрорецка, шла по реке Сестре через Лемболовские высоты и затем доходила до Ладоги. Линия состояла из пулеметных площадок, траншей, дзотов с проволочными заграждениями, многокилометровых лесных завалов, минных полей и противотанковых надолбов<sup>6</sup>.

Остатки этих укреплений и сегодня можно встретить в окрестностях поселка Солнечное и Дюны, железнодорожного моста через реку Сестру и других местах.

Еще в июне 1941 года финские военные начали составлять планы возвращения населения на вновь занятую территорию. Земля была разорена, дома минированы и часто сильно повреждены, на местности было много неразорвавшихся боеприпасов. По этой причине население удерживали от быстрого возвращения. Военная администрация была создана 15 июля 1941 года и разместилась в Миккели, недалеко от главного штаба Маннергейма. Промежуточным органом военной администрации было 12 округов. Местными административными органами были штабы общин. Начальниками штабов общин назначались председатели





правлений общин. Начальниками округов были обычно ленсманн-данных округов. Военная администрация сосредоточила в своих руках большие полномочия. Каждый штаб мог взять с собою 200 жителей своей общины для работы по разборке и расчистке территории. Люди спешили вернуться к осени, чтобы убрать урожай, посеянный русскими. Уборка сена уже прошла к середине августа, но урожай ржи, яровых, корнеплодов надо было постараться убрать полностью.

### Колхоз по-фински

Вернувшиеся в общину сразу же распределялись по деревням в рабочие группы. Рабочей группе передавали все сельскохозяйственные машины и инвентарь, находившийся на их территории. В каждой деревне организовывались группы по ремонту машин и сельхозорудий. Сначала убирали общинный урожай, продолжали заготавливать сено, хотя оно перестояло. Нужно было собирать семена трав, в которых ощущалась большая нехватка. Свой участок убирали в последнюю очередь, если он был посеян ушедшими русскими. За работу на общинных полях рабочие получали определенную плату. Несмотря на большие трудности в августе – сентябре 1941 года ежедневно возвращалось по 600–1000 человек. К маю 1944 года на Карельский перешеек вернулось более 210000 человек. Население верило, что отъезда не будет, и планы повторной эвакуации составлялись на всякий случай. Стояла прекрасная погода, посевы хорошо всходили. Прорыв русских на Белоостровском направлении был неожиданностью для населения<sup>7</sup>.

9 июня 1944 года после артподготовки начала наступление 21-я армия. Первыми под артиллерийский обстрел попали приграничное Раяйоки, Дюны, станция Оллила. Больше всего горело домов в Куоккале. Солдаты 30-го гвардейского корпуса Н.П.Симоняка ворвались в первую линию вражеских окопов. 187-й стрелковый полк (командир полка К.А.Рябков) 72-й стрелковой дивизии овладел станцией Оллила 10 июня 1944 года.

14 июня, пройдя вторую линию обороны, от Финского залива у поселка Молодежное по линии Кутерселькя (Лебяжье) – Кивенапа (Первомайское) – Рауту (Сосново) – озеро Суванта-ярви (Суходольское), где было 926 долговременных железобетонных со-



оружений, и выйдя 17 июня к третьей линии – частично восстановленной «линии Маннергейма», состоящей из двух десятков узлов сопротивления с дотами в районе Солдатского и Высоцкого, советские войска 19 июня с суши и моря взяли Койвисто (Приморск). 20 июня они вошли в город Выборг<sup>8</sup>.

Финны запросили мира. 4 сентября 1944 года было заключено соглашение о прекращении военных действий. 19 сентября 1944 года был подписан промежуточный мир между Россией и Финляндией. Граница была установлена по мирному договору 1940 года и еще присоединялась Печенга (Петсамо). Финны должны были выплачивать в течение 6 лет по 300 млн. долларов США в год. Это составляло одну треть всего национального продукта 1938 года. За 1939–1945 гг. Финляндия потеряла 86000 солдат или 2,3% всего населения. Условия мира были суровы, но независимость была сохранена<sup>9</sup>.

В результате двух последних войн коренное население исчезло с Карельского перешейка. В глубь Финляндии эвакуировалось 295900 человек, осталось 107. Еще раньше, в 1942 году, ингер-



*Русские туристы на берегу Финского залива. Лето 1940 г.  
Из архива А.Н.Ковалевского*

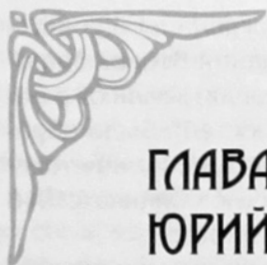


манландское население было выселено из пограничной советской территории в глубь страны. После окончания Второй Мировой войны в состав Ленинградской области вошли земли от реки Сестры до озер Вуоксинской системы (10 волостей). Было образовано три административных района - Раутовский, Койвистовский и Каннельярвский с городом Терийоки. Поселок Оллила (с 1948 года – Солнечное) вошел в Каннельярвский район<sup>10</sup>.

21 августа 1946 года на карте Ленинграда появился Курортный район, куда вошел поселок Солнечное, население по оргнабору выросло с 105 до 890 человек. С каждым годом все больше людей приезжало из разоренных войной мест.

В 1950 году на железнодорожной станции «Солнечное» построили павильон. Пошли электрички. 12 мая 1959 года Курортный район был упразднен, пос. Солнечное отошел к г. Сестрорецку. В 1997 году после выборов Муниципального Совета поселок стал самостоятельной административной единицей в рамках Муниципального объединения Курортного района города Санкт-Петербурга.





## ГЛАВА 9. ЮРИЙ НИКУЛИН НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ

---

**И**звестный артист цирка и кино Юрий Никулин в своей книге «Почти серьезно» оставил интересные воспоминания о начале своей военной службы в 1939 году недалеко от Сестрорецка и поселка Оллила.

«Ночью нас привезли в Ленинград. Когда нам сообщили, что будем служить под Ленинградом, все дружно закричали «ура». Тут же, охлаждая наш пыл, нам объяснили:

- На границе с Финляндией напряженная обстановка, город на военном положении...

Через несколько дней всех распределили по разным подразделениям. Я попал во второй дивизион 115-го зенитного артиллерийского полка, где меня определили на шестую батарею. Она располагалась около города Сестрорецка. Рядом Финский залив, недалеко река, лес. Время от времени на батарее объявлялись учебные тревоги.

На батарее около ста человек... Солдатскую науку каждый из нас усваивал довольно быстро. Одно из правил этой науки — смеяться не только над другим, но и над собой — усвоил в первые же дни... Ко мне поначалу некоторые относились с иронией. Больше всего доставалось во время строевой подготовки. Когда я маршировал отдельно, все со смеху покатывались. На моей нескладной фигуре шинель висела нелепо, сапоги смешно болтались на тонких ногах. Про себя я злился, но в то же время смеялся вместе со всеми. Что меня и спасало от дальнейших насмешек...

После того как на батарее под Сестрорецком в торжественной обстановке приняли присягу, мы стали полноправными бой-



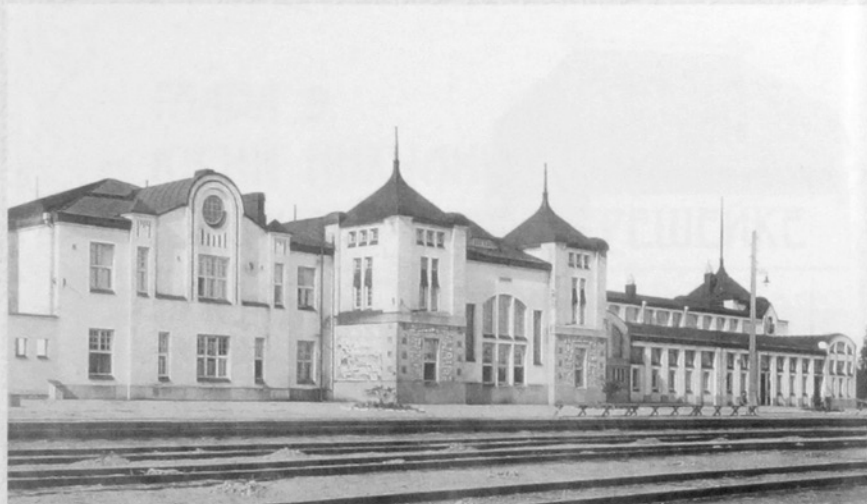


Вокзал станции Оллила, начало XX в.  
С сайта [www.cunabula.narod.ru](http://www.cunabula.narod.ru)

Kuokkala



Вокзальная площадь станции Куоккала. С открытки начала XX в.  
Из коллекции С.В.Ренни



Вокзал станции Раяйоки. Арх. Б.Грэнхатен, 1936 г.  
Из коллекции С.В.Ренни





*Типичный финский дом, начало XX в. Из книги Э.Кяхенена*



*Солнечное. Граница с Репино – Бартнеровская стена.  
Фото П.В.Винокурова, 2002 г.*





*Граница Оллилы и Куоккалы, начало XX в.  
Из книги Э.Кяхенена*



*Оллила. Жатва на поле. Начало XX в.  
Из архива филлиала №1 ЦБС*



*Оллила.  
Церковь Смоленской  
иконы Божьей матери.  
С открытки начала XX в.*

*Река Сестра. Вид на Раййоки.  
Из архива филлала №1 ЦБС*





Оллила — На берегу моря.

*Оллила. На берегу моря. С открытки начала XX в.  
Из архива Р.Н.Гараевой*



Оллила — Видъ берега моря.

*Оллила. Вид берега моря. С открытки начала XX в.  
Из коллекции С.В.Ренни*



*Оллила.  
Дача на побережье,  
начало XX в.  
Из архива филлиала №1 ЦБС*

*Оллила.  
Дача Фонь-Беренса  
в стиле северного модерна.  
С открытки начала XX в.  
Из коллекции С.В.Ренни*



**ДАЧА ФОНЬ-БЕРЕНСЪ**  
(Постройка архитектора Брандта, Оллила).

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ГЛАВЕ 3

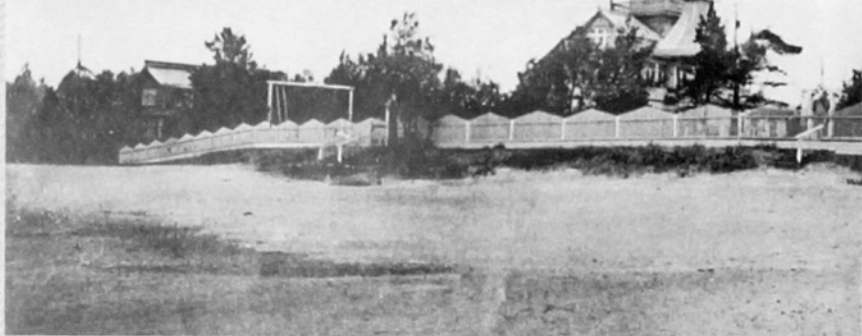
р. н. с. д.

Ст. Оллила  
Ollila

дача Альберга № 5

Финляндия  
Suomi

18. июля  
1917г.



Оллила.  
Дача Альберга  
в стиле северного модерна.  
С открытки начала XX в.  
Из архива Р.Н.Гараевой

Оллила. Дача.  
С открытки начала XX в.  
Из коллекции С.В.Ренни

Ст. Оллила  
Ollila

Финляндия  
Suomi





*Олпила. Дача Мутьева, начало XX в.  
С открытки из коллекции С.В.Ренни*



*Солнечное. Дача Мутьева (Приморское шоссе, д. 366).  
Современный вид. Фото Р.Н.Гараевой*

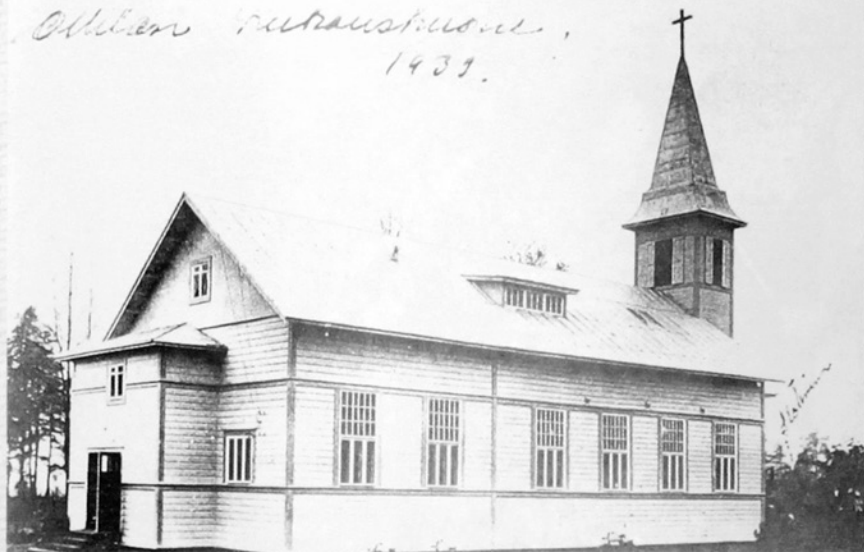


Солнечное.  
Памятник И.В.Сталину  
около въезда в Курортный район.  
С сайта [www.cunabula.narod.ru](http://www.cunabula.narod.ru)



Солнечное.  
Дом отдыха  
«Солнечная горка».  
С открытки 1950-х гг.  
С сайта [www.cunabula.narod.ru](http://www.cunabula.narod.ru)

*Оллия Молельный дом,  
1939.*



*Оллия. Молельный дом. Фото 1939 г.  
Из архива филиала №1 ЦБС*



*Муниципальный Совет и библиотека пос. Солнечное  
(Приморское шоссе д. 374). Фото П.В.Винокурова, 2002 г.*





Сестры Пимия  
в древнекарельском  
национальном костюме  
на Терийокском  
певческом празднике.  
Фото 1910 г.



Певческий праздник в Терийоках. Фото начала XX в.



*В.Э.Мейерхольд.  
С портрета худ. А.Головина,  
1917 г.*

*В.Э.Мейерхольд  
в костюме Пьерро.  
С портрета худ. Н.Ульянова,  
1908 г.*





В.Э.Мейерхольд.  
С портрета худ. Б.Д.Григорьева, 1916 г.  
Фонд Русского музея



А.А.Блок. Фото 1907 г.

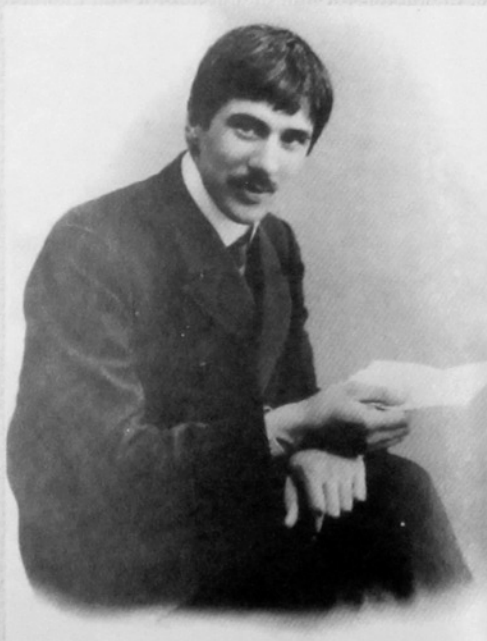
Дом К.И.Чуковского  
в Куонкале.  
С рисунка  
В.Н.Бокарнуса.





Мать К.И. Чуковского,  
Е.О. Корнейчукова  
с внуками Колей и Лидой.  
Фото 1910-х гг.

К.И. Чуковский.  
Фото 1910-х гг.





К.И. Чуковский.  
С портрета И.Репина,  
5 июня 1912 г.

К.И. Чуковский в кабинете.  
Фото К. Буллы,  
Куонкала, 1913 г.





К.И. Чуковский.  
С портрета  
худ. П. Бродского,  
Куонкала, 1915 г.



Лида Чуковская.  
С рисунка В. Маяковского  
в «Чукоккале»  
(рукописном альманахе  
Корнея Чуковского), 1915 г.

Лида Чуковская



*К.И.Чуковский с детьми  
на берегу залива.  
Фото середины 1910-х гг.*

*К.И.Чуковский с семьей  
на даче Анненковых  
в Куоккале. Фото 1910-х гг.*



*Из книги Л.Чуковской «Памяти детства»*





*Куоккала.  
«Пенаты».  
Фото 1936 г.  
Из архива семьи  
Башмакофф*

*Репино.  
«Пенаты».  
Современный вид.*





К.И. Чуковский в мастерской И.Репина в день смерти Л.Толстого.  
Ноябрь 1910 г. Фото К.Буллы



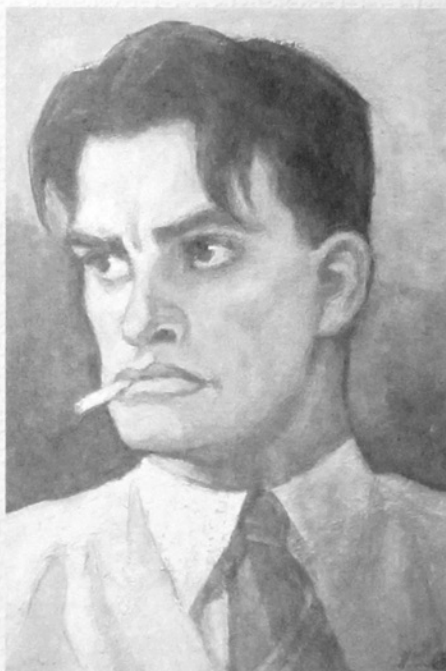
К. Чуковский  
с сыном Борисом.  
Фото 1915 г.

Лия Брик.  
Рисунок  
В. Маяковского,  
1915 г.

В. Маяковский.  
Фото 1915 г.



*В.Маяковский.  
С портрета  
худ. Н.А.Соколова,  
1988 г.*



*Н.Н.Евреинов.  
С рисунка  
В.Маяковского,  
1915 г.*



*Н.Н.Евреинов.  
С портрета  
худ. П.Е.Репина*





Лилия Брик.  
Фото 1915 г.

Л.Ю.Брик.  
Фото 1960-х гг.





В.Маяковский.  
С шаржа на И.Репина  
в «Чукоккале» (рукописном  
альманахе Корнея Чуковского)



В.Маяковский.  
С шаржа на К.Чуковского  
в «Чукоккале»



В.Маяковский.  
С шаржа на К.Чуковского  
в новой шляпе в «Чукоккале»



Вид на Раяйоки до 1939 г.  
Из коллекции С.В.Ренни



Ollila  
Ст. Оллила

Suomi  
Финляндия

Оллила. Кооперативный магазин недалеко от Моельного дома.  
С открытки начала XX в. Из архива филиала №1 ЦБС



*Оллила. Народная школа. Фото начала XX в.  
Из архива филлиала №1 ЦБС*

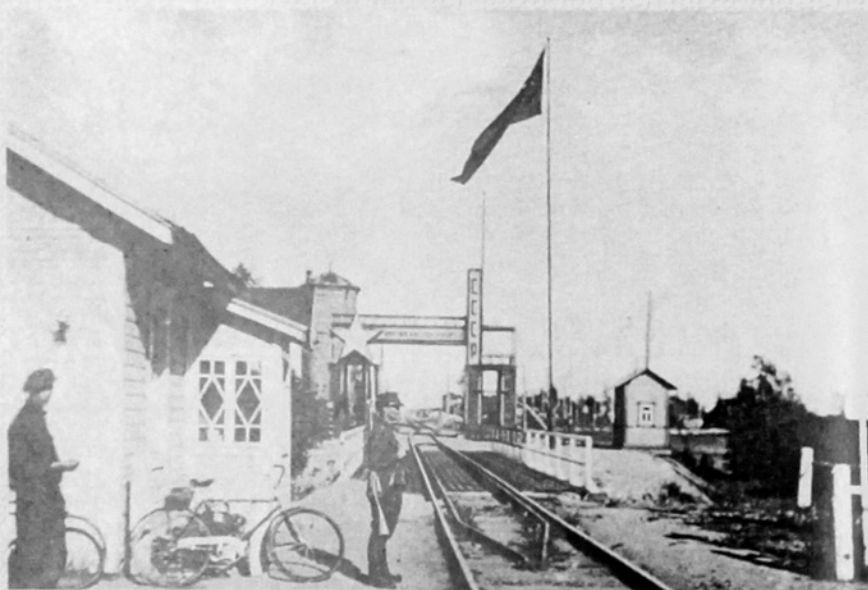


*Оллила. Народная школа.  
Фото П.В.Винокурова, 2000 г.*





Куоккала. «Дом лоттов». Фото 1939 г.  
Из архива филиала №1 ЦБС



Раяйоки. Железнодорожный мост до 1939 г.  
Из архива филиала №1 ЦБС



*Тайный переход границы через Раяйоки. Фото 1918 г.*



*Раяйоки. Железнодорожный мост через реку Сестру.  
Фото начала XX в. Из коллекции С.В.Ренни*



*Поля Оллилы, начало XX в.  
Из архива филиала №1 ЦБС*



*Похоронная процессия, 1930-е гг.  
Из архива филиала №1 ЦБС*



*Липовая аллея до Зимней войны.  
Из архива филиала №1 ЦБС*



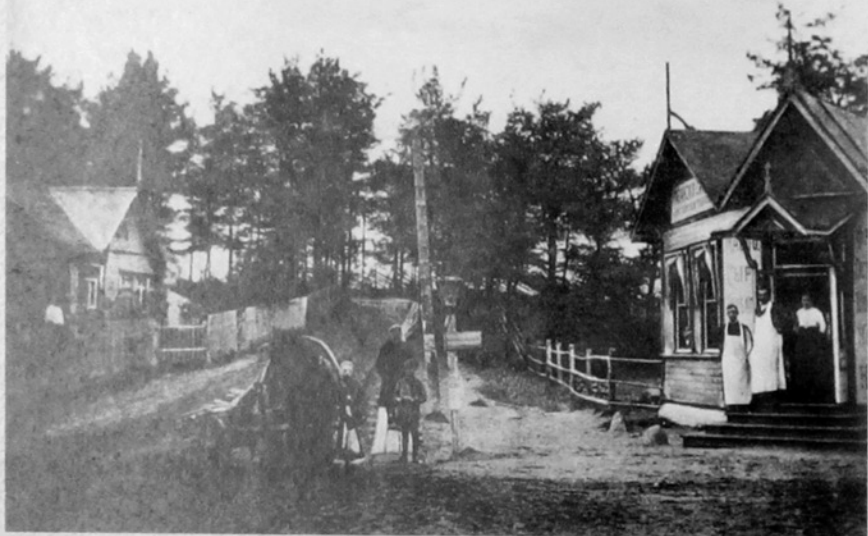
*Липовая аллея. Фото П.В.Винокурова, 2004 г.*



*Оллина. Магазин Кильстрема. С открытки начала XX в.  
Из коллекции С.В.Ренни*

Ст. Оула  
Oulu

Финляндия  
Suomi



*Оллина. Синяя лавка Каявя. С открытки начала XX в.  
Из коллекции С.В.Ренни*

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ГЛАВЕ 7

Ст. Оллила  
Ollila

Финляндия  
Suomi



*Оллила. Магазин Паатинена. С открытки начала XX в.  
Из архива Р.Н.Гараевой*



*Современный вид бывшего магазина Паатинена  
(Дом отдыха «Взморье», корпус 10).  
Фото П.В.Винокурова*

Ollila  
Ollila



Магазин М.Хуухтанена. Вид до 1917 г.  
С открытки начала XX в.



Здание аптеки у Красных ворот (ныне ул. Петровская).  
Не сохранилось. Фото начала XX в.



Крестьянский дом на ул. Мира. Фото начала XX в.



Крестьянский дом начала XX в. Петровская ул., д. 7.  
Фото П.В.Винокурова





*Дача начала XX в. на Лесной ул.  
Фото П.В.Винокурова*



*Оллила. Дом Э.Рейникайнена, до 1939 г.  
Из архива филлала №1 ЦБС*



*Дача начала XX в. у Петровской и 3-й Боровой ул.  
Фото П.В.Винокурова*



*Дача начала XX в. Приморское шоссе, напротив дома отдыха «Взморье».  
Не сохранилась. Фото П.В.Винокурова*



*Дача на Петровской ул. у санатория "Солнечное".  
Фото П.В.Винокурова*



*Финская дача (Приморское шоссе, дом 380).  
Современный вид.*



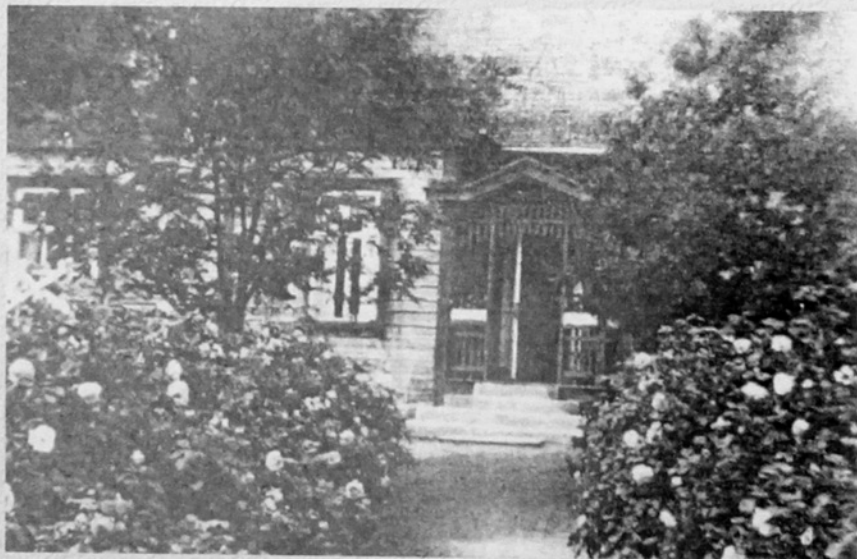
*Олпила. Дача ювелира Г.Вигстрема на Лесной ул.  
Из архива филиала №1 ЦБС*



*Бывшая дача №1 ювелира Г.Вигстрема на Лесной ул.  
Фото П.В.Винокурова*



*Бывшая дача №2 ювелира Г.Вигстрема на Лесной ул.  
Фото П.В.Винокурова*



*Олпила. Дача М.Саарви, родственника Г.Вигстрема, начало XX в.  
Не сохранилась. Из архива филлала №1 ЦБС*

Описание ювелирных изделий фирмы «Фаберже»,  
выполненных финскими мастерами<sup>4</sup>



Часы. Фирма Фаберже.  
Мастерская Г.Вигстрема.  
Петербург, 1899-1908.  
Золото, серебро.  
Эмаль, металл.  
Часы круглые. Вставлены  
в прямую рамку, покрытую  
опаловой и голубой  
прозрачной эмалью  
по гильшированному фону  
и украшенную накладными  
гирляндами

Чарка. Фирма Фаберже.  
Мастерская Г.Вигстрема.  
Петербург, 1899-1908.  
Серебро, позолота. Рубин.  
Чарка в виде слона  
с рубиновыми глазками





Миниатюра. Фирма Фаберже.  
 Мастерская Г. Вигстрема (рамка),  
 Живопись – В. Зуев.  
 Петербург, 1907 г.  
 Золото, серебро. Эмаль. Алмазы.  
 Жемчуг. Ткань.  
 Миниатюра заключена в рамку  
 в виде веточек ландыша,  
 с жемчужными цветами.  
 Листья покрыты зеленой эмалью,  
 веточки перевиты лентой  
 с алмазами. На миниатюре  
 Эппанда Николаевна Юсупова,  
 графиня, мать Феликса Юсупова

Яйцо Пасхальное.  
 Фирма Фаберже.  
 Мастерская В. Аарне.  
 Петербург, начало XX в.  
 Золото, серебро,  
 аметисты. Эмаль





Пограничный камень в районе Дюн.  
Фото П.В.Винокурова

Дюны. Дот «Линия КАУРА».  
Фото П.В.Винокурова







Заграждения у Ржавой канавы. Лето 1940 г.  
Из архива А.Н.Ковалевского



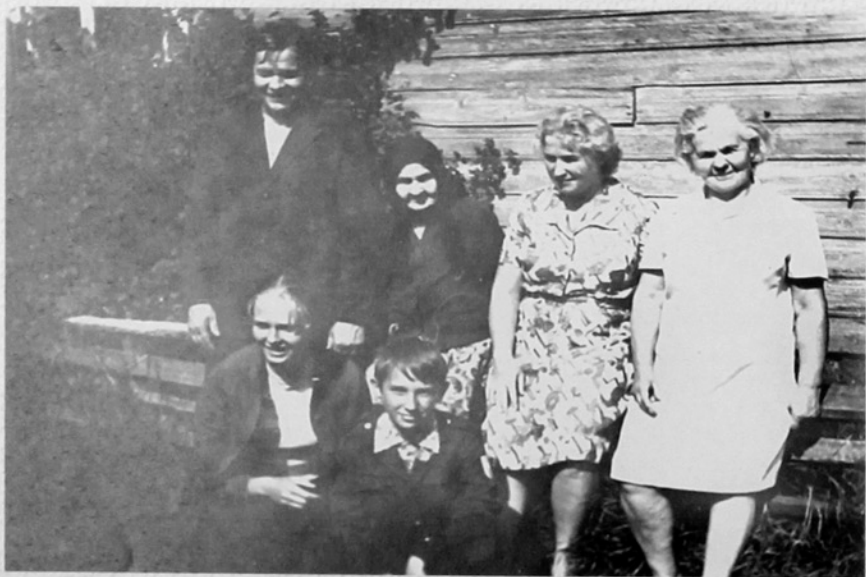
Репино. «Пенаты». Лето 1940 г.  
Из архива А.Н.Ковалевского



*Никитин на войне*



*Первые переселенцы:  
М.И.Бараусова, Е.А.Кузнецова, К.А.Кузнецова*



*Три поколения Кузнецовых. Фото 1970-х гг.*



Кузыановы  
1953 г.

Род Кузыановых. Фото 1953 г.



*Дети послевоенной поры.  
Слева Елена и Виктор  
Кузнецовы*

*Старейшие жители поселка  
Роза Михайловна Савченко и  
Людмила Михайловна Черных.  
Фото 2001 г.*





*Раиса Георгиевна Черных*

**Сдача наград –  
Георгиевских крестов  
представителями полков  
в финансовую комиссию  
Фото из журнала «Нива»,  
№17, 1917 г.**





Георгиевский кавалер  
Дмитрий Степанович Черных

Георгиевские  
солдатские награды





*З.Г.Руфанова, 1950-е гг.*

*Работники лесхоза.*

*Слева направо:*

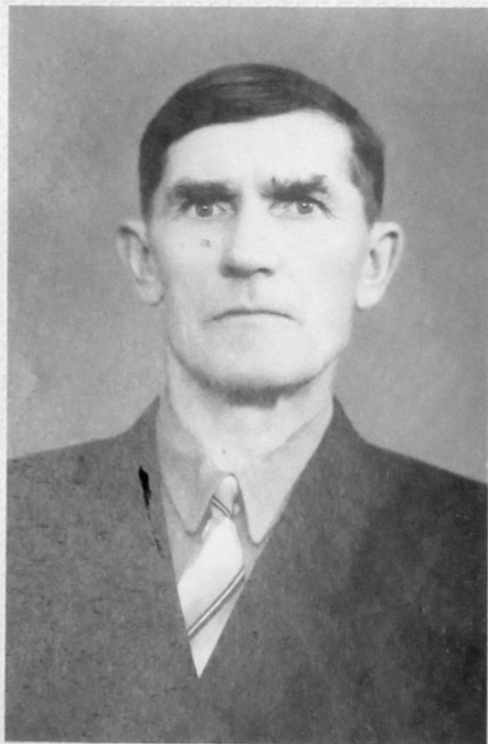
*Георгиевский Кавалер*

*Д.С.Черных, И.С.Перлов и др.*

*Фото 1950-х гг.*







*Петр Яковлевич Яковлев*

*Николай Петрович Яковлев.  
Фото 50-х (слева)  
и 60-х (справа) гг.*





Скромная послевоенная свадьба С.П.Яковлевой и А.А.Дьякова.  
Поселок Солнечное, 1953 г.



А.А. и С.П. Дьяковы. 50 лет спустя



*Чета Перловых (в центре) и чета Дьяковых (справа)  
за праздничным столом. Фото 1950-х гг.*



*Солнечное. Первый послевоенный выпуск начальной школы.  
Фото 1950-х гг.*



Фронтвики  
П.К.Билик  
и П.Г.Сафонькин.  
Фото 1950-х гг.

П.К.Билик.  
Фото 2006 г.





Нина Павловна  
Билик с сыном.  
Дом отдыха  
«Солнечная горка».  
Фото 1952 г.

Павильон дома отдыха  
«Солнечная горка».  
Фото 1952 г.





*Работники дома отдыха «Взморье». Фото 1950-х гг.  
Из архива дома отдыха «Взморье»*



*Работники дома отдыха «Взморье» в Петергофе. Фото 1960-х гг.  
Из архива дома отдыха «Взморье»*



*Корпус №2 дома отдыха «Взморье», первого послевоенного дома отдыха в поселке Солнечное. Фото 1950-х гг.  
Из архива дома отдыха «Взморье»*



*Современный вид корпуса №9 дома отдыха «Взморье»  
(ранее назывался «Кировец», затем «Солнечное»)  
Фото П.В.Винокурова*



Работники дома отдыха «Гипроалюминий» возле здания клуба.  
Фото 1950-х гг.



Савиленко  
Юра и сыновья  
Август 1952 г.

Солнечное. На пляже. Фото 1952 г.





**ВЪЕЗД В КУРОРТНЫЙ РАЙОН**

*Солнечное. Парадный въезд в Курортную зону с Приморского шоссе.  
Арх. Г.И.Прибыловский, 1949 г. С сайта [www.cunabula.narod.ru](http://www.cunabula.narod.ru)*



*Пищеблок дома отдыха «Взморье»: Л.М.Черных, Л.М.Семенова,  
Т.И.Маланничева, П.И.Степанова. Фото 1960-х гг.  
Из архива дома отдыха «Взморье»*



*Дом отдыха «Взморье». Художественная самодеятельность. В центре первого ряда руководитель ансамбля А.Д.Черницкая, за ней автор этой книги Р.Н.Гараева. Фото А.Лосева, 1985 г.*



*Дом отдыха «Взморье», праздник Нептуна. Фото А.Зиновьева, 1990-е гг.*



Дом отдыха «Взморье», праздник Ивана Купалы.  
Фото 1980-х гг.



*Б.Т.Штоколов  
в роли Бориса Годунова  
в одноименной  
опере М.П.Мусоргского*

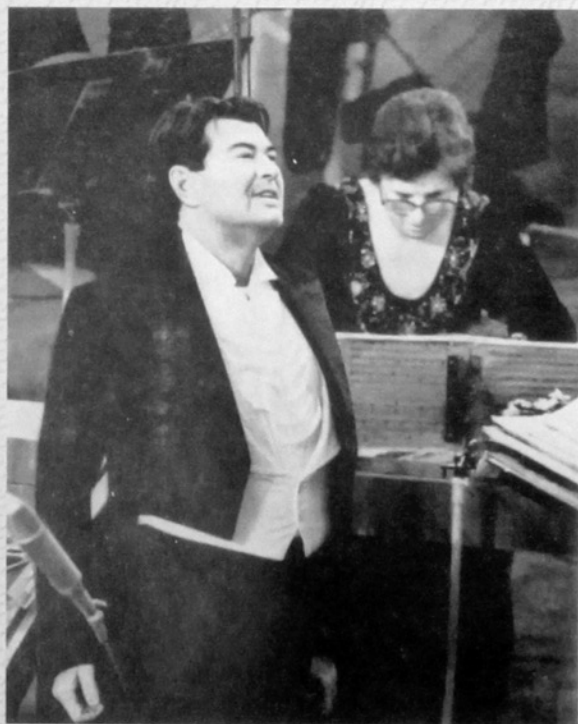
*Б.Т.Штоколов  
в роли Греммина  
в опере П.И.Чайковского  
«Евгений Онегин».  
Из книги «Театр оперы  
и балета им. Кирова»*





На репетиции  
с оркестром  
им. В.В.Андреева

На концерте,  
посвященном  
125-летию  
В.В.Андреева.  
1986 год.





цами... Теперь мне выдали настоящую винтовку. А когда шел на пост, получал и боевые патроны....

Так проходили первые дни моей службы в армии. А ведь всего-то десять дней назад я в Москве смотрел в театре «Женитьбу Фигаро».

Учебные тревоги и раньше проводились довольно часто. А тут тревога какая-то особенная, нервная. Собрали нас в помещении столовой, и политрук батареи сообщил, что Финляндия нарушила нашу границу и среди пограничников есть убитые и раненые...

Я тут же написал заявление: «Хочу идти в бой комсомольцем».

Через два часа запыльхало небо, загремела кананада: это началась артподготовка. На третий день войны после продвижения наших войск в глубь финской территории от нашей батареи выставили наблюдательный пункт в Куоккале (теперь станция Репино), на который послали семь человек старослужащих. Они, приезжая на батарею за продуктами, рассказывали, что финны покинули дома после первых же выстрелов.

...Как только началась война, нам ежедневно выдавали по сто граммов водки в день. Попробовал я как-то выпить – стало противно. К водке полагалось пятьдесят граммов сала, которое я любил, и поэтому порцию водки охотно менял на сало. Лишь 18 декабря 1939 года выпил положенные мне фронтовые сто граммов: в этот день мне исполнилось восемнадцать лет. Прошел ровно месяц со дня призыва в армию.

В ту зиму стояли страшные морозы. Хотя на дежурство я приходил в тупупе, под которым были телогрейка и шинель, на голове шерстяной подшлемник, буденовка, на ногах валенки, холод, казалось, проникал до костей. В телефонке еле-еле горела, скорее мерцала, маленькая лампочка, бетонные стены покрыты сверкающим инеем. Печку топить не разрешали. Это могло нас демаскировать. Иногда возьмешь газету и подожжешь. На секунду становилось теплее, потом холод казался еще сильнее.

Наша батарея продолжала стоять под Сестрорецком, охраняя воздушные подступы к Ленинграду, а почти рядом с нами шли тяжелые бои по прорыву обороны противника – линии Маннергейма.





В конце февраля – начале марта 1940 года наши войска про-  
рвали долговременную финскую оборону, и 12 марта военные  
действия с Финляндией закончились...

Нашу часть оставили под Сестрорецком... Проходили наши сол-  
датские будни: учения, политинформации, боевая подготовка...

В конце апреля 1941 года я, как и многие мои друзья, при-  
званные вместе со мной в армию, начал готовиться к демобили-  
зации.

Как я писал родителям, служба проходила хорошо. С мая вме-  
сте с ребятами находился на наблюдательном пункте нашей бата-  
реи, на станции Оллила. Это недалеко от нынешней станции Ре-  
пино. Прекрасные места – кругом зелень, тишина. Мы жили в двух-  
этажном доме, на крыше которого устроили застекленную выш-  
ку, где находился наблюдательный пункт. От пункта до батареи  
километров восемь. На НП мы жили впятером... Продукты сразу  
дней на десять нам привозили на машине. Обслуживали себя  
сами....

В ночь на 22 июня на наблюдательном пункте нарушилась связь  
с командованием дивизиона... Два человека тут же пошли к Бе-  
лоострову и до двух ночи занимались проверкой. Они вернулись  
около пяти и сказали, что наша линия в порядке. Следовательно,  
авария случилась за рекой на другом участке.

...Наступило утро. Мы спокойно позавтракали. По случаю вос-  
кресенья.. пошли на станцию покупать для всех пива... На стан-  
ции увидели людей с растерянными лицами, стоявших около стол-  
ба с громкоговорителем. Они слушали выступление Молотова.

Как только до нас дошло, что началась война, мы побежали  
на наблюдательный пункт...

...Все сидели с биноклями на вышке и вели наблюдение, ожи-  
дая дальнейших событий.

Именно в эту ночь с 22 на 23 июня 1941 года гитлеровские  
самолеты минировали Финский залив. На рассвете мы увидели «Юн-  
керсов-88», идущих на бреющем полете со стороны Финляндии...

С вышки нашего наблюдательного пункта видны гладь зали-  
ва, Кронштадт, форты и выступающая в море коса, на которой  
стоит наша шестая батарея. «Юнкерсы» идут прямо на батарею.  
Вспышка. Еще не слышно залпа пушек, но мы понимаем: наша





батарея первой в полку открыла огонь. Так 115-й зенитно-артиллерийский полк вступил в войну. С первым боевым залпом мы поняли, что война действительно началась.

Один из вражеских самолетов сбила батарея нашего полка...

Двое суток мы не спали. Потом с наступлением тишины все мгновенно заснуло.

С тревогой следили мы за сводками Совинформбюро. Враг приближался к Ленинграду.

Мы несли службу на своем наблюдательном пункте. Однажды на рассвете мы увидели, как по шоссе шли отступающие части нашей пехоты. Оказывается, сдали Выборг. Все деревья вдоль шоссе увешаны противогАЗами. Солдаты оставили при себе только противогАЗные сумки, приспособив их для табака и продуктов. Вереницы измотанных, запыленных людей молча шли по направлению к Ленинграду. Мы все ждали команду сняться с НП, и, когда нам сообщили с командного пункта, что противник уже близко, нам сказали:

«Ждите распоряжений, а пока держитесь до последнего патрона!»

А у нас на пятерых три допотопные бельгийские винтовки и к ним сорок патронов. До последнего патрона нам держаться не пришлось. Ночью за нами прислали старшину Уличука... Он приехал за нами в тот момент, когда трассирующие пули пронеслись над головами и кругом рвались мины.

Возвращались на батарею на полutorке. Кругом все горело.

У Сестрорецка уже стояли ополченцы из рабочих-ленинградцев. Уличук привез нас на батарею, и мы обрадовались, увидя своих.

Через несколько дней мне присвоили звание сержанта и назначили командиром отделения разведки. С первого же дня войны на батарее завели журнал боевых действий. В тот день, когда мы возвратились, в нем появилась такая запись:

«Личный состав НП вернулся на точку. Батарея вела огонь по наземным целям противника в районе Белоострова. Расход – 208 снарядов. При поддержке артиллерии Кронштадта и фортов противник остановлен по линии старой границы в 9-ти километрах от огневой позиции батареи.







Вдоль реки в Сестрорецке гражданское население, в основном женщины, старики и подростки, рыли противотанковые рвы. По всей линии фронта, по всему перешейку возводились долговременные огневые точки. Чувствовалось – предстоит длительная оборона»<sup>1</sup>.

Двухэтажная дача, где был оборудован наблюдательный пункт, исчезла за годы войны, как и все деревянные сооружения на берегу залива.

Юрий Никулин выжил в той страшной и длинной войне. В послевоенные годы он работал в цирке. И как только судьба забросила его в наш город, нашел в себе силы посетить эти места вновь.

«Уже работая в первой (цирковой - прим. авт) программе, я начал встречаться с ленинградскими фронтовыми друзьями. Через месяц после премьеры, в один из выходных дней мы с Татьяной (женой) поехали посмотреть места, где когда-то стояла наша батарея. На берегу Финского залива, там, где раньше стояли в котлованах пушки, а недалеко от них находились наши землянки, теперь все изменилось. Появились новые строения, дороги. На территории нашей батареи расположился рыболовецкий совхоз. В бетонных котлованах, нишах, где когда-то хранились снаряды, стояли бочки с горючим, для катеров. Группа молодых парней разбирала рыболовецкие снасти и подозрительно наблюдала за мной.

– Чего ищешь? – спросил кто-то из них.

Я ответил, что когда-то здесь воевал и вот пришел посмотреть.

– А-а-а... протянул парень, не то понимая меня, не то показывая, что привык к таким встречам, и продолжал заниматься своим делом.

Уходил я с бывшей огневой точки в подавленном состоянии. Таня молча шла рядом... Грустное это дело – приходиться на место бывших боев.»<sup>2</sup>

В последующие годы артист находил время для съемок в фильмах «Ко мне, Мухтар», «Бриллиантовая рука», «20 дней без войны», «Операция Ы», «Кавказская пленница», «Когда деревья были большими». Посетил он и город Сестрорецк, где состоялась его встреча с сестрорецкими рабочими.





## ГЛАВА 10. НОВАЯ ЖИЗНЬ ПОСЕЛКА

*(в главе использованы семейные архивы)*

После Зимней войны (1939-1940 гг.) около 240000 коренного карельского населения снялись со своих мест и эвакуировались в глубь Финляндии. На так называемой «уступленной Карелии» площадь полей составляла 270000 га. До войны у финнов сельское хозяйство основывалось на мелком земледельческом хозяйстве. Трудоспособных было 100000 человек. поголовье коров насчитывало 180000 голов, лошадей-440000. Крестьяне разводили свиней, овец, кур. На полях сеяли рожь, овес, яровую пшеницу, картофель, запасали большое количества сена. При эвакуации весь сельскохозяйственный инвентарь и строения были оставлены. Из поселка Оллилы эвакуировалось 219 человек, из них около 35% имели право получить землю в другой части Финляндии. В районе границы был установлен режим чрезвычайного положения. Вначале наблюдался вандализм и мародерство со стороны русских, позднее был издан приказ о возврате трофеев. В новых районах действовали военная комендатура, городские и районные временные управления, выполнявшие функции органов власти. После выборов в местные советы, которые состоялись 15 декабря 1940 года, временные управления были упразднены. 28 мая 1940 года вышло постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению хозяйства в новых районах КФССР и Ленинградской области».

При Совете Министров СССР был создан переселенческий отдел. Результатом его деятельности стало массовое переселение людей из внутренних областей России – Вологодской, Кировской, Ярославской и Калининской – на земли, присоединенные к СССР в результате мирного договора с Финляндией. Крестьяне трудно переселялись. 9 июля 1940 года были намечены дополнительные





меры: правлениям переселяющихся колхозов ставились жесткие сроки, выдавалась семенная ссуда. Бескоровным колхозникам - переселенцам правительство давало кредит на 5 лет для покупки коровы, 300 рублей на семью для обзаведения хозяйством. Семьям предоставлялись в собственность дома, постройки с погашением их стоимости в течение 8 лет. Переселенцы могли оставить себе урожай с прежнего приусадебного хозяйства, и на прежнем месте жительства членов семьи для сбора урожая. В результате осенью из Тульской и Рязанской областей прибыло 987 семей и 187 колхозов, из Киевской – 90 семей и 200 хозяйств. Лучшие дома предоставлялись стахановцам, ударникам и женам красноармейцев. Хутора ликвидировались. Развернулась шумная кампания по заселению. Дома перевозились из хуторов в одну деревню. Так как среди переселенцев было много горожан, то вместо колхозов образовалось 22 совхоза и 105 подсобных хозяйств, принадлежащих к различным ведомствам. В Земельный отдел Леноблисполкома поступили заявки от почти сотни заводов и фабрик с просьбой выделить им земельный участок для организации подсобного хозяйства. Это были прообразы многих нынешних садоводств на Карельском перешейке.

Вот воспоминания финской семьи, которая осталась на территории в 1940 году и ушла на финскую сторону летом 1941 года. «Работа в колхозе шла слабо. То небольшое, что делалось, выполнялось, как правило, силами женщин. Мужчины устраивались на всяческие должности, так как в каждом колхозе был председатель, писарь и руководитель работ, а также много других должностных лиц, которые следили за выполнением работ. В действительности такие служащие не производили ничего полезного. Население жило в примитивных условиях, повсюду было очень грязно. В колхозе в Вуоксенранта повсюду тайно гнали спиртное. Обычно в каждом селении лучшие строения отводились под правления колхоза и жилища должностных лиц. Рядовые колхозники жили в плохих строениях, банях, сараях, сеновалах, даже в коровниках. Обычно в одно строение было втиснуто несколько семей, так что была большая теснота.

В качестве примера можно упомянуть, что в доме, где при финнах жила одна земледельческая семья и где была передняя,





Уцелевший финский коровник в Среднем пер. Фото 1950-х гг.



Буренка с Колхозной ул. Фото 1950-х гг.





две комнаты и кухня, при русских жило 10 семей. Они были размещены так, что в передней жили 4 семьи и в обеих комнатах по 3 семьи. Для этого комнаты были разделены на перегородки, как стойла» – пишет Й.Веролайнен<sup>1</sup>.

В каждой каморке прямо на полу была сложена печь. Возле того дома в дощатом сарае жила еще одна семья. Обстановка в жилых строениях была весьма скромная: лежак из неструганных досок и грубо сделанные стол и стул, непритязательная посуда. Финскую мебель предоставляли должностным лицам или увозили.

Поставленные финнами основательные полы снимали, а вместо них настилали неструганные обрезки досок из стен сеновалов. Судя по всему, новоселы предчувствовали, что проживут здесь недолго.

Русские переселенцы успели построить более 1000 гражданских строений. Для сравнения, вернувшиеся в 1941 году карелы к 1942 году построили около 10000 различных сооружений. Русские спешили, так как вопросы обороны были на первом месте. Отсюда страдало качество работ на гражданском строительстве.

Так, под построенными в сельской местности жилыми домами не делалось каменных опор. Под каждый угол клался каменный чурбан или небольшие камни или бревна клались прямо на землю. Углы бревенчатых стен не были врублены, как это делается у финнов, а просто положены друг на друга, и между ними положена пакля. Полы делались без специальных балок – такой пол соприкасается с землей и через 2–3 года сгнивает. Печи были сложены кое-как и к тому же поверх пола. Двери и окна были не подогнаны, дощатая обшивка крива, так что новые постройки были весьма неприглядны. Как пишет Й. Веролайнен, многие ценные части финских строений – ручки дверей и окон, обогреватели, обивка печей из листового железа, электровыключатели, лампы, замки, даже железо с крыш куда-то увезены, вероятно, медные части были использованы для получения меди, прочие металлические части тоже отправлены на металлургические заводы... Аккуратно сделанные финнами кафельные печи испорчены неумелым использованием или просто разрушены<sup>2</sup>.

Кстати сказать, еще в 1893 году на первой Всероссийской гигиенической выставке, которая проходила в Санкт-Петербур-





ге, экспонаты, представленные финской стороной, в частности, комфортабельная финская дача, снабженная всеми удобствами, вызвала особый восторг у публики. Дача была представлена Сандвикским паровым лесопильным заводом. Уже в конце девятнадцатого столетия финны поражали россиян своими технологиями обработки древесины и комплектными поставками сборных домов<sup>3</sup>.

Новые районы имели для Советского Союза прежде всего оборонное значение. Поэтому основные строительные работы разворачивались на северо-западной границе. План оборонительного строительства предусматривал 6–8-километровую приграничную полосу с постройкой не менее двух-трех или даже четырех сооружений на 1 км фронта и создание трех укрепрайонов: Сортавальского, Кексгольмского и Выборгского. Система новых укрепленных районов существенно отличалась от старого Карельского укрепленного района 1929–1938 гг. не только схемой построения полос обороны, но и конструкцией долговременных боевых сооружений. Новые сооружения имели более совершенные средства противохимической защиты, вентиляции, отопления, снабжались водой и электричеством; они вооружались новейшими образцами казематной артиллерии: 45-мм орудиями марки ДОТ-4 и 76-мм орудиями, спаренными с пулеметами П-17. Тот же Й.Веролайнен пишет, что сделано было немало. «Заяв Перешеек, финны сразу заметили, что строительство 1940–41 гг. велось не только на военных сооружениях. Везде, даже в ненаселенных лесах, были сооружены стратегические дороги, аэродромы и военные базы. Все важнейшие шоссе, железные дороги и транспортные узлы были сильно укреплены. Вдоль границы Московского мира русские успели построить сотни бетонированных бетонных точек...»<sup>4</sup>

К концу 1940 года на занятых территориях было уже 144300 человек, среди них – 73400 сельского населения.

Появились новые жители в поселке Оллила.

28 мая 1940 года было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об организации на побережье Финского залива санаторно-курортной зоны. В поселке Оллила в бывшем Молельном доме открыли кинотеатр на 180 мест.





В этом же году из Подпорожского района (тогда Вознесенского, Олонецкой губернии) приехал в поселок Оллила целый колхоз со своим председателем Хотькиным Иваном Григорьевичем. В связи со строительством Свирской ГЭС их поселок попал под затопление, людей переселяли на новые места. В числе первых переселенцев в Оллиле были семьи Кузнецовых, Сташковых, Моловых, Крутяковых, Тихоновых, Хотькиных, Фалькиных. Потомки этих семей и поныне живут и работают в нашем районе.

Разместившись в бывших финских домах, переселенцы занялись привычным делом: выращивали овощи, ухаживали за скотиной, лесом, ловили рыбу, собирали грибы и ягоды.

Мирная жизнь длилась недолго. В июле 1941 года русские оставили эти земли и вернулись сюда после лета 1944 года. Освобождаемые территории занимались воинскими подразделениями и их тыловыми частями. Так как большинство жилых домов было разрушено, то воинским частям было дано указание привести в порядок жилые и хозяйственные постройки. В 1945 году переселение производилось в организованном порядке. Первыми переселенцами были номенклатурные работники: председатели колхозов, парторги, агрономы, технический персонал. Они подготавливали населенные пункты к приему переселенцев. О результатах восстановленного жилья докладывали в вышестоящие организации. Сверху спускались распоряжения, определявшие, какое количество населения можно разместить в том или ином населенном пункте и в какие сроки. 27 сентября объявлены льготы переселенцам: в месте выезда списываются все недоимки, выдается пособие 5000 руб., оплачивается проезд и провоз имущества до 2,5 т. Для семей, не имеющих скота и птицы, выдается корова, 2–3 овцы и 5–10 кур. В местах вселения предоставляется бесплатный дом с надворными постройками, приусадебный участок 0,6–1,0 га, на три года дается освобождение от налогов и др.<sup>5</sup>

В результате население Терийок к концу 1945 года составило 2361 человек. В это число вошли жители поселка Оллила. К февралю 1946 года число жителей района увеличилось до 3125 человек. В последующие годы была проделана большая работа по освоению Карельского перешейка и закреплению переселенцев на





новых землях. Но в совхозах и колхозах не было достаточной рабочей и тягловой силы, сельскохозяйственных машин и инвентаря. Плохо обеспечивалась охрана пустующих домов и построек, которые разрушались и расхищались. Отмечались кражи из квартир и магазинов. Были перебои с хлебом.

13 мая 1947 года было принято решение Исполкома Ленгорсовета об удалении из Ленинграда и области финнов и ингерманландцев, за исключением лиц, имеющих правительственные награды, участников Великой Отечественной войны и членов их семей. В 1948, 1949 и последующих годах в пределах Ленинградской области проводится переименование и укрупнение населенных пунктов. В начале 1950-х годов уничтожаются финские надгробия на кладбищах<sup>6</sup>.

В первые месяцы второй мировой войны по разным местам разбросало семьи первых русских переселенцев Оллилы. Основная часть их отошла к Колтушам и далее на восток. Многие из них умерли от голода и холода. В первую очередь умирали маленькие дети. Как только военные действия отодвинулись на запад, постепенно стали возвращаться поредевшие семьи. Но вместо крепких финских домов и красивых русских дач начала XX века, они увидели многочисленные воронки, колючую проволоку, трубы сгоревших домов. Людей селили в немногочисленные уцелевшие дома, бани, коровники, часто по несколько семей в дом. Все это коснулось и поселка Оллила.

По-прежнему на улице Танкистов, дом 10 живут переселенцы того времени Ольга Петровна Филиппова и Анна Петровна Бараусова (девичья фамилия их была Бараусова).

Самым многочисленным в поселке был род Кузнецовых. Еще в 1940 году приехала семья из шести человек: отец – Кузнецов Андрей Иванович (умер от ран в Колтушах в 1942 году), мать – Кузнецова Клавдия Андреевна (умерла в 1980 году). Из их семерых детей выжил один сын – Николай Андреевич. Остальные дети умерли во время войны от голода в Колтушах. У Николая Андреевича были золотые руки. В поселке он работал столяром от фольго-прокатного завода им. Ворошилова. Он сам поднял из руин разрушенный во время войны бывший финский дом. На родине, на Свири, семья Кузнецовых имела крепкое крестьянское хозяйство, почти гектар земли.







В 1940 году здесь, в Оллиле, им дали лишь 54 сотки. Но в результате многочисленных указов правительства и местных советов отрезали сначала сливовый сад, потом яблоневый, потом поле. Осталось 16 соток, и согласно современным постановлениям за излишки теперь нужно платить изрядные суммы. И внуки, нагнавшись на жизнь своих предков, ушли из сельского хозяйства в педагогику, здесь уж точно нечего отнимать. На примере этой прекрасной русской трудолюбивой крестьянской семьи видна, как на ладони, история нашего русского крестьянства.

Екатерина Аркадьевна, жена Николая Андреевича, по-прежнему держит козу, кроликов. А не станет ее? Вряд ли внуки будут заниматься этим. Отучила русских людей от крестьянского труда наша аграрная политика.

Судьба этой женщины интересна и трагична. Пройдя в детстве ужас концлагеря под городом Пярну и чудом выжив, после войны юная Екатерина вернулась на родину – разоренную войной псковщину. Вместо деревень – руины, работы нет. Приютила ее в поселке Оллила сестра. В 1950 году Екатерина вышла замуж. Здесь же в поселке, не доехав до роддома, родила своего первенца Виктора, а потом дочь Елену. Всю свою жизнь она проработала в нашем районе, а последние 20 лет – в продуктивном магазине на Вокзальной улице. Сейчас Екатерина Аркадьевна прабабушка, растет правнук – пятое поколение Кузнецовых в поселке Солнечное. Внуки Ольга и Николай живут и работают в нашем районе.

Другая ветвь этого рода идет от Кузнецова Николая Николаевича. В 1945 году вместе с матерью Еленой Андреевной (1890–1981 гг.) он приехал в поселок из села Вознесенье Вознесенского (ныне Подпорожского) района. Его отец был репрессирован и расстрелян в 1938 году. Кузнецовы остановились у родственников, живших на Лесной улице. Елена Андреевна работала в доме отдыха «Кировец» от текстильного комбината им. С.М.Кирова. В 1957 году дом отдыха получил название «Солнечное» и размещался тогда в корпусе №10 современного дома отдыха «Взморье». Юный Николай работал там же. На единственной лошади возил воду из колодца. Этот колодец сохранился по настоящее время на углу Приморского шоссе и Вокзальной улицы. На первом этаже





двухэтажного здания находилась столовая и клуб, на втором этаже жили отдыхающие. Рядом уже построили новые деревянные летние домики для отдыхающих. Летом на развилке проселочных дорог под звуки баяна танцевали на импровизированной танцплощадке.

В 1947 году эта семья Кузнецовых поселилась на Колхозной улице, дом 6. Типичная история военных мальчишек – четыре класса, ремесленное училище, некоторые продолжили учебу в вечерней школе. Так же учился Николай Николаевич. С 1951 по 1955 год он служил на Северном флоте в эскадре миноносца. После армии работал плотником, затем в пожарной охране.

Сестра Николая Николаевича, Мария Николаевна, по мужу Павлова, всю жизнь проработала в здравницах. Последнее место работы – дом отдыха «Взморье».

Сыновья и внуки Николая Николаевича и Марии Николаевны живут в Сестрорецке и Санкт-Петербурге. Николай Николаевич Кузнецов вместе с женой по-прежнему живет в старом доме на Колхозной улице и бережно сохраняет историю рода Кузнецовых.

До войны поселился в поселке их однофамилец – Кузнецов Александр Федорович (1916–2003 гг.) Он приехал в эти места вместе с колхозом. Прослужив во время войны шофером, Александр Федорович вернулся на Ленинградскую улицу, дом 20. Здесь родились три его дочери, внуки, которые и сейчас живут в нашем районе.

Первой переселенкой была и Мария Прокофьевна Фалькина. (1897–1961 гг.) Ее сын Борис Гаврилович стал сталеваром, работал на заводе им. Сталина в Ленинграде. Выйдя на пенсию, продолжал работать в поселке в различных здравницах. Его жена, Валентина Ивановна, всю жизнь проработала поваром в доме отдыха «Взморье». Их сын Алексей живет в поселке, внуки живут и работают в городе, но связь с поселком не теряют.

В 1947 году на улице Колхозной, дом 9, в старой баньке вместе с семьей поселился Савченко Михаил Ермолаевич (умер в 1964 г.)

Михаил Ермолаевич работал землемером. Его жена, Надежда Васильевна, дожила до 1971 года. Их дочь, Роза Михайловна, живет в доме, который построили отец и брат. Землю для дома семья получила за пять погибших на войне сыновей. Дом состо-





состоит из одной комнаты, маленькой веранды и кухни, где рукой можно достать потолок. Но после войны это было очень много. Земля кормила. Сажали овощи, разводили кур. От прежних хозяев остался прекрасный сад. Во времена Хрущева площадь участка резко сократили. Роза Михайловна всю жизнь работала в здравницах. Последние годы ее трудовой деятельности прошли в доме отдыха «Взморье». Как и прежде, Роза Михайловна усердно трудится в огороде. В 2003 году ей исполнилось 75 лет.

Рядом с Розой Михайловной, на Колхозной улице, дом 7, еще совсем недавно жила старейшая жительница поселка Щукина Евгения Филипповна. Она умерла зимой 2004 года, когда ей было почти 95 лет. Несмотря на свой почтенный возраст, она сама вела свое хозяйство. Два ее сына, живущие рядом, помогали ей. Вместе со своим мужем, Щукиным Иваном Ивановичем, Евгения Филипповна приехала после войны в поселок с заводом «Цветмет». Семь детей родила и воспитала Евгения Филипповна. Чтобы прокормить такую семью день и ночь трудилась на своем участке земли. Была у нее корова, куры, свиньи. Животных кормили овощами, которые выращивали сами. Фураж покупали в Зеленогорске, но во времена Хрущева забрали всю скотину. В это время в поселке работал поселковый Совет. Экономия была на всем, даже лампочка около туалета считалась излишеством. По воспоминаниям ее сына Александра, рядом с домом располагалось подсобное хозяйство (на месте недостроенного здания санатория). Сажали картошку, морковку, турнепс, свеклу, в теплицах - огурцы, помидоры. В сохранившемся саду собирали яблоки. Все овощи шли на стол отдыхающих дома отдыха «Гипроалюминий».

Здесь же находилась конюшня, на телегах возили продукты, белье. Был и коровник. На зиму солили огурцы, капусту. Все это хранилось в овощехранилище под горой. Сейчас на этом месте строят новые дачи.

Если пройти дальше по Колхозной улице, то дорога приведет к дому под номером 17. Сюда весной 1944 года вместе с женой Раисой Георгиевной и сыновьями приехал четырежды Георгиевский Кавалер Черных Дмитрий Степанович (1890-1969 гг.) Сын Борис работал с отцом в доме отдыха «Гипроалюминий», за-





тем в одноименном институте в должности инженера. Сын Виктор всю жизнь проработал на заводе «Двигатель» в Ленинграде, сейчас ему 73 года, но он до сих пор на посту.

Представляет интерес история наград Дмитрия Степановича. Это – три креста с бантами, полученные непосредственно за боевые действия, и один крест за службу, а также солдатская медаль «За храбрость», которую он получил во время службы в годы первой мировой войны.

В 1769 году был утвержден Военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия, имевший четыре степени. Он предназначался только для воинских чинов и давался преимущественно за боевые заслуги.

Георгиевский орден 1-й степени был наградой чрезвычайной, которую имели за всю историю лишь 25 человек. Орден 2-й степени получил 121 человек, в том числе за подвиги в годы первой мировой войны – 4 военначальника. Орденом 3-й степени было награждено всего 638 человек. Все четыре степени ордена Св.Георгия имели за всю его историю только четыре фельдмаршала - Кутузов, Барклай-де-Толли, Паскевич и Дибич. С 1849 года имена Георгиевских кавалеров отмечались на мраморных досках в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца в Москве<sup>7</sup>.

В 1807 году «для поощрения храбрости и мужества» солдат и унтер-офицеров был учрежден Знак отличия Военного ордена – серебряный крест на Георгиевской ленте. На лицевой стороне креста изображен Георгий Победоносец. А на обороте – инициалы «СГ». В отличие от подавляющего большинства существовавших в России солдатских медалей, выдаваемых всем участникам какого-либо сражения или кампании, Знак отличия в виде серебряного креста мог получить солдат или матрос только за конкретный подвиг «на поле сражения, при обороне крепостей и на водах».

Награжденные нижние чины армии и флота никогда не рассматривались как кавалеры ордена Святого Георгия, они лишь числились при ордене, хотя после 1813 года их было принято называть Георгиевскими кавалерами (после того как Знак отличия был официально переименован в Георгиевский крест). Награждение крестом влекло за собой ряд льгот: освобождение от теле-





сных наказаний, повышение жалования на одну треть, исключение из податного сословия.

Если солдат, уже награжденный крестом, совершал еще один подвиг, подходящий под статут, то ему полагалась лишь новая прибавка к жалованию, за новые же подвиги его ждала прибавка полного оклада, а с 1833 года – и право носить свой крест на ленте с бантом.

В 1856 году по новому статуту было учреждено четыре степени Знака отличия Военного ордена: 1-я и 2-я – золотые кресты, 3-я и 4-я – серебряные. Первая и третья степени дополнялись бантом из Георгиевской ленты.

Только по уставу 1913 года Знак отличия Военного ордена стал официально называться Георгиевским крестом, нумерация знаков началась заново. Первые степени были уже не золотыми, а позолоченными. А с сентября 1916 года кресты стали изготавливать из простых, недорогих металлов.

В первую мировую войну (1914-1918 гг.) награждение солдатским Георгиевским крестом стало массовым. В смутное время 1917 года Георгиевскими крестами награждали даже за революционную деятельность<sup>8</sup>.

В журнале «Нива» №17 за 1917 год можно увидеть фотографию – груды Георгиевских медалей с надписью: «На нужды Родины». Они присылались в финансовую комиссию исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов воинскими частями с фронта.

Дмитрий Степанович Черных также отдал свои награды «На нужды Родины». По словам родственников, его имя выбито в Георгиевском зале Кремля. До второй мировой войны Дмитрий Степанович работал в Березниках, потерял здоровье и поэтому не был призван в действующую армию, когда началась Великая Отечественная война. В нашем поселке Дмитрий Степанович скромно работал плотником в доме отдыха «Гипроалюминий». Дом на Колхозной улице №17-а Дмитрий Степанович ремонтировал сам, постепенно пристраивая к нему дополнительную площадь, так как семья постепенно увеличивалась.

Сын Дмитрия Степановича, Валерий, когда началась вторая мировая война, добровольцем пошел в армию, служил в Крем-





левском полку спецназначения и был демобилизован по состоянию здоровья в 1948 году. В дальнейшем он занимал руководящие должности на нескольких предприятиях района, работал на военном заводе, в воинской части, затем заведующим военным отделом исполкома г. Зеленогорска. Умер в 1980 году.

В далеком 1948 году в поселок приехала будущая жена Валерия, Людмила Михайловна. Сначала она работала в доме отдыха «Гипроалюминий», а потом долгие годы в доме отдыха «Взморье» (до 1951 года он назывался «Оллила»). В поселке Людмила Михайловна живет со своими внуками.

Вправо от Колхозной улицы почти под прямым углом идет улица Мира. Здесь еще сохранились старые финские дома. На этой улице под номером 1 стоит типичный дом финского хутора. Рядом с домом находятся сараи, погреб, дальше протянулось большое поле. В советское время на этих землях возвышались теплицы и тянулись борозды клубники завода «Выборжец». В доме можно встретить одну из первых переселенок Тихонову Марию Федоровну, ей 86 лет. Почти вся ее семья погибла во время войны. В живых остались они с сестрой Зинаидой. Семья Тихоновых — отец Федор Михайлович (1895–1942 гг.), мать-Анна Ивановна (1897–1942 гг.) с пятью детьми и старой бабушкой приехали в поселок из деревни Князево Вознесенского района летом 1940 года. На Свири Федор Иванович был шкипером. Плавал по реке вместе с семьей: женой и младшими детьми. Старшие дети жили в селе с бабушкой. В Князево семья оставила новый дом, 30 соток земли. В поселок приехали еще три брата: Василий, который погиб в войну, Александр, который поселился по улице Мира, дом 8, и Иван. Он жил недалеко от улицы Мира, дом его стоял в поле. (Иван с семьей погиб во время войны). Когда началась вторая мировая война, все население поселка отправили в Колтуши. Там от голода и холода умирали целыми семьями. Марию и Зинаиду в марте 1942 года через Всеволожск и Ладожское озеро увезли из блокадного города. Сначала приходили в себя в Ставропольском крае, потом переехали в Краснодарский край в село Конаково, где Мария проработала в МТС до конца войны.

Школы не было. Девушки так и остались с четырехклассным образованием. В августе 1945 года вернулись в поселок. Сначала





жили у Кузнецовых на Лесной улице. Устроились работать в подсобное хозяйство, потом их поселили в доме 2 по улице Мира. Девушки стали бороться за возвращение довоенного дома по улице Мира, дом 1. Через некоторое время дом удалось вернуть, военных моряков, которые помогали восстанавливать мирную жизнь, переселили из этого дома. В 1954 году младшая сестра Зинаида вышла замуж, родила в этом доме двух детей и прожила здесь 22 года. Когда семье выделили жилье в городе, Зинаида вместе с семьей уехала из поселка. Но летом, как и в прежние времена, родственники собираются вместе. Мария Федоровна всю жизнь проработала в подсобном хозяйстве, Зинаида Федоровна стала портнихой. Они по-прежнему ведут активный образ жизни и помнят все пережитое.

Дом по улице Мира, №8 не сохранился - сгорел после войны. Две дочери Александра Михайловича Тихонова живут в других районах города и не бывают в поселке.

На улице Мира, дом 10 проживала чета – Руфанова Зинаида Григорьевна (1921–1992 гг.) и Иван Сергеевич Перлов (1910–1973 гг.) До войны семья Ивана Сергеевича жила в городе Сестрорецке. После войны Иван Сергеевич в звании лейтенанта в отставке поселился в поселке и стал работать на кордоне.

По воспоминаниям его сына Валентина, работники лесхоза сажали деревья от 39-го по 42-й километр Приморского шоссе, разбили в поселке парк Победы, в 60-х годах прошлого столетия появился парадный въезд в Курортный район, украшенный колоннадой, скульптурой и морем цветов.

Зинаида Григорьевна прожила трудную, но интересную жизнь.

Воевала на Невском пяточке, за что была награждена орденом Отечественной войны. После войны работала в здравницах и детских садах поселка.

Иван Сергеевич за боевые заслуги во время войны был награжден орденом Красной звезды. Их сын Валентин, невестка Валентина (бессменная медсестра поселка), внук Григорий и правнук живут в поселке по сей день – пять поколений Руфановых-Перловых.

Улица Мира, дом 4 известен как дом Хотькиных: Ивана Григорьевича, бывшего председателя подпорожского колхоза, и его





жены Маланьи Филипповны. Уже нет в живых ни их самих, ни их сыновей. А в доме живут их потомки – пятое поколение Хотькиных на этой земле.

В доме №10 по улице Мира сразу же после войны поселился лесник Филиппов Алексей Матвеевич (умер в 1966 году).

Как и многие жители поселка, он похоронен на правой стороне Сестрорецкого кладбища. Его дочь Капиталина большую часть жизни проработала в доме отдыха «Взморье», последние годы жизни – на почте. Внук Алексея Матвеевича – Эдуард живет в дедовском доме с дочерью и работает по стопам матери поселковым почтальоном.

Рядом с улицей Мира идет небольшой Средний переулок. Здесь до 1968 года жил со своей семьей Яковлев Петр Яковлевич.

До войны семья жила недалеко от города Порхова, рядом с военным городком. Этот городок немцы разбомбили в первые дни войны. Петра Яковлевича, как инвалида по болезни сердца, направили на Ленинградский фронт, в военную типографию, а после освобождения Карельского перешейка от фашистских захватчиков в 1944 году на работу в поселок Оллила. Он стал бригадиром подсобного хозяйства от второй военной типографии им. К.Ворошилова. Опыт работы в сельском хозяйстве у него был большой. У себя на родине Петр Яковлевич был председателем колхоза. Его жена, Вера Петровна, подарила мужу сына Николая и дочь Софью.

По воспоминаниям их сына, Николая Петровича, которому в послевоенное время было 12 лет, вокруг уцелевших домов было много колючей проволоки, некоторые дома приходилось разминировать. На минах и «интересных железках» подорвалось много любопытных мальчишек. Эти железки мальчишки находили в многочисленных воронках и траншеях, оставленных войной. Летом можно было подработать, помогая взрослым закапывать ямы, проходы к траншея, растаскивая завалы из деревьев и кустарников. После четырехлетнего перерыва дети вновь сели за парты. 12-летний Коля пошел в четвертый класс. Сначала школу открыли в бывшем Молельном доме на Приморском шоссе. Позднее школа переехала на гору в здание бывшей Народной школы. Во 2-м и 4-м классах было всего 7 человек. Учительницу звали Пав-







лой Петровной, первый и третий класс учила Ксения Петровна. Учительницы жили в поселке. Школа была четырехклассная, пятиклассники ездили на занятия в город Зеленогорск. После пятого класса Николай Петрович пошел учиться в ремесленное училище №13 при заводе им И.В.Сталина на слесаря по ремонту оборудования. В Ленинград ездили тогда на паровозах. До Зеленогорска ходил автобус №1. Служить Николая Петровича призвали на флот. Ходил он до самой Новой земли. После демобилизации работал водолазом на спасательной станции, потом - в разных здравницах. Его жена, Мария Федоровна, сын, внук живут в поселке в старом финском доме, где прошла жизнь пяти поколений Яковлевых.

Сестра Николая Петровича, Софья, в 1953 году вышла замуж за Алексея Алексеевича Дьякова, поздно вернувшегося после войны.

Вся трудовая жизнь этой семьи связана с поселком. Летом 2003 года чета Дьяковых отпраздновала Золотую свадьбу. Сын, дочь и внуки не теряют связь с поселком.

Позднее стала заселяться Пионерская улица. В 1949 году в доме №21 поселилась семья Билик: Павел Кириллович и Нина Павловна. Оба они работали в доме отдыха «Солнечная горка», в котором отдыхали работники Масложиркомбината.

Главная нарядная дача из моренного дуба с парадной лестницей, украшенной вазами с орнаментом из виноградной лозы, стояла на горе у Приморского шоссе.

Здесь отдыхали летом взрослые и дети. В начале 60-х годов все дома этой здравницы сгорели. Павел Кириллович пошел работать водителем в дом отдыха «Взморье». У него большая военная биография: Призвали в армию весной 1944 года. Две недели отвели на обучение наводчиком артиллерийского орудия. Сначала сражался с 45-мм орудием, позднее с 76-мм. Вместе с полком 4-го Украинского фронта прошел Карпаты, Румынию, Венгрию. Был контужен под Будапештом при форсировании реки Буды. За расстрел немецкого штаба прямой наводкой в одиночку был награжден медалью «За отвагу». Наград у Павла Кирилловича много. Среди них – медаль «За взятие Будапешта», ордена Красной звезды и Отечественной войны. Война закончилась для большин-





ства в 1945 году. Павел Кириллович служил еще три года в Закарпатье, где было неспокойно. После демобилизации приехал к брату в Гатчину, работал в подсобном хозяйстве Масложиркомбината, потом его перевели работать в поселок Солнечное в дом отдыха Масложиркомбината. До конца своих дней (умер в 2007 году) он проживал вместе с семьей на той же Пионерской улице в доме, который он построил собственноручно из собранных в лесу остатков разрушенных домов. Их дети и внуки работают и живут в нашем районе.

Вторая волна переселения шла с 1944 по 1948 годы. Земли поселка стали осваивать ленинградские предприятия. В числе первых был текстильный комбинат им. С.М.Кирова. В уцелевших домах и дачах комбинат открыл летний дом отдыха «Кировец», который с 1957 по 1959 год имел название – дом отдыха «Солнечное». Позднее эта здравница была объединена с домом отдыха «Взморье». Теперь здесь на Петровской улице размещается корпус №10 дома отдыха «Взморье» .

Одновременно в нашем поселке появился Всесоюзный институт алюминиево-магниевого машиностроения. Он разместил свою базу отдыха «Гипроалюминий» и подсобное хозяйство на Колхозной улице. И здесь очень пригодился сохранившийся финский ледник, погреба, конюшня и кузница. Со временем построили здание клуба, и на многие годы это место стало одним из культурных центров поселка, где крутили кино, танцевали по субботам и пели под баян культработника. Рядом строилось садоводство «Цветмет». Появились первые бараки, где жил обслуживающий персонал. Открывались летние детские сады, расширялись подсобные хозяйства.

Первая жительница рабочего барака на Колхозной, дом 14а – Маланичева Таисия Ивановна, 1927 года рождения, приехала в поселок в 1944 году из Карелии вместе со своей матерью Ириной Николаевной, Поселились они на Лесной улице, на так называемой «Белой даче». Она находилась напротив современного лагеря «Березка» для слабослышащих детей. Позже переселились на Колхозную улицу. Общежитие принадлежало заводу «Пневматика». Таисия Ивановна всю жизнь проработала в здравницах. Ее дочь Татьяна училась в 441-й школе, где в 1955 году учителем началь-





ных классов была Баганина (Иванова) Елизавета Ивановна. Как и все первые учителя, она жила при школе. Потом получила квартиру в городе Сестрорецке и там продолжила свою педагогическую деятельность. И по сей день можно увидеть первую учительницу многих детишек поселка Солнечное на улицах города Сестрорецка.

В 1953 году в общежитии в небольшой комнате поселилась семья Ясинских (Колчановых). Колчанова Зинаида Александровна (1917–2003 гг.) работала в доме отдыха «Взморье», строила первую деревянную баню для поселка. Ясинских Иван Маркович (1909–1980 гг.) работал в подсобном хозяйстве. Каждой семье дали по несколько борозд земли. Выращивали картошку, турнепс, свеклу, морковь. Самым ярким воспоминанием детства их дочери Тамары осталось молоко, которое она получала по талонам в доме отдыха «Взморье». Здесь еще попеременно жило несколько семей. Перенаселенный дом жил скудно, но дружно и весело. Встречались на общей кухне, где обсуждали печали и радости.

Через поселок прошла жизнь не одного десятка семей. По разным причинам многие покинули его. Но главнейшей из них была ветхость жилого фонда к 80-м годам. Люди получали новые квартиры в городе и уезжали из поселка.

Мы рассказали о первых послевоенных жителях и их потомках, которые по-прежнему живут и работают в нашем районе и щедро поделились своими воспоминаниями.

Сразу же после окончания военных действий многие ленинградские предприятия стали открывать в поселке в уцелевших домах базы отдыха, детские сады, создавать подсобные хозяйства. Самым первым домом отдыха в нашем поселке стал нынешний дом отдыха «Взморье», корпус №2. Именно сюда, в сохранившееся двухэтажное деревянное здание с подвалом в январе 1945 года привезли на долечивание раненных бойцов. Сначала дом отдыха назывался «Оллила», а позднее на эту территорию – южнее улицы Танкистов (прежде проулок Коуку) – пришло Балтийское Морское пароходство. Оно построило в 50-х годах три каменных здания: клуб-столовую, корпус для отдыхающих №1, котельную с баней и прачечной. Дом отдыха получил название «Взморье».





В 60-е годы три дома отдыха поселка: «Гипроалюминий», располагавшийся на Колхозной улице, «Кировец», (первоначальное название было «Солнечное») на Петровской улице и «Взморье» на Приморском шоссе, дом 376, объединили в один под названием «Взморье». Зимой здесь отдыхало 250 человек, летом – 500.

Курортная зона продолжала развиваться. Легкой белой колоннадой отмечалась ее граница на Приморском шоссе. На невысоком пьедестале стояла гипсовая девушка с букетом гипсовых цветов, напротив – юноша, поднимающий весло. А у их ног – всех видов и оттенков ковер из живых цветов. Цветов в поселке высаживали много, особенно вдоль главной Вокзальной улицы и на Приморском шоссе. Настоящим цветочным раем была дорога, ведущая на пляж «Ласковый». До сих пор хорошо виден результат кропотливой и поистине титанической работы лесхоза и жителей поселка. Тысячи посаженных вдоль основных дорог поселка деревьев и кустарников радуют своим цветением с весны до осени.

Одновременно обустроивались детские сады, базы отдыха, хорошел дом отдыха «Взморье», пионерский лагерь «Солнечное», расположенный рядом со старинным парком Сонкиева. Приятным событием для многих горожан стало строительство пляжа «Ласковый» с прилегающей торговой, медицинской, спортивной и спасательной инфраструктурой.

Открытие детского городка «Солнечное» (в дальнейшем многопрофильный детский санаторий «Солнечное») дало возможность многим ленинградским детям лечиться и оздоравливаться на берегу Финского залива круглый год.

База проката спортивного инвентаря, построенная около железнодорожной станции, круглогодично привлекала к себе многих отдыхающих – однодневников. Особенно многолюдным поселок становился в выходные дни. Утром и днем многочисленные горожане спешили на взморье пешком или на велосипедах. Было много молодежи, мало спиртного. Веселый смех не умолкал по дорожкам и тропинкам поселка. В зимние дни на горках дюн яблоку негде было упасть от лыжников и саночников. Сюда выезжали целыми семьями. В будни снежок припорошивал землю, а с раннего воскресного дня все начиналось сначала. Как и в дореволюционное время, летом количество населения увеличивалось в де-





сятки раз. С развитием дачных хозяйств (Солнечное-1, Солнечное-2, Солнечное-3), в поселке стали жить ветераны и инвалиды Великой Отечественной войны, заслуженные работники страны. Первое время там жили на льготных условиях инвалиды и ветераны, потом их сменили дети и внуки, так что поселок стремительно молодеет.

За годы советской власти в поселке отдохнули и восстановили свое здоровье по профсоюзным путевкам десятки тысяч человек не только из Ленинграда, но и со всего СССР. Здесь можно было встретить представителей всех союзных республик, так как дом отдыха «Взморье» получил статус всесоюзной здравницы. Позднее, на дюнах на месте старого поля для игр, построили пансионат «Дюны», который в то время территориально входил в поселок Солнечное. В новых корпусах отдыхали не только жители СССР, но немцы и финны.

В эти годы городское правительство и ряд предприятий уделяли большое внимание оздоровлению детей и подростков. Летом в районе улицы Пионерской работал пионерский лагерь «Солнечное» для трудных подростков. На Лесной улице на территории бывших домов известного финского ювелира Г.И. Вигстрёма, располагался лагерь «Березка» для глухих и слабослышащих детей. Летом в поселке работало несколько выездных детских садов.

После 90-х годов картина дачной жизни резко изменилась. Многие здравницы, детские сады были закрыты (детский сад Стройтреста, детский сад Масложиркомбината, пионерский лагерь «Солнечный» для трудных подростков, детский лагерь «Березка»). Эти и другие объекты постепенно переходят в частные руки. Так, на углу улицы Мира и Лесной построен элитный коттеджный городок, на месте пионерского лагеря «Солнечный» функционирует центр «Свидетели Иеговы», на месте водоканала в одночасье на уникальных дюнах построен VIP-городок «Старая Мельница», а на месте сгоревшего дома К.И. Чуковского растет и расширяется ресторан «Лесной».

Волей-неволей вспоминаются планы 60-х годов – все для народа. «...Поселок Солнечное в недалеком будущем станет большой базой однодневного отдыха. На пологой террасе, высотой





15–17 метров над уровнем моря будут сооружены павильоны для отдыха, гаражи для личных автомашин, станции обслуживания. На нижней террасе, у самого пляжа, разместятся столовые, буфеты, магазины, клубные помещения» – так писал автор сборника «Карельский перешеек»<sup>9</sup>.

А вот картинка поселка в книге В.Э.Леви в 1968 году: «Одним из живописнейших мест Карельского перешейка является поселок Солнечное. Въезд в этот район со стороны Ленинграда оформлен стройной колоннадой с надписью «Курортный район Ленинграда». В поселке – один из лучших в Курортном районе пляж «Ласковый», площадью 85 га, может принять 11 тысяч отдыхающих, летом в течение дня бывает, примерно, 33 тысячи человек.

Здесь сохраняется относительное постоянство влажности в пределах 75% и давление (около 760 мм рт. ст.) Благоприятный микроклимат создается сочетанием смешанного леса, моря, песчаного побережья и дюн, которые не задерживают воду. В дальнейшем в поселке будет создан комплекс дома отдыха и пансионат на 4 тысячи мест.»<sup>10</sup>

Имелось в виду недостроенное здание санатория в районе улицы Колхозной. К сожалению, не все планы были осуществлены.

Новое поколение жителей идет своим путем. В поселке работают новые сауны, оздоровительные центры с бассейнами, создана современная сеть ресторанов, кафе, магазинов, спортивных и детских площадок. По-прежнему плещутся волны Финского залива, изредка потрескивают сосны и ели под напором ветра и все меньше становится вереска в дюнах. Но буйно растут лиственные деревья и кустарники – природа не терпит пустоты. В новых планах города – снос старых дачных построек летнего типа и строительство коттеджей со всеми удобствами. Только будут ли они доступны для ветеранов? Время покажет.





## ГЛАВА II. НАШИ ЗНАМЕНИТЫЕ СОВРЕМЕННОКИ

**Борис Тимофеевич Штоколов**  
*(по воспоминаниям жителей поселка)*

---

*«Пение – это наслаждение,  
источник радости и счастья.  
Я не представляю жизни без пения.»*

**Б.Т.Штоколов**

**В** семидесятых годах XX века в поселке Солнечное на улице Пионерской купил небольшой участок земли с времянкой Народный артист СССР, солист Мариинского театра, кавалер многих орденов, почетный академик Славянской и Петровской академий, Борис Тимофеевич Штоколов. Постепенно на месте старой времянки выросла красивая дача, на многие годы превратившаяся в центр оперной богемы и клубом душевных встреч друзей и единомышленников Бориса Тимофеевича. И почти каждый летний вечер можно было видеть его с женою на дороге, ведущей на пляж дома отдыха «Взморье». А в первые годы пребывания в нашем поселке – и слышать раскаты его баса во время пения на берегу залива. Многие жители поселка помнят Бориса Тимофеевича по совместным походам в знаменитую парную баню дома отдыха «Взморье». Слава бани доходила и до города, откуда и в зимние вечера приезжали на электричке к первому пару.

О своей жизни Борис Тимофеевич подробно и интересно рассказал в книге «Гори, гори, моя звезда»<sup>1</sup>. Судьба щедро одарила его талантом и прекрасными физическими данными. Голос ему достался от деда по материнской линии – Ивана Григорьевича Юрасова, который по вечерам подрабатывал регентом хора в





соборе в городе Воткинске и в дворянском клубе, был учителем пения в мужской гимназии. Мать Бориса Тимофеевича, Елизавета Ивановна Юрасова, пела и музицировала дома. Своими физическими данными Борис Тимофеевич обязан отцу, Тимофею Ильичу Штоколову, который был родом из Сибири, недалеко от города Камень на реке Обь.

Родился Борис Тимофеевич в городе Кузнецке Кемеровской области 19 марта 1930 года. Детство провел в Горной Шории Алтайского края в селе Кузедеево на реке Кондобе, где его отец работал председателем Осоавиахима. Рядом была тайга. Она кормила – вкусно и сытно. Родители юного Бориса участвовали в художественной самодеятельности. Пели русские народные песни и романсы. Елизавета Ивановна пела под собственный аккомпанемент на гитаре. Все эти песни и романсы остались в памяти Бориса на всю жизнь.

В 1939 году семья перебралась жить в город Пермь. Отсюда отец Бориса Тимофеевича ушел добровольцем на фронт и погиб под Ленинградом в июле 1942 года. Об этом Борис Тимофеевичем узнал только в 1989 году. А тогда, после извещения, что Тимофей Ильич пропал без вести, его семью забрали родственники в город Свердловск. Одели, обули. Борис Тимофеевич помогал матери, у которой было еще трое детей. Вместе со своим другом чистил обувь по вечерам перед театром. Дневной заработок составлял 280–300 рублей. Пенсия за пропавшего отца была 400 рублей.

В этом же 1942 году Борис Тимофеевич впервые услышал оперу Бородина «Князь Игорь» в Свердловском театре оперы и балета им. А.В.Луначарского. Юный Борис слушал музыку, как замороженный. Через 8 лет он впервые выйдет на эту сцену сначала в маленьких ролях и дойдёт спустя семь лет до Ивана Сусанина и Бориса Годунова. Осенью же 1942 года соседская девочка приведет Бориса в Капеллу, которая была эвакуирована из Киева. В юности Борис пел высоким дискантом, с беспредельными верхами. Учителя отмечали хороший слух и музыкальную память. Басок у него появился лет с шестнадцати, уже после школы юнг. В то время Борис отчаянно боролся с голодом и нуждой, а в Капелле давали белую булочку с сахаром. Руководители Капеллы советовали ему идти учиться дальше. Но жизнь была настолько тяжелой и голодной, что Борис Тимофее-







вич, чтобы облегчить жизнь семьи осенью 1944 года бросил Художественное училище (у него открылся еще дар рисования) и с пятью классами образования уехал в школу юнг Северного флота, которая находилась в Белом море на Соловецких островах. В первую очередь привлекала морская романтика, военный корабль, тельняшки, клеши, бескозырки. Да и кормили там лучше, была надежда не умереть с голоду. Школа находилась в 12-ти километрах от монастыря. Жили в землянках, частично построенных юнгами первого набора в 1942 году. Среди них был известный впоследствии писатель Валентин Пикуль, по книге которого «Мальчики в бантиках» был поставлен фильм «Юнги Северного флота». В каждой землянке на двух ярусах размещалось от 75 до 100 человек. В углу была печка, небольшое окно вровень с землей. В дождливые дни с деревянного настила крыши вода капала на спящих ребят, дыры заделывали глиной. Лес и озера дополнительно кормили рыбой, ягодами, грибами, так что настроение у ребят было приподнятое. С осени начались регулярные занятия. Борис Тимофеевич попал в роту торпедных электриков. Юнги с гордостью носили форменный воротничок, голубые полоски которого говорили о славе морских сражений Гангута, Чесмы и Синопа. Рядом с юнгами каждый день находились офицеры, мичманы, старшины, прошедшие дорогами войны, о которой напоминал гул самолетов над Северным морем. Кормили юных моряков хорошо – суп из трески, овсяная каша или суп гороховый и соевая каша. На третье был неизменный компот. От цинги три раза в день давали настой из хвои.

На всю жизнь в памяти у каждого из них осталась «Песня Соловецких Юнгов», которую написал комсорг школы А. Степанов:

«Мы юнги флота – крепки, как бронь.  
За честь народов пойдем в огонь.  
Фашистским зверям - мы отомстим,  
В победу верим – и победим!»

Учеба продолжалась до августа 1945 года. Юнг разослали по разным флотам. Борис Тимофеевич попал на Балтику. Его корабль «Строгий» стоял в Кронштадте. Еще на Соловках юнга участвовал в художественной самодеятельности. И здесь, в свободное от вахты время, он брал в руки гитару и тихонько напевал, вспоминая отца, мать и всех родных, оставшихся в Свердловске. К этому времени у





него прошла мутация голоса, появились басовые нотки, хотя в то время он пел баритоном. Но мечта о продолжении образования и пения не покидала его. В 1946 году он поступает в спецшколу ВВС №11 в городе Свердловске. Главным было то, что спецшкола обеспечивала бесплатным питанием и давала аттестат зрелости за 10 классов. Одновременно с учебой была возможность посещать вокальный кружок. В свободное от занятий время Борис Тимофеевич учился пению у частной преподавательницы Софьи Алексеевны Калюжной, ученицы Фелио Джордони. Ей было около 70 лет. За два года она научила «носить свою фигуру», правильно ходить и носить фрак. Владение голосом и дыханием она преподавала по-своему. Сколько вокальных заблуждений пережил Борис Тимофеевич и не потерял голос. Осенью 1948 года его приняли на вечернее отделение Уральской консерватории имени М.П.Мусоргского на вокальный факультет. Учиться пришлось с азав. И вот – выпускной бал в училище, на который приехал командующий Уральским военным округом маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. После концерта, на котором выступал и Борис Тимофеевич с песнями советских композиторов, Георгий Константинович поблагодарил за пение и сказал: «Таких, как ты, в авиации много, а тебе надо петь...» Весь танцевальный вечер Борис Тимофеевич провел с голубоглазой, светловолосой девушкой Надей. Позднее она стала его женой и всю свою жизнь посвятила ему и семье.

После училища было назначение в город Серпухов. Вскоре туда пришел приказ маршала Советского Союза Г.К.Жукова – направить курсанта Штоколова Б.Т. в консерваторию города Свердловска.

Так началась новая страница жизни Бориса Тимофеевича. Опять борьба за кусок хлеба, упорные занятия, работа по вечерам, выступления на концертах. В ноябре 1951 года он был принят со второго курса стажером в Свердловский театр оперы и балета. Ему шел тогда двадцать второй год. 1952 год был для Бориса Тимофеевича очень плодотворным – партия Кардинала в «Орлеанской девице», Греммина в «Евгении Онегине», Кичига в «Чародейке», Златогора в «Пиковой даме», Кошевого в «Богдане Хмельницком», Стольника в «Гальке», Мельника в «Русалке». В выпускном спектакле он спел партию Черевика в «Сорочинской ярмарке». Потом была работа над образом Мефистофеля в «Фаусте», Дона Базилио, Рам-



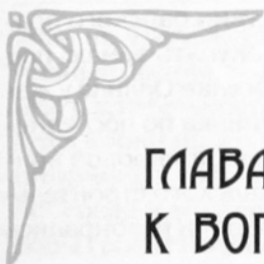


фиса в «Аиде», Бориса Годунова, Сусанина, Галицкого. В 1959 году Борис Тимофеевич получил предложение о работе в Кировском театре в городе Ленинграде. С каждым годом репертуар его расширялся. Здесь и партия Досифея и Демона, Руслана и князя Галицкого, Бориса Годунова и Дона Базилио, Мефистофеля и Андрея Соколова. Репертуар Бориса Тимофеевича насчитывал 50 классических и современных опер. Красивый, глубокий и мягкий бас многие годы был украшением Мариинской сцены. Одновременно Борис Тимофеевич часто выступал с оркестром народных инструментов им. В.В.Андреева. Многие годы он покорял слушателей проникновенным исполнением русских народных песен и старинных романсов, достойно развивая русскую школу пения. Как он писал в своей книге, он сам сделал себя. Многочасовые самостоятельные занятия с голосом продолжались до самой его скоропостижной смерти в январе 2005 года. В этом ему помогали рекомендации Ф.Шаляпина, Э.Карузо, Л.Тетрацини и других известных оперных певцов. Но его кумиром был Энрико Карузо. Как вспоминает академик Ф.Г.Углов в своей книге «Сердце хирурга»: «Через десять лет такого потрясающего труда он добился того, что смог увидеть свой надгортанник, уже не надавливая на корень языка... Еще пять лет тренировки – и увидел в зеркале свои голосовые связки! Он показал мне их. Действительно, язык уходит куда-то на дно полости рта, и голосовые связки были хорошо различимы. Невообразимо!»

В своей книге «Гори, гори, моя звезда» с подзаголовком «Как надо петь. Самоучитель» Борис Тимофеевич Штоколов оставил молодым оперным певцам прекрасную книгу о том, как можно самому развить, сохранить голос, если упорно трудиться и настойчиво идти к своей цели.

Такие самородки еще не перевелись на Руси. Отрадно, что многие жители поселка Солнечное выступили с инициативой увековечивания имени певца в поселке – предложили назвать улицу Пионерскую, где отдыхал в своем доме многие годы Борис Тимофеевич, его именем. Хочется надеяться, что это так и будет. И свет звезды Бориса Тимофеевича, воистину народного артиста, награжденного в 2003 году орденом «Созидатель Петербурга» в виде восьмиконечной звезды с ангелом, будет отражаться в водах Финского залива.





## ГЛАВА 12. К ВОПРОСУ ЭКОЛОГИИ: ДЮНЫ<sup>1</sup>

---

*...Струится годами песок.  
Постоянные ветры морские рельефы меняют.  
Обнаженные корни сосны, как сухой кулачок,  
Скрючив пальцы, опору сыпучую все же теряют.  
Умирают – и падают, верных корней не разжав,  
Головою колючей к изменчивым дюнам припав.*

**В.Морозова**

**К**урортный район богат памятниками природы. К числу таковых относятся так называемые Сестрорецкие дюны. Они тянутся от города Сестрорецка в сторону Белоострова и вдоль кромки Финского залива, постепенно сужаются к поселку Репино. На низких местах залива волны во время прилива и бурь наносят массы песка, а затем, ветер, дующий с моря, передвигает этот песок внутрь материка. В плане они имеют формы подковы, открытой к морю. Такое расположение дюн объясняется отставанием в скорости движения низких, боковых частей дюны от более высокой середины. Скорость перемещения дюн различна – от долей метра до 20 метров в год.

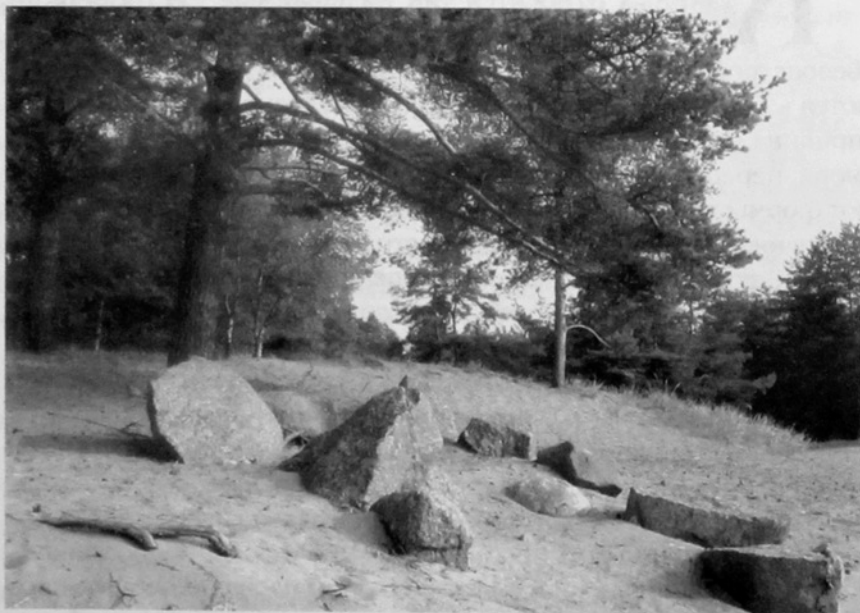
В начале XX века песчаные прибрежные территории от Ржавой канавы до берегов Черной речки усиленно распродавались несколькими финнами, занимавшими значительные должности в земельных комитетах. Хартман, известный финский лесопромышленник, преумножил свое состояние, продавая мелкими участками землю, с точки зрения финского земледельца непригодную для сельского хозяйства. И так как он был монопольным поставщиком леса из Финляндии в Россию, то организовал успешное производство для строительства русских дач на Карельском побере-





жье. К тому времени были изданы при содействии царского правительства законы, позволяющие русским покупать землю под дачную застройку. И начался дачный бум. В поселке Оллила у железнодорожной станции была построена лесопилка по последнему слову техники. Все это продолжалось до первой мировой войны. С отделением Великого княжества Финляндского строительство в этих местах стало замирать, брошенные дачи разбирались и увозились вглубь Финляндии.

Прибрежная территория дюн от Сестрорецка получила временную передышку от дачного бума, примерно, на полстолетие из-за близости границы и нежелания дачников жить в беспокойных местах. После второй мировой войны на песчаных территориях стали строиться новые и расширяться старые здравницы. После 90-х годов это строительство значительно ускорилось. В поселке Солнечное на гребне дюн вырос целый VIP-комплекс «Старая мельница», ресторан «Атлантис». Для состоятельных посетителей нужны стоянки для автотранспорта, подсобные помещения. И все это строится на узкой прибрежной территории. Дорожки до за-



*Солнечное. Дюны на взморье. Фото П.В.Винокурова, 2002 г.*





лива не проложены, летом почти у кромки сосновых рощ стоят пивные шатры, толпы туристов вытаптывают скудную прибрежную растительность, устраивают кострища. В результате обнажаются корни многолетних сосен, а потом они падают под напором штормовых ветров. Такая же картина наблюдается вдоль всего побережья до самого Зеленогорска. Уникальному памятнику природы грозит полное уничтожение. Было бы целесообразно выделить небольшой участок, занятый наиболее интересными дюнами, и объявить его охраняемым памятником природы, создав разумный режим посещения для туристов, категорически запретив выкапывание земли, уничтожение дерна и растительности. Такие меры позволят сохранить эти уникальные образования от разрушения. Надежда на юных экологов. Их энтузиазм, напористость и любовь к родному краю пока не поздно, возможно, привлечет внимание к удивительному творению природы.





## ГЛАВА 13. СОВРЕМЕННОЕ СОЛНЕЧНОЕ

---

### Детский санаторий «Солнечное»<sup>1</sup>

**В** настоящее время в поселке продолжает работать Санкт-Петербургское государственное учреждение здравоохранения – детский санаторий «Солнечное».

Этот поистине «Солнечный» городок был открыт в июне 1963 года как оздоровительное дошкольное учреждение.

Первоначально он был задуман как комплекс дач, куда предполагалось вывозить на лето детские сады. Однако в процессе проектирования, а главным образом уже в ходе строительства задача видоизменилась и расширилась. Решено было создать санаторно-оздоровительный комплекс, рассчитанный на 2200 детей.

Проект разрабатывался в институте Ленпроект, в мастерской №3, руководитель – архитектор Лев М. Хидекель; авторы – архитекторы Я.Д.Болотин, Л.В.Кайтмазова, Д.В.Эксе<sup>2</sup>.

По плану комплекс состоял из трех блоков. Каждый из них включал от трех до семи спальных корпусов для детей, жилой дом для обслуживающего персонала, изолятор и пищеблок. Кроме того, в общий комплекс входили административный корпус, павильон для родителей, библиотека, летний театр и хозяйственные корпуса.

Авторскому коллективу под руководством известного архитектора М.Я.Климентова удалось умело вписаться в существующий ландшафт и разместить многочисленные здания городка, не нарушив природной среды Карельского перешейка.

Силами студентов ВЛХПУ осуществлялись монументально-декоративные работы. Методом термодекора (закрепление художественной росписи термообработкой) оформлялись спальные корпуса и другие сооружения городка. Под руководством ректора





ВЛХПУ Я.Н.Лукина студентом-архитектором В.Таргинским был разработан проект одного из наиболее интересных объектов городка – Летний театр.

Монументально-декоративную композицию с рельефным изображением из цветных цементов «Театр» на торцевой стене сооружения задумал и выполнил в натуре студент училища П.А.Абрамичев.

На территории было много детских развлекательных и познавательных аттракционов, площадок и уголков для игр и занятий. Авторами этих проектов были А.И.Алымов, руководитель мастерской, О.Н.Радеев, Ю.Б.Хромов и др.

В создании городка принимали участие также художники и скульпторы. В распоряжении зодчих были керамика, пластики, кирпич, дерево. Художники и скульпторы училища имени В.И.Мухиной: А.Анопова, К.А.Петрова, Г.А.Попова, Н.Н.Подлесова, И.И.Спектор – проявили много выдумки и мастерства в композиции стен спален, росписи башни и многое другое. Выдумкой и хорошим вкусом отличались лабиринт сказок, детская железная дорога с мостами, автотреком, строительный городок, старинная крепость с гаванью «Морская бухта», где стояли настоящие маломерные суда и другие сооружения. По замыслу авторов в «Морской бухте» наглядно было видно становление и развитие морского флота, начиная от древнерусской ладьи до современных боевых кораблей, включая ледокол и даже легендарный плот «Кон-Тики», макеты которых плавали в искусственно созданном водоеме. Водному пространству соответствовало и сопутствующее окружение: старинная русская крепость, современный оборонительный морской форт, маяк на острове, смотровая площадка с теньвым навесом, скульптурная композиция с острова Пасхи. Особенной удачей стали железные флюгера на башнях крепости и въездные ворота в крепость, рисунок которых и шаблоны выполнены художником П.А.Абрамичевым. Открытие «Морской бухты» проходило грандиозным театрализованным праздником.

Основной объем работ по детским игровым комплексам был выполнен по разработкам группы эстетики треста «Ленинградоргстрой». Это игровые комплексы: «Лабиринт сказок», автотрек, стадион «Космос», «Морская бухта», родительский павильон главного входа, зоуголок, малые архитектурные формы, благоустрой-







ство. Эта работа велась совместно со студентами ВЛХПУ И.Спектором, Ю.Заборовским и др. Возглавлял этот коллектив архитектор Г.Н.Зубарев и художник Н.Н.Подлесов.

А сам вход в лабиринт проходил под фигурой Гулливера. Гуливер и стены лабиринта, выполненные из бетона, облицованные мозаичным ковром, воспроизводили сказочные сюжеты.

Завершался проход по лабиринту катальной горкой – космической ракетой.

На территории городка были установлены многочисленные малые архитектурные формы из офактуренного бетона и дерева. Это в основном стилизованные фигуры животных и персонажей детских сказок.

В 1965 году работа проектировщиков и строителей этого объекта была отмечена первой премией на смотре-конкурсе Госстроя РСФСР.

Не случайно японские кинематографисты сняли сюжет об этом детском городке под названием «Советский Союз – рай для детей».

Экспериментальная работа архитекторов и строителей была первой ласточкой не только в нашем регионе. В то время этот оздоровительный комплекс был самым крупным во всем Советском Союзе и принимал детей из различных областей страны. Государство реально заботилось о здоровье будущего поколения.

Не все было осуществлено в полном объеме. С годами разрушались игровые композиции, ветшали площадки.

С осени 1972 года комплекс преобразован в многопрофильный детский санаторий, рассчитанный на одновременное пребывание 560 детей от 3 до 10 лет. Санаторий имеет хорошую лечебную базу. Дополняют лечение климатолечение, диетотерапия, лечебная физкультура, лечебная педагогика с применением психотерапии.

В настоящее время санаторий осуществляет поэтапный капитальный ремонт корпусов, игровых площадок.

### **Пляж «Ласковый»<sup>1</sup>**

Шел 1967 год, работы по детскому городку близились к завершению.

В один из выходных дней ранней весны состоялась встреча нашей группы в Солнечном с начальником ГлавЛенинградСтроя





А.А.Сизовым и была обозначена следующая работа для нашего коллектива – пляж «Ласковый». Юридическим заказчиком проекта пляжа выступило Управление предприятий коммунального обслуживания Ленгорисполкома. Опыт работы по детскому городку позволил правильно оценить принципы создания ландшафтной архитектуры в среде Карельского перешейка. Это прежде всего сохранение природного рельефа и растительного покрова, применение естественного камня, грубого бетона и крупноразмерных пластин из дерева. Подошло время реализации нашего проектного предложения и тут выяснилось, что параллельно проект пляжа «Ласковый» был заказан 14-й мастерской института «Ленпроект». В итоге принимается решение – объединить оба проекта.

Архитектурное решение института «Ленпроект» строилось по принципу создания сооружений пляжа, как парковых павильонов легкой щитовой конструкции, но в то же время институтом были разработаны необходимые инженерные вопросы оборудования пляжа. Руководитель 14-й мастерской А.Г.Леляков согласился с нашим архитектурным решением. Но наш проект требовал необходимых согласований и прежде всего он не отвечал требованиям архитектурно-планировочного задания Главного архитектурно-планировочного управления Ленинграда, выданному ранее институту «Ленпроект». Состоялась встреча у Главного Архитектора города В.А.Каменского. На ней присутствовал представитель Горкома партии. Его выступление было направлено на критику наших решений, он возражал против художественной направленности проекта, которая, по его мнению, не отвечала принципам социалистического реализма. По тому времени такое художественное решение, конечно, рушило привычные каноны. К чести В.А.Каменского можно отметить, что он не согласился с мнением представителя партии, сказав, что на пляже можно отдыхать и без красных призывных лозунгов. Таким образом, проект был согласован.

Строительство было поручено генеральному подрядчику тресту №104 ГЛС. Основной планировочный принцип нашего проекта заключался в создании главной оси пляжа, начинавшейся от основного входа в виде прямой, приподнятой на опорах бетонной дорожки. Она начиналась от стеллы – эмблемы пляжа (автор





*Солнечное. Пляж «Ласковый». Из архива Е.М.Седова*

– художник П.А.Абрамичев), проходила под скульптурной композицией «Чайки» (автор – художник Н.Н.Подлесов) и заканчивалась у обреза воды плоскими бетонными кругами, обеспечивающими спуск к воде. Вдоль дорожки установили скамьи из бревен-пластин.

По лесной границе пляжа шла живописная прогулочная пешеходная дорожка из тротуарных плит к западной и восточной границам пляжа. Вдоль дорожки предусматривались площадки для отдыха со скамьями из бревен – пластин с установкой бетонных светильников «Трезубец» и указателей сооружений пляжа. Эти дорожки решали проблему равномерного размещения отдыхающих на пляже. На западной границе пляжа было построено здание спасательной станции с эллингом для маломерных судов и смотровой башней. В лесной зоне на восточной прогулочной дорожке располагался комплекс вспомогательных сооружений обслуживания пляжа : гардеробные, прокат пляжного инвентаря.

В наружной отделке спасательной станции и вспомогательных сооружений были использованы естественный камень и то-





нированное дерево. В нашу задачу входила и организация ветрозащитных устройств. Они были выполнены в виде ветрозащитных стенок из естественного бутового камня, ветрозащитных посадок из ивового кустарника и индивидуальных стенок в виде армоцементных скорлуп. На пляже установили армоцементные переодевалки, мусоросборники в виде бетонных урн-шаров, теневые навесы-перголы с бетонными устоями, стилизованные под морские водоросли. Все бетонные изделия обрабатывались бучардой, что позволяло обнажить фактуру каменного заполнителя.

Постоянный авторский надзор по сооружению пляжа, в основном осуществлял мой соавтор архитектор-художник В.И.Новиков. Он собственноручно выполнял декоративное мощение из естественного камня, которое включалось в отдельные участки пешеходных дорожек

А.А.Сизов, несмотря на огромную занятость (к тому времени он стал руководителем города), в выходные дни участвовал в решении ряда вопросов строительства пляжа, поэтому мы считаем его полноправным соавтором этой работы. Но не всем нашим замыслам суждено было осуществиться. Преждевременная кончина А.А.Сизова оборвала нашу деятельность по пляжу «Ласковый». На восточной границе пляжа должна была быть установлена композиция «Паруса» (автор – художник Н.Н.Подлесов). На пляже оставалось старое, выпадающее из общего решения кафе. По нашему проекту начали сооружаться два боковых навеса кафе, а основной объект так и остался не выполненным.

В 60–е годы по нашим работам было немало публикаций в Ленинградских газетах и в профессиональных изданиях.

### **Пансионат отдыха «Дюны»**

**(в настоящее время ООО пансионат «Дюны»)<sup>3</sup>**

Пансионат отдыха «Дюны» принял первых отдыхающих 26 февраля 1966 года. По замыслу Ленинградского территориального совета по управлению курортами отдыхающие, кроме отдыха, могли проходить лечение на базе санатория «Сестрорецкий курорт». После завтрака и обеда между двумя здравницами курсировал автобус. В 1968 году от этой затеи отказались, так как





лечение было неэффективным. Проект застройки был сделан архитекторами Э.И.Ярмолинским и Б.М.Серебровским. На живописных холмах построили шесть жилых корпусов. Главный корпус был рассчитан на 400 мест круглогодичного использования, здесь же находился пищеблок, столовая, киноконцертный комплекс. Пять корпусов, где в двухместных номерах могли разместиться 700 человек, работали только в летние месяцы. С лета 1968 года пансионат стал принимать в этих корпусах иностранных туристов. Иностранные туристы не только отдыхали, но и изучали русский язык. В первый летний сезон на семинар русского языка приехали туристы из Финляндии, Швеции, Норвегии. На следующий год география туристов расширилась – США, Япония, Германия, Канада и другие страны. Семинар всегда завершался отчетным концертом на русском языке и интернациональным костюмом дружбы на берегу Финского залива.

Культурная программа для всех отдыхающих включала автобусные экскурсии по Карельскому перешейку, паркам и дворцам г. Пушкина, Павловска, Петродворца, Ленинграда, Новгорода, Пскова и Выборга.

На сцене пансионата часто выступали артисты: Р.Симонов, К.Лавров, Н.Ургант, Л.Орлова, В.Стржельчик, А.Мионов, В.Золотухин, Э.Пьеха, Э.Хиль, С.Захаров, солисты театра оперы и балета им. С.М.Кирова (теперь Мариинского театра): Е.Бойцов, В.Журавленко, Б.Штоколов, композиторы В.Успенский, В.Плешак, С.Осколков, С.Пожлаков, В.Дубравин и другие. В летние вечера играли любительские духовые и эстрадные оркестры из США, Германии, Финляндии. Хорошей традицией было проведение интернациональных праздников «Все флаги в гости к нам», «В гостях у русской березки», «Хоровод дружбы», «Игры у русского колодца».

Каждый день в кинотеатре можно было посмотреть художественные и документальные фильмы на русском, немецком, английском языках.

С 90-х годов XX век началась реконструкция летних корпусов по переводу их на круглогодичный прием отдыхающих. Сейчас пансионат может одновременно принять 650 человек. Разработана программа для активного и содержательного отдыха родителей с детьми.





## **Дом отдыха «Взморье»**

История здравницы описана в главе 10.

Старейший дом отдыха в Курортном районе расположен в лесопарковой зоне, у самой кромки Финского залива. Имеет свой уютный пляж. Рядом находится пляж «Ласковый». Имеются возможности отдыха для различных категорий населения. Дом отдыха пережил достойно 90-е годы, не растерял свои основные кадры, осуществил реконструкцию старых корпусов. В настоящее время готовится к большим переменам.





## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

---

**В**от и закрылась последняя страница книги, но не закрылась последняя страница истории. Жизнь идет своим чередом. Уходит старое поколение. За время, прошедшее со дня первоначальной подготовки материалов, поселок лишился около десятка жителей. Но рождается новое поколение. Активно развернулось в поселке коттеджное строительство. Приходят новые люди. С новым мышлением и образом жизни. У них больше возможностей. Как финансовых, так и юридических для благоустройства этого прекрасного уголка Карельского перешейка. Время покажет, кто достигнет большего. Главное – сохранить лучшее и идти в ногу с прогрессом, не забывая свои истоки и своих предков.





*Солнечное. Современный вокзал. Фото С.Полпудникова*



*Солнечное. Вход на пляж «Ласковый». Из архива Е.М.Седова*





Солнечное. Пляж «Ласковый».  
Фото (1-4) В.А.Соловьева





Солнечное. Пляжный волейбол. Из архива МС поселок Солнечное



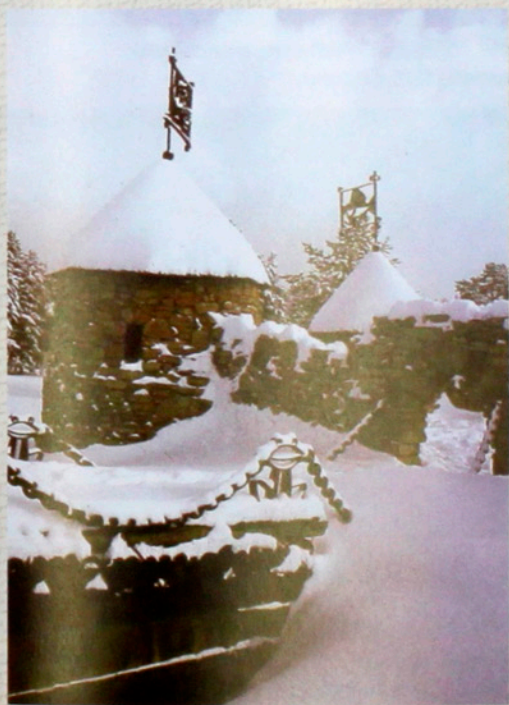
*Солнечное. Спасательная станция. Из архива Е.М.Седова*



*Один из входов в детский санаторий «Солнечное»  
с видом на «Старинную крепость»*



Солнечное.  
Детский городок.  
«Старинная крепость».  
Из архива Е.М.Седова





*Солнечное. Детский городок, «Лабиринт сказок».  
Из архива Е.М.Седова*



*Солнечное. Детский городок. Вход в «Лабиринт сказок».  
Фото П.В.Винокурова*



*Пансионат отдыха «Дюны». С открыток (1-4) 1960-х гг.  
Из архива И.М.Фоменко*



3



4



*Солнечное. Дом отдыха «Взморье». Клуб и столовая*

## Приложение 1. «Роскошь» по-обкомовски

Я хочу рассказать об одной не слишком известной страничке из истории поселка второй половины уже прошлого, XX века. Хотя «с улицы» она была видна невооруженным глазом. Но только как видимость, без смысла происходящего внутри. А именно: по четной стороне улицы Вокзальной находилась (и сейчас сохранилась) обособленная территория с двадцатью небольшими государственными дачами, в которых отдыхала партийная элита среднего звена Ленинграда.

Этот рассказ основан не на словах каких-то сторонних свидетелей и очевидцев происходившего «за забором», а на непосредственных наблюдениях, так как мои родители с мая 1982 года до развала СССР и последующего падения КПСС работали здесь «начальствующим составом обслуживающего персонала Дачного обслуживания Обкома партии КПСС города Ленинграда» - так звучало официально. А у меня здесь прошло все детство и даже часть юности.

Многие полагают, что партийная чиновная верхушка жила в большой роскоши и находилась в резком социальном контрасте простого советского человека. Вполне возможно. Но то, как проводили свои законные выходные дни на дачах (не своих собственных, а принадлежащих государству, построенных в конце 1950-х г.г.), совершенно не вяжется с данными представлениями. Не нарочито скромно, но и не вызывающе роскошно, как, например, современная «бизнес-элита». Причем, некоторые из партчиновников разводили обычный огород – с картошкой, огурцами в парниках, клубникой, цветочными клумбами и даже яблоневыми посадками антоновского сорта. А сельское хозяйство, даже «дачное», требовало не меньшего внимания и сил, чем традиционное «совхозно-колхозное»! Но, как у любого «сильного мира сего», по первому требованию почти всё очень быстро предоставлялось. Лучшая земля, навоз для огорода; строительные материалы для мел-







кого ремонта (правда, личная перестройка государственной дачи её арендаторами, пусть даже самого высокого занимаемого поста, без специального согласования - не разрешалась!). Доходило едва ли не до абсурда, но, тем не менее, требования выполнялись.

Яркий пример: один из партийных руководителей из Смольного возжелал, чтобы в кратчайшие сроки на территории был построен спортивно-тренировочный корт для игры в большой теннис. Для этого была выбрана «полевая» волейбольная площадка с роскошными зарослями шиповника. Каприз был немедля исполнен - теннисный корт возвели. Очень качественно (а как же иначе!), красиво и за весьма короткий срок - с «нуля» и «под ключ» всего за два месяца. Моему отцу, как начальнику этой территории, выдали «прокатные» две коробочки теннисных мячиков (по 8 штук в каждой, белого цвета с надписью «Ленинград-83»), пару импортных (польских) «тяжелых» металлических ракеток, трамбовочные ручные катки (рабочая поверхность корта представляла собой гравийное покрытие из спрессованной кирпичной крошки) и профессиональную теннисную сетку производства Чехословакии. Всё это добро хранилось в отдельной кладовке в нашей служебной даче и выдавалось отцом по первому требованию арендаторов. Спросом пользовалась только сетка и мячики, ракетки «политдачники» привозили свои - менее престижные отечественные деревянные, более легкие по весу, чем металлические польские. Да и то, не для того, чтобы друг с другом через сетку поиграть, как настоящие спортсмены-теннисисты, а просто снять напряжение, «постучав» мячиком о тренировочную бетонную стенку. Польские ракетки сохранились у нас до сих пор. И я, по старой памяти, иногда приезжаю сюда на велосипеде из Сестрорецка, чтобы также поиграть «о стенку» теми самыми «историческими» ракетками. А вот живописная «шиповниковая поляна», к сожалению, при постройке корта была полностью уничтожена. Теннисный корт сохранился до сегодняшнего дня. Но после распада СССР на протяжении почти 15-ти лет находился в полнейшем упадке и запустении, даже стал потихоньку зара-





стать. Но, слава Богу, недавно нашлись новые энтузиасты, которые решили собственными силами и на свои средства возродить былой теннисный корт.

«Обкомовские» жили (то есть, отдыхали) на территории, огороженной полутораметровым забором из деревянного штакетника. Все проезды и пешеходные дорожки были заасфальтированы, даже совсем узкие пешеходные, которые вели непосредственно к входным крыльцам самих дач. А вот что же такое непосредственно сама государственная дача работника Ленинградского Обкома партии так называемого среднего звена? Как не покажется странным, но это одноэтажный фанерно-щитовой домик. С тремя разными по площади комнатами (самая большая из них – целых 18 кв. м, с одним небольшим окном), двумя большими летними (без отопления) верандами, кухней, двумя коридорами-прихожими, кладовкой, встроенной туалетной комнатой-«забегаловкой» и отдельным помещением для отопительного угольного котла (дача имела паровое отопление в зимний период, кроме двух веранд). А вот крана с горячей водой в даче не было (равно как тогда ванны или душа). Руки мыли из обычного «мойдодыра», теплую воду в него добавляли по необходимости, подогревая на газовой плите, газ был привозным – в баллонах. До минусовой температуры воздуха действовал водопровод: к каждой даче от местной водоканализационной станции с электронасосом был подведен индивидуальный кран. Зимой же за водой все ходили на колодцы (их было 3). Каждая дача была оборудована стандартным набором простейшей мебели, но в обязательном порядке – цветным телевизором (в начале 1980-х это была действительно роскошь), окна – с красивыми занавесками-гардинами (в двух «парадных» комнатах), были телефон с городским номером и трехпрограммное радио, 5-рожковая люстра с матовыми плафонами в большой комнате. Вот и вся «роскошь»! Иногда, правда, в некоторых дачах мог быть большой... настенный «экспортный» календарь высококачественной полиграфии и с отдельным листом на каждый месяц. А вот никаких железных бронированных дверей или решеток на окнах не существовало, хотя элитные арендаторы





оставляли в дачах свои ценные вещи. Но в случае чего, у отца имелось по паре запасных ключей на каждую дачу.

Читателей-автомобилистов наверняка заинтересуют собственные «колеса» элитных дачников. «Если уж государственная дача не столь обставленная, то может быть личное авто никак не ниже престижной «Волги» или даже какой-нибудь иномарки?» - спросите вы. И будете... почти неправы. Да, «Волги» были, черного цвета. Служебные. С водителями со спецавтобазы Смольного, которые приезжали по вызову, привозили и увозили своих высокопоставленных «политклиентов». За каждым партийным сотрудником были закреплены свой шофер, серия чисел госномера машины – согласно занимаемому посту в руководстве партийно-управленческого аппарата Смольного. У некоторых в машине находился «мобильный» радиотелефон, представлявший собой телефонную трубку с обычным дисковым номеронабирателем и большим питающим (аккумуляторным) блоком. А также - всеволновый радиоприемник, замаскированный, правда, под вид обычного автомобильного. Затемненным (тонируемым) стеклом в служебной «Волге» было только заднее. А вот разных там световых маячков-«мигалок», сигнальных фар-стробоскопов и звуковых «матюгальников» на «партийных» «Волгах» не было и в помине! У некоторых партийцев личных авто... вовсе не было. А если были, то такие же, как у простого смертного советского автолюбителя – «Москвичи», «Жигули», даже «Запорожцы» и «пузатая» «Волга» ГАЗ-21 старого образца. Но, как только в середине 1980-х в советском автопроме наметилось появление революционных новинок, в первую очередь они появлялись у дачников партийной элиты. Как правило, это была продукция Волжского автозавода – «Жигули», из служебных – «Волги» ГАЗ-3102. Свои автомобили в свободное время ремонтировали и обслуживали сами. Правда, главный заведующий «торговой палатой» Ленинграда в своем распоряжении имел самую настоящую иномарку из «буржуазной» Германии (ФРГ) – «Ауди-80». Это действительно было чрезвычайно престижно (или «круто», как принято сегодня говорить). Хотя сам он нисколько этим не кичился, жил в менее просторной даче и любил местную детвору (как из числа детей своих партийных коллег, так и обслуживающего персонала). Даже раз-





решал посидеть за рулем своей машины. И ещё у кого-то была «советская иномарка» производства Чехословакии – микролитражная «Шкода». Также все без исключения «элитные дачники» ездили на обычных велосипедах, советских марок типа «Кама», «Салют», «Десна», «Украина».

Въездов на «обособленную» дачную территорию было два: «парадно-рабочий» - со стороны улицы Вокзальной, и «конспиративный» - со стороны Приморского шоссе.

Читателю, любителю «братьев меньших»: из домашней живности «партийцы» на дачу привозили кошек, собак; летом – попугайчиков и канареек. Правда, каких-либо экзотических пород (например, «насупленных» персидских кошек или редких собак) не держали.

Несколько слов о жизни обслуживающего персонала. Здесь работали и даже жили в точно таких же дачах (правда, по две семьи; исключение составляла наша семья, так как отец был начальником) сантехники, дворники, плотники и столяры, электрики кочегары-истопники, «телевизионщик» (мастер по ремонту телевизоров). Круглый год территория содержалась в идеальной чистоте и в порядке. Ремонтировалась детская площадка. Охранялась милицейским постом и с неё немедленно выдворялись (вежливо) все посторонние лица (даже случайно заехавшие дети на велосипедах). Для уборки территории дополнительно применялась механизация: мощные электронасосы для откачки воды (дачи находились в низине и по весне на газонах стояло много глубокой воды), мини-трактор - редкость по тем временам, газонокосилка производства Чехословакии, бензопила (отечественная, марки «Дружба»), ТУМ (тротуаро-уборочная машина) с различным прицепным оборудованием, ассенизаторский грузовой автомобиль и даже была... сеноворошилка. Рабочая неделя была шестидневной, восьмичасовой; впрочем, как и у людей, дачи которых они обслуживали. Но, если «партия позовёт», выходили на работу и в выходной или праздничный дни. А в период сильной непогоды выходили на работу и ночью! Бывали случаи, когда кто-нибудь из арендаторов мог «исподтишка» приехать на территорию днём среди рабочей недели (якобы он что-то забыл очень важное на даче), на самом деле – для личной проверки за теку-





щей работой на территории, не ставя при этом в известность о своём «инкогнито» начальствующий состав обслуживания, где мой отец, Олег Федорович Нифашев, был главным. О подобных «тайных визитах» отца все же ставили в известность, а сами партийные чиновники воочию убеждались в честности и качестве выполняемой на территории работы.

В дни проведения государственных праздников – «красных дней календаря» (1 и 9 мая, 7 октября – День Конституции СССР, 7 ноября – Октябрьская Революция 1917 года, 8 марта, 23 февраля, 1 января – Новый Год) всем сотрудникам обслуживающего персонала предоставлялись бесплатные продуктовые наборы. В них, в частности, было: экспортные рыбные консервы, шампанское, югославский ветчинный балык, баночки красной пососёвой икры и консервированной исландской сельди, наборы шоколадных конфет (коньячные «Медный Всадник» и финские шоколадно-желейные – «Джулия») и «кремлёвского» печенья-ассорти «Красная Москва», выдержанные наливки-настойки и т.д. Отдельные продуктовые и «вещевые» подарки были и для детей работников в дни рождения, Новый Год и даже тем, кто «первый раз шёл в первый класс!» Кстати, «обкомовские» дачники продукты питания с собой не везли, а покупали продукты в местных магазинах – в «Литейном гастрономе» на Вокзальной улице и на улице Танкистов. Правда, если нужны были какие-либо более дорогие и «элитные» продукты, затоваривались в «своем» магазине на Петровской улице (поблизости от Ласкового пляжа); из обслуживающего персонала в «закрытый» магазин доступ был только у нас. А вот, вопреки ожиданиям, заработные платы у работников обслуживающего персонала дач партийного аппарата Ленинграда были самыми обычными. И если, как говорится, не нравилось – уходи; поэтому, почти всех их держало здесь не столько дачное место (в советское время можно было совсем недорого снять аналогичную дачу в трех на выбор, имевшихся здесь же в поселке дачных хозяйствах), сколько те самые элитные бесплатные продуктовые наборы.

Кстати, на равных (для обслуживающего персонала и непосредственно самих «дачников») - несколько раз в неделю была организована бесплатная доставка свежего совхозного молока





из собственного подсобного хозяйства под названием «Оборона» в поселке Лахта. Любопытно будет узнать, как она была организована. На стене рабочего сарая хоздвора были сделаны два ряда трехъярусных деревянных полок для пустых и наполненных бидончиков. На двух раздельных рядах так прямо и было написано: «Пустые» (черной краской), «С молоком» (красной). Сами бидончики подписывались фамилиями «потребителей».

\*\*\*

Это были дачные дома для работников Смольного, повторяюсь, так называемого среднего партийного звена. Если он (они) значительно повышались по карьерной лестнице, то уже и госдача полагалась иного уровня (и в ином месте, правда, всё также деревянная): двухэтажная, с различными пристройками, водоснабжением с горячей водой; и географически, как правило – в Комарове или, что реже было – также в Солнечном, но в отдельном комплексе ближе к Финскому заливу – на Петровской, 2-й Боровой, Дачной, Лесной, Ленинградской, Кронштадтской улицах. А вот если по какой-либо причине партиец шел на понижение, то полагавшаяся госдача выделялась в «народном» дачном хозяйстве. В ней был только стандартный «штатный» набор мебели: никаких телевизоров, люстр, занавесок-гардин; а вместо котельно-парового отопления обычные кирпичные дровяные печи. И по общей площади дача была несколько меньше. Соответственно, чёрная «Волга» не привозила-отвозила. Одно только – дачный домик выделялся без какой-либо оплаты за его аренду.

Увы, но всё когда-нибудь рано или поздно заканчивается. С развалом Советского Союза перестали существовать и «партийные» дачи. Точнее, физически, они остались, но были переданы в ведение дачно-эксплуатационному хозяйству №5 (ныне – дачное отделение «Солнечное-1»). Теннисный корт на длительное время превратился в почти заброшенную спортивную площадку. В постсоветское время в бывшие правительственные дачи стали заселяться дачники «нового покроя» - бизнесмены и директора крупных промышленных предприятий города (наивно полагая, что фанерно-щитовые дачные домики, несмотря на их внешние немалые размеры, чем-то особенным отличаются от точно таких же



в остальном «простонародном» дачном хозяйстве). Таковые есть и сейчас, их легко вычислить по очень дорогим автомобилям зарубежных марок. Хорошо, правда, что некоторые взялись за возрождение еще совсем недавно увядающего на глазах «партийного» теннисного корта!

Сами «партийные» дачи образца конца 50-х прошлого, XX века, до сегодняшнего дня сохранились не все. Разрушаются от ветхости или, как чаще всего происходит, от пожаров. На месте бывших дач вырастают новые - современного образца и архитектуры. В 90-х годах территорию бывших «закрытых» дач, рабочие дачного хозяйства прозвали почему-то «тигрятником». Но, как увидел уважаемый читатель, прежние отдыхающие, работники партийного аппарата Смольного не были «тиграми» и многие из них в общении с обычным народом держались на равных.

Кстати, буквально за год до развала СССР на данной территории в даче №17 поселился тогдашний Председатель по сельскому хозяйству Ленинграда и области (Обком же!) Виктор Зубков (помню, отец долго с ним о чем-то беседовал). По совершенно случайному совпадению, именно эта дача сохранилась лучше остальных (а ведь ей совсем скоро исполнится полвека!), только сейчас



*Бывшая дача Виктора Зубкова. Фото Е.Нифашева, 2007 г.*



у неё другой «дачнохозяйственный» номер – 67, и вместо голубого - светло-зеленый цвет.

Со многими партийными чиновниками Ленинграда у нас были хорошие дружеские отношения. Поэтому некоторые из них перед сложением своих прежних полномочий и съезда с этих дач, отдавали нам безвозмездно предметы своего обихода. В частности: спортивный велосипед, двухтумбовый письменный лакированный стол из массива дуба Председателя Ленинградского обкома КПСС (на нём сейчас стоит мой рабочий компьютер); пара металлических ракеток польской фирмы «STOMIL» для большого тенниса, даже грузовой велоприцеп.

Отца моего, Олега Федоровича уже нет в живых, но с теплом вспоминаю те времена, когда он хозяйствовал в столь необычном месте...

**Е.Нифашев**





## Приложение 2. Топонимы названий<sup>1</sup>

### Солнечное

Поселок расположен в 40 км от Санкт-Петербурга восточнее пос. Репино. Первоначально территория поселка входила в состав дер. Куоккала (ныне пос. Репино) и именовалась Перя-Куоккала (фин. *Periäe-Kuokkala* — Дальняя Куоккала). Второе название местности — **Курносово** или, **по-фински, Курнойнен** (*Kurnoinien*). Дано, вероятно, по фамилии землевладельца.

В 1906 г. здесь появилась ж/д ст. **Оллила** (*Ollila*), названная по имени землевладельца Олафа (Олли) Ульберга, на средства которого она была построена. По станции стал именоваться и сам поселок, хотя русское население продолжало употреблять более привычное название Курносово.

Современное наименование поселка присвоено в 1948 г. Связано с тем, что он располагается в «самом южном и высоком» месте Курортного района.

### Современные названия

**1-я Боровая ул.** *От Петровской ул. за 2-ю Боровую ул.*  
Название появилось в советское время.

**2-я Боровая ул.** *От Приморского шоссе до Финского залива.*  
См. 1-я Боровая ул.

**Вокзальная ул.** *От Приморского шоссе до Зеленогорского шоссе.*

Финское название — **Кивитие** (*Kivitie* — Каменная дорога). Современное наименование связано с тем, что улица ведет к вокзалу ст. Солнечное.

**Дачная ул.** *От автостоянки до Приморского шоссе.*  
Название появилось в советское время.

**Железнодорожная ул.** *Вдоль ж/д линии за ул. Танкистов.*





Название появилось в советское время. Связано с тем, что улица проходит вдоль ж/д линии.

**1-я Зеленая ул.** *От Нагорной ул. до Вокзальной ул.*

Название появилось в советское время.

**2-я Зеленая ул.** *От Нагорной ул. до Вокзальной ул.*

См. 1-я Зеленая ул.

**3-я Зеленая ул.** *Параллельно Советской ул. до Вокзальной ул.*

См. 1-я Зеленая ул.

**Колхозная ул.** *От Приморского шоссе до Ленинградской ул.*

Название появилось в советское время. Наименована в честь советских колхозов.

**Комсомольская ул.** *От Приморского шоссе и Пионерской ул. до Зеленогорского шоссе.*

Название появилось в советское время.

**Кронштадтская ул.** *От Приморского шоссе в направлении Финского залива.*

Название появилось в советское время. Наименована по г. Кронштадту, в направлении которого идет улица.

**Ленинградская ул.** *От Финского залива за Колхозную ул.*

Название появилось в советское время.

**Лесная ул.** *От Финского залива до Зеленогорского шоссе.*

Название появилось в советское время.

**ул. Мира.** *От Среднего пер. до Лесной ул.*

Название появилось в советское время.

**Нагорная ул.** *От Приморского шоссе до 2-го проезда.*

Название появилось в советское время. Связано с тем, что улица ведет в гору.

**Петровская ул.** *От Финского залива до Приморского шоссе.*

Название появилось в советское время. Наименована, вероятно, в честь Петра I (1672–1725 гг.), первого российского императора.

**Пионерская ул.** *От пересечения Комсомольской ул. и Приморского шоссе до Вокзальной ул.*

Название появилось в советское время. Дано по находившимся здесь пионерским лагерям.

**Пограничная ул.** *От Финского залива за Приморское шоссе.*

Название появилось в советское время. Связано с тем,





что улица проходит по границе поселков Солнечное и Репино.

**1-й проезд.** *От Нагорной ул. до 2-го проезда.*

Название появилось в советское время.

**2-й проезд.** *Пересекает 7-й проезд до Вокзальной ул.*

Название появилось в советское время.

**3-й проезд.** *Пересекает 7-й проезд до Нагорной ул.*

Название появилось в советское время.

**4-й проезд.** *Пересекает 7-й проезд за Нагорную ул.*

Название появилось в советское время.

**5-й проезд.** *Пересекает Советскую ул. за 2-й проезд.*

Название появилось в советское время.

**6-й проезд.** *От 4-го проезда за 2-й проезд.*

Название появилось в советское время.

**7-й проезд.** *От Советской ул. за 2-й проезд.*

Название появилось в советское время.

**Северная ул.** *Пересекает Среднюю ул. до ул. Танкистов.*

Название появилось в советское время. Связано с тем, что улица находится в северной части поселка.

**Советская ул.** *Параллельно Приморскому шоссе до Нагорной ул.*

Название появилось в советское время.

**Советский пер.** *От Приморского шоссе за 2-й проезд.*

Название появилось в советское время.

**Средний пер.** *От пересечения пер. Танкистов и ул. Танкистов до Лесной ул.*

Название появилось в советское время.

**Средняя ул.** *От Среднего пер. до Зеленогорского шоссе.*

Название появилось в советское время.

**пер. Танкистов.** *От пересечения ул. Танкистов и Среднего пер. на юго-запад.*

Название появилось в советское время. Присвоено в честь танковых частей Советской Армии (см. также ул. Танкистов).

**ул. Танкистов.** *От Приморского шоссе за Железнодорожную ул.*

Название появилось в советское время. Присвоено в честь танковых частей Советской Армии (см. также пер. Танкистов).





### **Проектные названия**

**Большая ул.** *От Красивой ул. до Прямой ул.*

Наименована 17 июня 1982 г. Фактически проезд пока не существует.

**Красивая ул.** *От Приморского шоссе за 4-ю Тенистую ул.*

Наименована 17 июня 1982 г. Фактически проезд пока не существует.

**Прямая ул.** *От Вокзальной ул. до Ромашковой ул.*

Наименована 17 июня 1982 г. Название связано с конфигурацией улицы. Фактически проезд пока не существует.

**Ромашковая ул.** *От Прямой ул. за 2-ю Тенистую ул.*

Наименована 17 июня 1982 г. Фактически проезд пока не существует.

**1-я Тенистая ул.** *От Красивой ул. до Прямой ул.*

Наименована 17 июня 1982 г. Название связано с тем, что улица должна проходить вдоль зеленого массива. Фактически проезд пока не существует.

**2-я Тенистая ул.** *От Красивой ул. до Ромашковой ул.*

См. 1-я Тенистая ул.

**3-я Тенистая ул.** *От Красивой ул. на север.*

См. 1-я Тенистая ул.

**4-я Тенистая ул.** *От Красивой, ул. до 2-й Тенистой ул.*

См. 1-я Тенистая ул.



## Примечания

### Глава 1

<sup>1-4</sup> По книге: *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996.

<sup>5</sup> *Кяхенен Э.* Бывшие Терийоки. Изд-во «Коувала», 1982, с. 9.

### Глава 2

<sup>1</sup> *Кяхенен Э.* Бывшие Терийоки. Изд-во «Коувала», 1982, с. 300.

### Глава 3

<sup>1</sup> *Засосов Д.Н., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890-1910 гг. Записки очевидцев. Л., 1999, с. 247.

<sup>2</sup> *Рубцова И.* Дачный Петербург. №12, 2003, с. 47.

<sup>3</sup> *Кяхенен Э.* Бывшие Терийоки. Изд-во «Коувала», 1982, с. 5

<sup>4</sup> Дачная местность по Финляндской ж/д. Составитель *Федотов Н.* СПб., 1894, с. 10.

<sup>5</sup> *Грэнхаген К.Б.* Спутник по Финляндии. Типогр. «Герольд», 7 рота, №26, 1911, с. 37.

<sup>6</sup> *Засосов Д.Н., Пызин В.И.* Из жизни Петербурга 1890-1910 гг. Записки очевидцев. Л., 1999, с. 247.

<sup>7</sup> *Лихачев Д.С.* Избранное: Воспоминания. Изд. 2-е перераб. СПб, 2000, с. 96-99.

### Глава 4

<sup>1</sup> *Наумкина Н.* Из олимпиадной работы по истории советского искусства. 445 школа г. Зеленогорска.

<sup>2</sup> *Мейерхольд В.* Переписка 1886-1939 гг. М., 1976, с. 99.

<sup>3,4,5</sup> Там же, с. 102-103.

<sup>6</sup> Там же, с. 300.

<sup>7</sup> По мат. выставки библиотеки г. Зеленогорска.

<sup>8</sup> Дачник. Газета. №23, 24 июня. 1909.

<sup>9</sup> *Кириллина Е.В.* Репин в Пенатах. Л., 1977, с. 92-93

<sup>10</sup> Там же, с. 95.





<sup>11</sup> Карпенко М.А., Кирилина Е.В., Левенфиш Е.Г., Прибульская И.И. Пенаты. Музей-усадьба И.Е.Репина. Л., 1976, с. 43-44.

## Глава 5

<sup>1</sup> Блок А. Избранное. Л., 1970, с. 230.

<sup>2</sup> Там же, с. 125.

<sup>3</sup> Там же, с. 98.

<sup>4</sup> Чуковский К.И. Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999, с. 20.

<sup>5</sup> Тюников К. Терийоки-Зеленогорск. СПб., 2003. с. 64.

<sup>6</sup> Там же, с. 65.

<sup>7</sup> Чуковская Л. Памяти детства. СПб., М., 2000, с. 12-13.

<sup>8</sup> Там же, с. 10.

<sup>9</sup> Там же, с. 25-26.

<sup>10</sup> Кириллина Е.И. Репин в Пенатах. Л., 1977, с. 78.

<sup>11</sup> Чуковский К. Из моих воспоминаний. Репин. М., 1968, с.48.

<sup>12</sup> Карпенко М.А., Кириллина Е.В., Левенфиш Е.Г., Прибульская И.И. Пенаты. Музей - усадьба И.Е.Репина. Л.,1976, с. 41

<sup>13</sup> Чуковский К.И. Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999, с. 32.

<sup>14</sup> Чуковский К. Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1958, с. 159.

<sup>15</sup> Чуковский К.И. Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999, с. 21.

<sup>16</sup> Чуковская Л. Памяти детства. СПб., М., 2000, с. 26.

<sup>17,18</sup> Чуковский К. Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1958, с. 163.

<sup>19</sup> Чуковский К. Дневник 1901-1929 гг. М., 1991, с. 305.

<sup>20</sup> Там же, с. 312.

<sup>21</sup> Чуковская Л. Памяти детства. СПб., М., 2000, с. 91.

<sup>22</sup> Чуковский К. Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1958, с. 307-308.

<sup>23</sup> Кириллина Е.И. Репин в Пенатах. Л., 1977, с. 160-161.

<sup>24,25</sup> Чуковский К. Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1958, с. 307-308.

<sup>26</sup> Кириллина Е.И. Репин в Пенатах. Л., 1977, с. 167.





## Глава 6

<sup>1</sup> По книге: *Балашова Е.Н.* Карельский перешеек. Ч. 1. СПб., 1996.

<sup>2</sup> *Кяхенен Э.* Бывшие Терийоки. Изд-во «Коувала», 1982, с. 58.

<sup>3,4,5,6</sup> По книге: *Кяхенен Э.* Бывшие Терийоки. Изд-во «Коувала», 1982.

## Глава 7

<sup>1</sup> По книге: *Кяхенен Э.* Бывшие Терийоки. Изд-во «Коувала», 1982.

<sup>2</sup> *Хотиа Н.* Воспоминания. Пер. Молчанова. А. //Вести Курортного района, №21, декабрь 2003, с. 14-15.

<sup>3</sup> По материалам: *Потолова С.* «Stop in Finland». Август 2000, с. 28.

<sup>4</sup> Фотографии изделий из книги: *Скурлов В., Смородинова Г.* Фаберже и русские придворные ювелиры. М., 2001.

## Глава 8

<sup>1</sup> *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996, с. 136

<sup>2,4,10</sup> По книге: *Балашова Е.Н.* Карельский перешеек. Земля неизведанная. Ч. 1. Юго-западный сектор. СПб., 2003.

<sup>3</sup> *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996, с. 195.

<sup>5</sup> Там же, с. 184.

<sup>6</sup> По книге: Достопримечательности Ленинградской области. Л., 1977.

<sup>7</sup> *Молчанов А.К.* На грани мира и войны. Карельский перешеек и северное Приладожье в 1939-1948 гг. *Тематический сборник. Весь Курортный район, №8.* СПб., 2005, с. 25-28.

<sup>8</sup> Блокада. Сестрорецкий рубеж. Сестрорецк, 2004. с. 154.

<sup>9</sup> *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996, с. 210.

## Глава 9

<sup>1</sup> *Никулин Ю.* Почти серьезно. М., 1970. с. 66-94.

<sup>2</sup> Там же, с. 411.

## Глава 10

<sup>1,2</sup> *Молчанов А.К.* На грани мира и войны. Карельский перешеек и северное Приладожье в 1939-1948 гг. *Тематический сборник. Весь Курортный район, №8.* СПб., 2005, с. 16-17.





<sup>3</sup> Финляндский торговый путь. Март 2005, с. 3.

<sup>4</sup> **Молчанов А.К.** На грани мира и войны. Карельский перешеек и северное Приладожье в 1939-1948 гг. *Тематический сборник. Весь Курортный район, №8. СПб., 2005, с. 18-19.*

<sup>5</sup> Там же, 48-49.

<sup>6</sup> Там же, 49-50.

<sup>7</sup> **Шепелев Л.Е.** Чиновный мир России. XVIII - начало XX века. с. 331.

<sup>8</sup> **Кузнецов А.Н.** Награды. Энциклопедический путеводитель российских наград. М., 1999, с. 63.

<sup>9</sup> **Иппо Б.Б., Турчанинов Н.Н., Штик А.Н.** Карельский перешеек. Путеводитель. Л., 1962, с. 107-109.

<sup>10</sup> **Леви В.Э.** Ленинградские курорты. Л., 1968, с. 46-51.

## Глава 11

<sup>1</sup> **Штоколов Б.Т.** Горы, горы, моя звезда, СПб., 1995.

## Глава 12

<sup>1</sup> По книге: **Хазанович К.К.** Геологические памятники Ленинградской области. Л., 1982.

## Глава 13

<sup>1</sup> **Седов Е.М.** Воспоминания о строительстве санатория «Солнечное» и пляжа «Ласковый». Рукопись. 2007.

<sup>2</sup> **Захарьина Н.М.** В Солнечном. *Строительство и архитектура. 1965, №7, с. 24-29.*

<sup>3</sup> **Фоменко И.М.** Воспоминания о пансионате «Дюны». Рукопись. 2006.

## Приложение 2

<sup>1</sup> Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. СПб.: Информационно-издательское агентство «Лик», 2002, с. 591-593.







## Литература

1. **Балашов Е.А.** Карельский перешеек. Земля неизведанная: Ч. 1. Юго-западный сектор. Кивенаппа-Терийоки. СПб., 2003.
2. Блокада. Сестрорецкий рубеж. Изд. МС г. Сестрорецк, 2004.
3. **Блок А.** Избранное. Л., 1970.
4. **Гарднер В.** Избранная лирика. Хельсинки, 1990.
5. **Головань И.** Народная здравница. *Ленинградский альманах*, №6, 1953, с. 276.
6. **Веригина В.П.** Воспоминания. Л., 1974.
7. **Грэнхаген К.Б.** Спутник по Финляндии: Курорты, дачные и живописные местности. Типогр. «Герольд», 7 рота №26, 1911.
8. Дачник. *Газета*, №23, 24 июня 1909.
9. Достопримечательности Ленинградской области. Л., 1977.
10. **Засосов Д.Н., Пызин В.И.** Из жизни Петербурга 1890-1910 годов. Записки очевидцев. Л., 1999.
11. **Захарьина Н.М.** В Солнечном. *Строительство и архитектура*. 1965, №7, с. 24-29.
12. **Даринский А.В.** Невский край. СПб., 2000.
13. **Иппо Б.Б., Турчанинов Н.Н., Штин А.Н.** Карельский перешеек. Л., 1962.
14. **Карпенко М.А., Кириллина Е.В., Левенфиш Е.Е., Прибульская И.И.** Музей-усадьба И.Е. Репина. Изд. 2-е, Л., 1976.
15. **Кириков Б.М.** Петербургские дачи начала XX века на Карельском перешейке. Краеведческие записки. СПб., 1996.
16. **Кириллина Е.В.** Репин в Пенатах. Л., 1977.
17. Кто есть кто в Санкт-Петербурге. СПб., 2001.
18. **Кузнецов А.А.** Награды. Энциклопедический путеводитель по истории русских наград. М., 1999. с. 57-63.
19. **Кяхенен Э.** Бывшие Терийоки. Пер с финского **Молчанова А.К., Балашова Е.А.** Изд-во Коуволла, 1982.
20. **Леви В.Э.** Ленинградские курорты. Л., 1968.
21. **Лихачев Д.С.** Избранное. Воспоминания. Изд. 2-е. СПб., 2000.
22. **Материалы выставки Музея-усадьбы И.Е.Репина «Пенаты».**



23. *Мат. выставки филиала №1 библиотеки г. Зеленогорска.*
24. *Мейерхольд В.Э. Переписка 1896-1939. М., 1976.*
25. *Мейерхольд В.Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. Ч.1. 1891-1917. М., 1968, с.179, 209.*
26. *Молчанов А. На грани мира и войны. Карельский перешеек и северное Приладожье в 1939-1948 гг. Тематический сборник. Весь Курортный район, №8. СПб., 2005.*
27. *Наумкина Н. Олимпиадная работа по истории советского искусства. г. Зеленогорск, 445 школа, 1990.*
28. *Никулин Ю. Почти серьезно. М., 1970.*
29. *Ремез О. Летний сезон в Териоках. Театр, №4, 1984.*
30. *Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996.*
31. *Рубцова И. Дачный Петербург, №12, 2003, с. 47.*
32. *Седов Е.М. Воспоминания о строительстве санатория «Солнечное» и пляжа «Ласковый». Рукопись. 2007.*
33. *Потолова С. «Stop in Finland». Август 2000, с. 28.*
34. *Скурлов В., Смородинова Г. Фаберже и русские придворные ювелиры. М., 2001.*
35. *Театр оперы и балета им. Кирова. Л., 1970.*
36. *Топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. СПб.: Информационно-издательское агентство «Лик», 2002, с. 591-593.*
37. *Федотов Н. Куоккала. Дачная местность по Финляндской железной дороге с планом и картою. СПб., 1894.*
38. *Фоменко И.М. Воспоминания о пансионате «Дюны». Рукопись. 2006*
39. *Хотиа Н. Воспоминания. Вести Курортного района, №21, декабрь, 2003, с. 14-15.*
40. *Чуковский К.И. Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 2006.*
41. *Чуковская Л. Памяти детства. СПб., М., 2000.*
42. *Чуковский К. Дневник 1901-1929. М., 1991.*
43. *Чуковский К. Из воспоминаний. М., 1958.*
44. *Чуковский К. Из моих воспоминаний. Репин. М., 1968.*
45. *Хазанович К.Х. Геологические памятники Ленинградской области. Л., 1982.*
46. *Штоколов Б.Т. Горы, горы, моя звезда. СПб., 1995.*
47. *Щепкина-Куперник Т. Облака. М., 1912.*



1997-2001



Председатель  
Муниципального Совета  
СОРОКИН  
Василий Васильевич

Депутаты

БАРТОШ  
Анатолий Николаевич

ВАГИНА  
Людмила Васильевна

ГАРАЕВ  
Владимир Закирович

КАЛИНИН  
Александр Алексеевич

КУЗНЕЦОВА  
Елена Николаевна

ЛАВРИК  
Николай Петрович

2001-2004



Председатель  
Муниципального Совета  
ГАРАЕВ  
Владимир Закирович

Депутаты

ВАГИНА  
Людмила Васильевна

КУЗНЕЦОВА  
Елена Николаевна

ЛАВРИК  
Николай Петрович

СОРОКИН  
Василий Васильевич

ШТОКОЛОВ  
Александр Борисович

ЯЧМЕНЕВ  
Сергей Михайлович



2004-2006



**Председатель  
Муниципального Совета  
ГРИШИН  
Александр Эдуардович**

**Депутаты**

**БЕРЕЗИНА  
Татьяна Васильевна**

**КУЗНЕЦОВА  
Елена Николаевна**

**ЛАВРИК  
Николай Петрович**

**РЕНЧИНСКАЯ  
Вера Петровна**

**САВИНА  
Александра Михайловна**

**СОРОКИН  
Василий Васильевич**

**ФАДЕЕВ  
Геннадий Алексеевич**

**ФРОЛИН  
Александр Иванович**

**ЯЧМЕНЕВ  
Сергей Михайлович**

с 2007 года



**Председатель  
Муниципального Совета  
СТАРИКОВ  
Николай Иванович**

**Депутаты**

**ДАНИЛОВА  
Анна Владимировна**

**КАЛИНИН  
Александр Алексеевич**

**КЛЮШНИКОВ  
Юрий Александрович**

**КОРОЛЕВ  
Егор Александрович**

**КУЗНЕЦОВ  
Николай Владимирович**

**ПАСТУХОВ  
Александр Иванович**

**ПОЛУЯН  
Георгий Яковлевич**

**ШТОКОЛОВ  
Константин Александрович**

**ЯЧМЕНЕВ  
Дмитрий Сергеевич**



## В СОЛНЕЧНОМ БУДЕТ СОЛНЕЧНО!



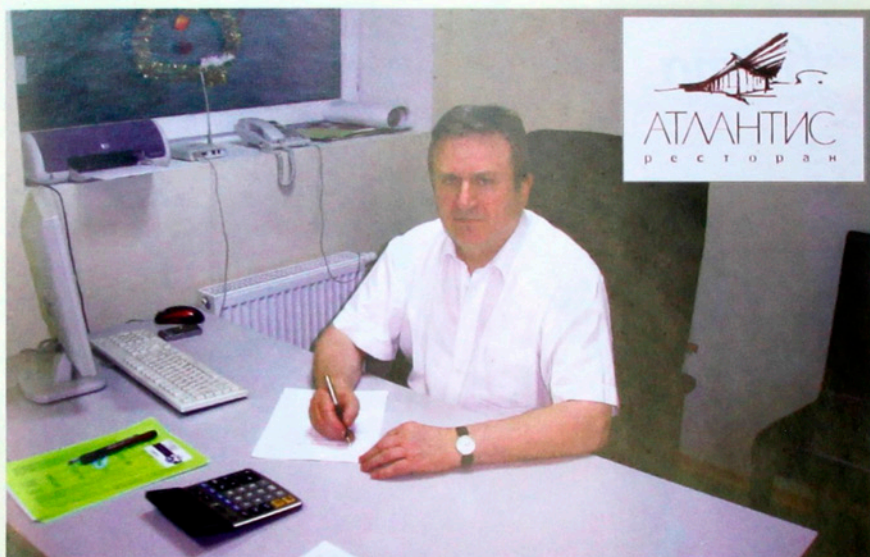
**Главный врач  
детского санатория  
«Солнечное»  
Николай Петрович  
Лаврик**

Непростая история поселка – дела минувших десятилетий, лет. Но мы все время смотрим вперед, стремимся к тому, чтобы жизнь людей становилась лучше и краше, достойнее.

Поселок, его жителей и многочисленных гостей ждут перемены. Очень скоро он будет газифицирован, будут приведены в порядок дороги, украшены улицы. В ближайшие годы в развитии Солнечного будет сделан упор на совершенную, современную инфраструктуру. При этом внимание будет также привлечено к сохранению санатория «Взморье» и известных на всю страну детского санатория «Солнечное» и пляжа «Ласковый». Будут реконструированы здание Муниципального Совета поселка, биб-



**Генеральный директор комплекса «Старая мельница»  
Роберт Михайлович Амоян, меценат**



**Генеральный директор ООО «Старвел Интернейшнл»  
Михаил Валерьянович Боголепов, меценат**

блиотека, появятся спортивные объекты, будет решен вопрос с амбулаторным обслуживанием населения. Это неудивительно: библиотека вот уже много десятилетий подряд является главным культурным центром Солнечного, где проводятся литературные встречи, выставки художников района. А знаменитая цветочная «альпийская горка» на улице Нагорной, которую вот уже много лет пестует и лелеет предприниматель Динара Касимовна Старикова – прекрасный образец того, какую красоту можно создать на улицах Солнечного.

Пример предпринимателей, готовых вкладывать свои средства и усилия в благоустройство, на решение проблем жителей заслуживает уважения и распространения. И если на улице Нагорной уже традиционно проходят детские праздники, то руководители кафе и ресторанов в прибрежной зоне – а это кафе «Лайма», рестораны «Лесной» в Солнечном на Приморском шоссе и «Атлантис» (на пляже «Ласковый»), оздоровительный комплекс «Старая мельница» помогают местным жителям поселка, прежде всего, малоимущим в решении их проблем. Депутаты Совета разработали программу отдыха пенсионеров, ветеранов войны и труда в комплексе «Старая мельница», этом чудо-подворье на территории поселка. В программе социальной помощи и в благотворительных акциях участвуют все крупные





*Генеральный директор ООО «Декор»  
Елена Александровна Дынина, меценат*



*Генеральный директор  
ООО «Лесной»  
Олег Владимирович Филиппов,  
меценат*



представители бизнеса в поселке. В 2008 году рядом с территорией ресторана «Лесной» в Солнечном появится первый в Курортном районе детский ресторан «Чукоккала» – в честь знаменитого Корнея Чуковского, необычный ресторан появится на месте, где некогда стоял дом знаменитого детского поэта.

У Солнечного хорошее будущее.

**Вадим Соловьев**

## Оглавление

Введение .....	3
Глава 1. Немного истории .....	5
Глава 2. Прошлое деревни Куоккала. К вопросу о границах .....	10
Глава 3. Петербургская дачная традиция .....	13
Глава 4. Театральная Оллила .....	20
Глава 5. Голоса серебряного века .....	26
Глава 6. Обратно в деревню. Вторая жизнь курорта .....	42
Глава 7. Как они жили. Воспоминания выживших .....	48
Глава 8. Три войны XX века .....	56
Глава 9. Юрий Никулин на Карельском перешейке .....	64
Глава 10. Новая жизнь поселка .....	69
Глава 11. Наши знаменитые современники .....	90
Глава 12. К вопросу экологии: дюны .....	95
Глава 13. Современное Солнечное .....	98
Заключение .....	106
Приложение 1. «Роскошь» по обкомовски .....	107
Приложение 2. Топонимы названий .....	116
Примечания .....	120
Литература .....	124

*Раиса Николаевна Гараева*

«СОЛНЕЧНОЕ – ОЛЛИЛА – РАЯЙОКИ».

История и современность

Оригинал-макет, оформление обложки  
и обработка иллюстраций — Калашников Б.О.  
Техническое редактирование — Соловьев В.А., Кондратьева А.А.

Корректор — Гайдина А.А.

Допечатная подготовка — ИП Соловьев В.А.

Современные фотографии — П.Винокурова, Р.Гараевой,  
В.Соловьева, Е.Нифашева, С.Полпудникова и др.

Открытки, репродукции и старые фотографии —  
коллекции С.Ренни, архивов автора, Е.Седова, А.Ковалевского,  
Фоменко, филиала №1 ЦБС Курортного района, дома отдыха  
«Взморье», МС МО поселок Солнечное и семейных архивов  
старожилов поселка Солнечное

#### На форзацах:

Карта довоенной Оллилы с обозначениями учреждений  
и домов финских жителей первой четверти XX века.  
*Из архива автора*

Карта современного Солнечного, 2007 г.

© «Дискус Медиа», 2008. Лиц. СЗГ № 01041К.

192029, Санкт-Петербург, Общественный пер., 5.

E-mail: [discus.media@discusmedia.spb.ru](mailto:discus.media@discusmedia.spb.ru)

Internet: [www.automaps.ru](http://www.automaps.ru)

Подготовка оригинала ООО «Типография НПК»  
Отпечатано в типографии ООО «Невская Жемчужина»  
194044, Россия, г. Санкт-Петербург, Чугунная 14

60x90  $\frac{1}{16}$ . Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «Бенгали».

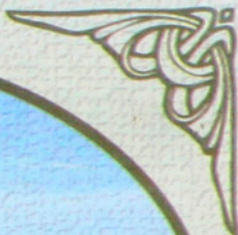
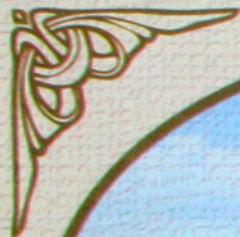
Тираж 1000 экз. Заказ № 169



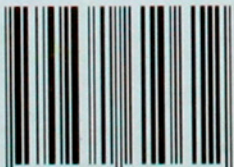


КАРТА СОВРЕМЕННОГО СОЛНЕЧНОГО, 2007 г.





ISBN 5-86161-061-4



9 785861 610612